

Куаныш

Жиембаев

ЕСТЬ РАЙ И НА ЗЕМЛЕ

(отрывок из романа)

1

Боже мой, существует ли на свете такой человек, кому захотелось бы понять причину вялой, плетущейся походки Кобейсина, который прежде с получением срочной вести с космодрома тотчас птицей летел туда? Как бы то ни было, клонится сейчас его тело с унылым выражением вперед, а со стороны кажется, что застыл он на месте. Вот он затоптался возле колонки, что у самой угольной базы, набрал в ладони воду из вечно сочащейся струйки, сполоснул лицо холодными брызгами, тем самым как бы нехотя оживив некоторые силы. Все же с тех пор разве не прошло столько времени, а он все еще мнетя на площадке возле станции, не отдаляясь от лавчонок, что толпятся на бетонном пятачке. Или ему захотелось присесть на одну из скамеек, что вытянулись ровно в ряд, и как следует отдохнуть, словно ему кто-то шепнул на ухо: «Куда вы спешите, ведь вы уже не начальник депо Торетама?! Вы работник другого учреждения, перешедший туда по итогам конкурса». Да, в самом деле, куда ему спешить? Коричневый телефон, который напрямую связывал его дом с Байконуром, глухо молчит. Кобейсин теперь только один из тысяч жителей закрытого города, которые после обязательных восьми часов работы аккуратно запирают дверь учреждения и, никуда не сворачивая, спешат напрямик домой. Наконец-то его уши отдохнут, упиваясь покоем, не вздрагивая, как бывало, от жесткого приказа: «Немедленно доставьте прицепленный тепловоз к летней площадке №1». И, похоже, больше всех обрадуется этому его жена Аккербез.

Почему-то его внимание ясно перешло на громкое чирикание пяти или шести воробьев, что, вспушив перья и встряхивая их, копошились у струйки воды. Каждый день, проходя туда и сюда мимо крана, как же это он не замечал этой птичьей возни? И что сказать-то про невозмутимость этих воробьев, нисколько не обращающих внимания на изнурительно палящую жару, на одуряющее зловоние, источаемое темными полосами вдоль железной дороги, на грохот и тряску тяжеленных колес поездов, совершающих маневры по рельсам, на громкую переключку диспетчеров по репродуктору, разносящуюся по всей округе? Набирают птахи клювами воду с бронзового подстава крана, поднимают головки к небу и с задранными, как правило, опереньями хвостиков снова возвращаются к своей обыденной неумемной жизни. Так и читаются их мысли: «Слоняются мимо нас туда и сюда всякие существа, наконец-то изволил явиться сюда и сам начальник депо! Но как понять, что мы, всецело поглощенные питьем, словно вот-вот замертво

падем от жары, не заметили появления этого человека?» «Вот так следовало поступить вам», – иронично пробормотал Кобейсин. А затем, бессознательно принуждая себя, сухо рассмеялся. Сегодня он чувствует себя странно... то ли сердце, словно лезет в горло, то ли слабость какая-то томит все тело. Пока он толком не разобрался с этим ощущением. Поскольку пальцы неудержимо подрагивали, не давая ему покоя, он засунул руки в глубокие карманы брюк. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и с наслаждением вдохнул терпкий дегтярный жар, идущий от черных развождев вдоль железной дороги. Он не обращал внимания на крупные капли пота, выступившие на лбу.

Утомленная пеклом старая сука с высунутым трепещущим красным языком, покойно прижавшаяся к прохладной глине затененного места, с явным недовольством наблюдала за восторженной возней воробьев. Она приоткрыла угрюмо-сонные глаза и снова закрыла их, затем застригла ушами и подняла голову. Уж не обзавелись ли легкой добычей эти проклятые птахи, пока ее не было здесь? И в самом деле, хотя уже долгое время это место служило привычным обиталищем для нее, в последние дни она ни разу не ела досыта, и ребра уже заметно проступали сквозь бока. Она была голодна.

В памятные времена пассажиры поездов, проходящих туда и сюда и останавливавшихся на станции Торетам, выскакивая из вагонов со своими баулами, разве не облепляли этот кран, подобно пчелам на цветущем лугу, при этом не сворачивая никуда, собираясь вокруг него шумной толпой? Времени, как всегда, было в обрез. Все же, несмотря ни на что, они успевали. И почему бы не успеть! Разве на станции Торетам найдется какой-нибудь сумасброд, что вцепился бы им в ворот с требованием решить одну из неотложных мировых проблем? Напившись досыта, они осмеливались даже скинуть с себя одежду до пояса и с уханием и оханием освежить тело холодной водой. И только потом озирались по сторонам, мол, где, в какой стороне их космодром, удививший своими ошеломительными вестями весь подлунный мир? Но, как бы ни тянули они шеи, вглядываясь, откроется ли космодром всякому проходимцу? Если бы это было так легко, был бы так значителен и важен Байконур?

И внезапно гул всяких необязательных пересудов и толков переходил на другую тему. Но как бы они ни хорохорились, вряд ли утешила бы их душу картина теснящихся к железной дороге низеньких, сложенных из самана казахских мазанок, наполовину ушедших в песок, подслеповатых окон, длинных, облицованных жемчужно-белыми трубами, спутниковых антенн, беспорядочно устроенных там и сям на крышах. Отношения космодрома и казахских аулов, разбросанных по окраинам Байконура, никогда не ладились, и не только не ладились, но временами, без всякой причины, так накалялись, ожесточая души людей, что ни о каком согласии не могло быть и речи. Более того, находились и такие люди, кого само это слово – согласие, бытующее издревле, раздражало так, что, словно от нестерпимого желания уничтожить его, кровь бросалась им в глаза. И они не скрывали своего вящего гнева. А так обычно дочерна загорелые, босоногие детишки, выглядывая из-за камышовых калиток невысоких плетней, прикрывая глаза от неистового солнца, в невольном жесте махали руками проносящимся с гулом и грохотом поездам, мол, «счастливой вам дороги!» И это, конечно, приятно грело душу путникам.

Не успевали эти мысли посетить голову, как все тот же жестяной голос сообщал на двух языках о том, что поезд готовится к отправлению. Именно этого момента, подрагивая всем истомленно-изнывающим, жаждущим нутром, в нетерпении дожидалась старая сука. Народ с шумом и гамом катился валом к вагонам. Те, кто надеялся на свою прыть, добежав до поручней, запрыгивал на подножки тамбура.

Над станцией тотчас воцарялась тишина. Последний вагон скорого поезда, уменьшаясь на глазах, вскоре исчезал из виду. Первыми принимались за дело шустрые воробьи, словно дожидались именно этого момента: они слетались со всех сторон к бронзовому подножию крана и принимались жадно клевать крошки хлеба, остатки другой еды, насыщаясь с деловым видом. «Эй, если у вас есть глотка, что, думаете, у других ее нет?» – ноздри старой суки так и щекочет дразнящий запах. Опасаясь крана, не обращает она внимания на остатки хлеба.

Но только сунулась носом к крану, как в ней толкнулась неведомая досель сила. Движения ее стали проворными, в гноящихся тусклых глазах вспыхнул огонь. К ее досаде пассажиры сегодняшнего дня – все как один – были чистюлями: не кидали, как бывало, остатки еды, как есть, в мусорный ящик. Словно оберегая от некоего врага, заворачивали аккуратно в целлофановый пакет. Эх! Что поделаешь с ненужной прытью этих двуногих! Сами говорят, что «собака – одна из семи ценностей мира, верный друг человека». Если и правда собака – «верный друг человека», то какого же рожна они ввергают в такие заботы старую суку?

Стоило только ухватить что-то пастью, как уже недосуг разбираться, что к чему, облеплена песком еда или нет. Порой даже со скрежетом проходит через зубы крышечка от бутылки с соком. И пусть клокочет в горле злоба, что поделаешь, некоторые остатки еды уже настолько впитали в себя отвратные запахи, что тошнота подкатывает к горлу. И нет уже прежней силы, чтобы разборчиво с оглядкой глотать пищу. Все же бывает, кажется, и какая-то польза от отвратного запаха, когда после суетливо-неистового насыщения приваливается она где-нибудь в тенечке, благодаря судьбу за посланный кусок на своем собачьем языке. Похоже, под влиянием этого запаха расслабляется все тело, и, потягиваясь, млея, незаметно погружается она в блаженство сна. Но до этого еще столько времени! А так... остается ли что-нибудь мало-мальски привлекательное на бронзовой подставе крана? Да всякая мелочь и шелуха! Словно почувствовав что-то недоброе в кровавых глазах собаки, в взбурившемся ее загривке, бедняжки воробьи нехотя забили крыльями и с шумом поднялись в воздух. Но как не вскипеть их крови от опасной догадливости старой суки?

Железный ящик с мусором налит каменной тяжестью. Открыть крышку ящика для собаки – труд, наводящий тоску. Однако она знает, что на дне этого ящика сокрыто столько сокровищ, покоящихся в бумажных обертках. Не умолять же о помощи этих двуногих, неуклюжих созданий на тонких конечностях? И эти свертки на дне ящика, сколько бы ни совала она пасть в горловину ящика, тоже не лезут ей в зубы с готовностью. И некому ей помочь в сердечном участии. Вряд ли найдется какой-нибудь сердобольный мусульманин в этот изнывающий от солнечного пекла полдень.

Смертельная тоска охватывает старую суку от бесполезных ее хлопот. Скуля, кружит она бабочкой вокруг мусорного ящика. Все зависит от времени. И когда она, увиваясь, выбивается из сил, подходит некто Безумный с зажатой под мышкой метлой, поднимает заветный ящик, опрокидывает его содержимое в другой ящик на колесах и, волоча тележку, напевая песенку, как ни в чем не бывало, удаляется себе восвояси. Сколько было таких неудач на ее веку! Но тогда почему она теряет время? Надо верить только в себя. Радуйся тому, что этот Безумный с закутанным в платок лицом не привел с собой замороженных упитанных псов с гладкой шерстью и не науськал на нее, гоня прочь с этих мест. Как будто за ее спиной есть благополучный двор и свой хозяйский дом, презирает она этого несчастного Безумного. Все же, как бы то ни было, Безумный, он и есть Безумный! Стал бы иначе джигит, полный сил, в накаленную, с ума сводящую жару, в ясный божий день, царапать ни

с того ни с сего и скрести метлой дочиста небольшую площадку между станцией и паровозным депо? Имел бы рассудок – нашел бы себе стоящую работу в самом депо. Или имеет он некую пользу от этого? Вряд ли, однако! Им же, бедолагой, помыкает всякий начальник на железной дороге, куда только не гоняя, водя туда и сюда указующим перстом. Вот и мотается, бегаёт по чужой воле он с утра до вечера неторопкой трусцой, ни о чем не думая, не напрягая собственные мозги.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Сука сама удивляется тому, что не ведомым образом догадалась о нужной уловке. Подбегает она к ящику и легонько так толкает его плечом. Одно только неприятно – когда драгоценный ящик падает на асфальт, разносится грохот. И она вздрагивает всем телом, словно от удара током. Мало-помалу она приходит в себя, убедившись, что бояться ей нечего. Остается лишь, не тратя сил на лишние движения, не отвлекаясь по сторонам, найти то, что ей нужно. Ойпырмай, и к чему так старательно заворачивать остатки еды в бумагу?! Пока развернешь ее, грянет Последний срок. Глотая слюну, принимаешься царапать когтями, елозить туда и сюда. А солнечные лучи так и прожигают затылок. Кое-какие свертки, конечно, не стоят таких забот и хлопот. Так себе – найдешь крошку на один зубок. Разве удовлетворится утроба, если не рвешь еду всей пастью и не глотаешь всей глоткой? Но разве откажешься даже от этих крох драгоценной еды? Ведь пока прибудет следующий поезд на станцию Торетам, везя очередных пассажиров, мухи могут выесть все твои глазницы. И словно разверзлась ненасытная утроба, она требует: еще и еще! Раз пришел ее черед, разве пожалеет сил старая сука? Разбрасывается мусор из железного ящика. Вокруг воцаряется хаос и свалка обрывков. И старая сука жадно ищет добычу, словно вот-вот окажется она в пасти.

О Боже, мастер на все руки, если захочет он запутать тебя, то сделает это в мгновение ока! Принимаясь за поиски, обычно она ступала лапами осторожно, расчетливо. Но в какой момент и как допустила она ошибку? Или роковой поворот событий, словно чреватый атакой врага, не дал вовремя обнаружить себя? Или прихотливая алчба не дала подумать об этом? Тяжелый удар, обрушившийся на хребет, парализовал ее, не давая оглянуться по сторонам. С чего тебе бить так жестоко, проклятый двуногий! Хватанул то ли дубиной, то ли целой жердью. Если бы на пядь взял вперед, ее мозги разлетелись бы по всей площадке. И была она рада, что все еще видит свет перед собой. Однако в глазах мутнело, и все кружилось вокруг нее. И в какой-то момент ей показалось, что товарный состав, показавшийся рядом, наползает, свисая с неба. Водонапорная башня рябила, пошатывалась в тумане. Она поняла, что упала на правый бок и перекатилась. Все же крохи жизненных сил оставались в ней. Однако к чему ей сейчас голос инстинкта? Большегодились ей ее четыре ноги. С их помощью она с трудом оторвала от земли нижнюю часть тела. Подаваясь вперед, тщаь из всех сил, проползла полметра. Туман, застилающий глаза, никак не рассеивался. Кто знает, быть может, дала ей толику силы недавно съеденная пища, еще метр проползла, потом еще... В конце концов, пошатываясь, встала на ноги. Вскоре она добралась до конуры, укрытой в тени, в камышах, под стеной угольной базы. Теперь она не пропадет.

Невдалеке эхом звучали знакомые ей и чужие голоса. Щуря глаза, она с трудом повернула тяжеленную, словно жернов, голову в сторону звуков. Статный, высокий, привлекательного вида мужчина что-то говорил, размахивая рукой. Он был чем-то разгневан, в голосе ощущалась злость. Остальные, мрачно понурившись, молча слушали его.

– Вы, наверное, уже сами устали от бесконечных нареканий, крика начальников и указаний. Что это за безобразие? Мы говорили вам, чтобы вылизали перрон до

блеска, и это то, что вы сделали?! Что это за ужас? Из Москвы едет большой начальник, руководитель космодрома. Если вы так встречаете дорогого гостя, с таким мусором, то вас можно поздравить за усердие и меня тоже, благодаря вам. Если вы стесняетесь взять в руки метлу, если вам стыдно за свою честь, то напишите заявление и...

– О чем вы?! Заявления писать не будем, простите нас на этот раз...

И она узнала невнятное бормотание Безумного... И вот, как только навалилось на нее это несчастье, удача отвернулась от старой суки. В последние дни она спасалась только тем, что с трудом следовала за своими сестрами. Порой, дрожа всем телом даже от порывов ветра, она едва удерживалась на ногах. Безумный же словно обрел второе дыхание. Бодрый, подтянутый, гнусаво выводя свою песенку, он успевал со всеми делами. Дребезжа и грохоча, тележка его моталась без усталости. То ее видишь возле депо, то глазом не успеешь моргнуть, как она оказывается уже возле самой угольной базы. Особенно выводила из себя неумная прыть Безумного в минуту, когда начинал отъезжать пассажирский поезд. Глаза не успевали уследить за тем, как шустро подбирал он остатки в бумажных свертках. Он выуживал бумажки даже между шпалами, не оставляя без внимания любую щель. Лишь черная маслянистая грязь, словно родничок малого дитя, поддрагивающая под шпалами, ускользала от его взора. Не ленился он наклониться и поднять с земли даже обгорелые спички. Что и говорить, осмелится ли язык назвать болью прежнюю резь, от которой судорожным комом перекашивались кишки старой суки, если последний удар заставил сердце и нутро чуть ли не рвать злой кровью. И это еще вдобавок к тому, что все события чередой сцен проходили перед глазами каждый день. Чем видеть все это, не лучше ей подохнуть в своей конуре?

Может ли кто-либо сказать, что Безумный хотя бы раз задумывался о жалком состоянии старой суки, корчащейся от мук голода в конуре, скрытой в тени угольной базы? Нет, конечно. Более того, приводя ее в бешенство, он еще припевал себе под нос. Странно, откуда он находил слова для этой песенки. Содержимое ящика в тележке он еще шумно опрокидывал в короб на арбе. Не оставлял на земле ни крохи, ни клочка. Мало того, словно кто-то задолжал ему, он еще тщательно осматривал дно ящика. Да, видимо, начальник из Москвы, руководитель космодрома, благополучно прибыл в Торетам, да и начальник депо, похоже, перестал сердиться, – глядя на это, нетрудно догадаться, что и зарплата Безумного чуток выросла. И все же песенка его была ужасно неуместна.

«Оу, отчего не к делу расширились эти неумные воробьи, а?! Словно делят требуху рыбки. Или где-то остался сверток с едой, не замеченный Безумным?» Поддавшись вперед, потянувшись, собака с трудом двинулась с места. Переставила лапы один раз, потом второй. Вот тебе и на!.. Тот самый мужчина... Это тот мужчина приятной наружности, требовательно говоривший в тот раз, размахивая рукой. Понурый, безрадостный, что он делает на этом безлюдном, мрачном перроне, похожем на двор, с которого вынесли покойника? Если он – начальник, то это его дело, если он – божество, то это тоже его дело. Только правда то, что собака сильно невзлюбила человека, из-за которого лишилась своей обычной еды.

Поджав живот, она опять забралась в свою конуру.

Кто знал, что Кобейсин среди бела дня зайвится в здание депо? Первым делом были немало удивлены железнодорожники, которые трусцой бежали вдоль пересекающихся рельсов, толпой неся какую-то длинную железку. Слегка приподняв козырьки замасленных кепок, прикрывающих глаза, они изобразили дружелюбный

кивок, что-то вроде деланной улыбки, некоторые же не скрывали своего раздражения, дескать, видим, догадываемся, что начальник депо, как бы демонстрируя недоверие рабочим дневной смены, явился без лишнего шума проверять их работу. С одной стороны, самому Кобейсину было неловко. Он и сам не понимал, почему ни с того ни с сего примчался сюда. Все внутри него словно оцепенело. А ведь по итогам конкурса он получил повышение по службе. Вроде бы все хорошо. Не глупо ли ждать от кого-то суюнши за радостную весть! В самом деле, вряд ли об этом не слышали все эти уважаемые люди. Пожилая женщина, диспетчер пульта увидев Кобейсина, желая доложить о проделанной накануне работе, поправила белый платок с кисеёй, торопливо глянула в зеркальце в руке и затем поспешила было сообщить оживленным голосом: «34-й доставили без остановки до станции Саксаульная. Неисправный тепловоз в Сулутаме поставлен на срочный ремонт, на космодроме пока все спокойно», – но Кобейсин с удовлетворенным видом поднял руку, дескать, спасибо, не нужно.

И он зашагал вперед по шпалам, густо пропитанным дегтем. О, Боже, эти железнодорожники депо Торетама, привыкшие работать в условиях жесткой военной дисциплины, безропотно трудившиеся под палящими лучами солнца, наверное, сделаны из железа. Как не дивиться этому! Ведь даже роботы не выдержали бы темпа их неустанный труда. Им же все равно, пошлют их на задание глухой ночью или рано утром. Стоит только им услышать голос диспетчера, мол, собирайтесь в депо, как они, словно барсы, моментально вскакивают со своих мест, и в дорогу. Пуговицы на рубашке они застегивают уже на бегу. Пиала кисловатого шубата с вечера стоит на полке печи, – опрокинут его в горло и, помяная духов предков, птицами несутся в депо. Это старая традиция, уже впитавшаяся в кровь. Семья тоже давно привыкла к такой жизни железнодорожника. Пиала с шубатом, выпит он или нет, всегда должна стоять на печи.

Простой народ, конечно, не ведал об этом, но на самом деле депо Торетам было создано для нужд космодрома Байконур. Да и к чему людям на станции обсуждать то, чем занимаются на всемирно известном космодроме. Всевозможных секретов, о которых они частично знали, но большей частью не ведали, было через край. Вдобавок военная дисциплина не давала и шагу сделать в сторону. К тому же каждый, когда его принимали на работу, подписывал бумагу о неразглашении. Размеренная жизнь в саманных домах аула вокруг станции, развинченная походка в своем дворе, пустые разговоры, не стоящие и ломаного гроша, обычные шуточки между зятьями и племянниками, – вся эта рутина мгновенно остается за порогом депо. Все, что дальше, напрямую связано с космодромом. Твое босоное аульное прошлое, прошедшее в пыли Торетама, становится ничем, все твое существо закипает, сплетаясь с неумолимыми процессами мировой цивилизации, что за шестью морями и океанами. Сознание озаряется особым светом. А когда ракета, взлетевшая в космос, благополучно достигает орбиты, космонавты устраиваются на своих местах, и ты слышишь, что от них на землю приходят новости, удивляющие человечество, в твоей душе воцаряется радость. На время ты расправляешь плечи и поясницу, вбираешь полной грудью воздух, ликуя, что и от твоей работы была какая-то малая польза, и какое-то время летаешь в облаках. Эй, погоди, ведь в последнее время, как грибы после дождя, расплодилось коммерческие полеты в космос. Кто только не приезжает в Торетам. Причем со всех концов света. Поэтому, конечно, и в Торетама находятся представители оппозиции, смотрящие косо на все это, дескать: «Мы ничего не получили от несметной прибыли этих полетов». Скорее всего, благодаря тому, что живут в селах рядом с космодромом, представители этой оппозиции оказываются всегда на шаг впереди по сравнению с крикунами

из других районов. Ладно, пусть живут-поживают себе в саманных домах, однако они хорошо осведомлены о том, как решать свои проблемы, на представительства каких стран надо им выходить. Если у них ничего не получается, они прямо стучатся в двери ООН.

Работники торетамовского депо по своей природе не склонны угодничать перед кем-либо. Самолюбивые, они не давали обидеть себя никакому случайному человеку. Если бы это было нужно, они не посчитались бы ни с чем, чтобы привести в чувство космодромщиков, невзирая на их настойчивые и нетерпеливые требования мол, давайте, живее, выполняйте! Да и к чему железнодорожникам Торетам, свято верящим, что «судьба космодрома в руках предка – Коркута», попусту гневаться из-за чьего-то глупого невежества. Да, да, разве не доходит до слуха Всевышнего их шепот, что причина известности Байконура коренится в мавзолее Коркута. Мавзолеем Коркута, до которого рукой подать, остудит порывы еще стольких гордецов, приведя их к смирению перед волей Всевышнего. Ну, а космодромщики, оказывается, завели себе правило, как бы ведая тайну, усмехаться этому, торетамовцы же, дескать, отца бы твоего, всегда готовы вывернуть наизнанку их секреты. Однако всему свое время, все должно идти своим чередом, – разве до сих пор не хранят спокойствие сии благодущные обитатели Торетам? В конце концов, все будет так, как хотят торетамовцы, победит их карта.

Традиционное властолюбие космодромщиков берет начало еще в советских временах. Они, как правило, не считались ни с начальником депо Кобейсином, ни с другими железнодорожниками, ни даже с руководителями республиканского масштаба. Их всегда подмывало вести себя бесцеремонно с торетамовцами, нахально попирая их гражданские права и чувства. Что ж делать, торетамовцам приходилось мириться с этим, дескать, ладно, пусть будет по-вашему, они держали все внутри себя, лишь бы не появились проблемы в межгосударственных отношениях. И, хотя каждый успешный полет ракеты с космодрома сводился к тому, что в условиях торжественной шумихи они оказывались затертыми в самый дальний угол, вынужденные глотать горечь, они все же должны были хранить молчание во имя чести своего народа. Что поделаешь? Смиряться. В противном случае, ничего не стоит им вдруг разбушеваться и перевернуть все вверх тормашками. А ведь всякий раз после того, как в исполнение срочного приказа сдвоенный тепловоз, как пара аргамаков, готовых к скачке, поставлен перед железными воротами, у космодромщиков по их дурной привычке появляется ощущение, что так и будет всегда, что торетамщики в железной узде. Между тем у железнодорожников за их спиной была верная опора с гору величиной. И она, заветная опора, не подчинялась никаким межгосударственным соглашениям, не признавала таких понятий, как великая сила глобализации, не считалась ни с каким из бесчисленных пунктов программы космического альянса. Вот так, собрав в одну кучу эти культовые силы, которым поклонялись мозгляки мира, поставив их в один угол, установив в окрестностях Торетам свою власть, аруах Коркута проявлял свою мощь, словно грозная туча, играющая громом и ярой молнией. Не было никакого зазнайства в том, что люди сочли это силой между небом и землей, ведь к этой вере их привели биотоки, которые естественным образом излучались из мавзолея Коркута. Быть может, кто-то высмеет эту веру, выразит недоверие. Так как это явление не изучалось из космоса, вполне возможно, что найдутся и такие, кто, выслушав это вполуха, махнет рукой, дескать, это философия, сочиненная местными умниками. Однако, будь ты большим человеком или маленьким, никогда не забывай, что аулы, расположившиеся вокруг Байконура, поддерживаются биотоками, излучаемыми из мавзолея Коркута. Можете считать, что это сила великого предка. Еще раз по-

вторим, если вы связали свою судьбу с Торетамом, то с этого момента вам лучше верить, что здесь есть некая чудесная сила.

«Территория космодрома, окруженная колючей проволокой, полна тайн, недоступных человеческому уму!» Черта с два! Зачем вам мучиться, выходить из себя, если хотите познать все эти секреты. Сначала подвергните себя духовному очищению, обратившись к своей совести, как говорится в священном Коране, осознайте все свои грехи, совершенные вольно или невольно, и приходите к мавзолею Коркута. А мавзолеем Коркута находится рядом с космодромом, можно сказать – дотуда рукой подать. Источая во все стороны заунывные кюи Коркута, днем и ночью он стоит на страже спокойствия Великой степи, защищая ее от всего плохого, сотворенного рукой человека.

Эти места не зря названы центром Земли. Понятие о притяжении Земли возникло в прямой связи с этим мавзолеем. Впрочем, это еще плохо изученное направление. Ведь в эти дни, со смыслом или без него, вес всех научных открытий оценивается в связи с космосом. Если вами будет сообщено, что нечто исследовано из космоса, то, считай, ваши дела пошли в гору. В эти дни из космоса изучаются и природные ископаемые, экологическая обстановка среды, уровень подземных вод, степень их солености. Однако, к сожалению, так выходит, что на сегодняшний день условия, которые сложились под землей вокруг мавзолея Коркута – это секреты, которые специалистам не по силам. Если сказать точнее – это им не по зубам. Можно только утверждать, что влияние биотоков, излучаемых мавзолеем Коркут-ата, гораздо мощнее земного притяжения.

Торетамовцам только это и нужно. Пусть и за целый век не откроются эти тайны, как и прежде, их души невозмутимы. Лишь бы они, как и раньше, прикасались к этому благу, проникались неисповедимым озарением, лишь бы не уменьшалась от этого их вера. После того, как они всей душой поверили в эту чудесную силу и отдались ей, к чему теперь им нервничать, переживать по поводу беспардонного, крикливо-хамского поведения космодромщиков? Стоят ли они того, чтобы страдать из-за них? Лишь бы не отдалили их от святого духа Коркута, не отлучили от благого света, принявшего ушедших в мир иной, взвешивающего их новые дела и начинания. «Бога нет!» – говорят иные, и несть числа таким. А ведь являют им не раз, можно сказать, лбом упирают их в факт, что Бог есть, однако, надо же такому быть, что сотворенные такими беспамятными, заносчивыми, эти несчастные космодромщики вскоре опять принимаются за свое, орут, покрикивают, наскакивают, прут на тебя с вытаращенными глазами. Нет-нет да и принимаются они с охотой сравнивать социальные условия жизни торетамщиков и жителей закрытого города. Эй, а ведь между ними разница – как между небом и землей! Или так влияет на них мысль, что живут куда лучше торетамщиков, или таково магическое воздействие запаха денег, пересчитываемых в день зарплаты, или хмель от сознания того, что где бы, в каком бы уголке Земли ни захотели бы отдохнуть, всюду им рады, везде им дорога открыта... «Э-э-э, это же старое-престарое противостояние, попахивающее собачьей сварой. Подождем, чем все это кончится. Потерпите немного!» Торетамовцы подчиняются этому решению, ходят себе, помалкивают. Они-то кое-что знают, своими глазами видели крушение стольких ракет, обращающихся в золу и пепел. Ракета поднимается в синеву, потом вспыхивает спичкой и рушится вниз. Ойпырай, а ведь никому и в голову не придет, что это нанес удар дух Коркут-ата. Этих космодромщиков, если они будут так горделиво заноситься, еще столько уроков ждет, столько они еще увидят! До каких пор они будут прикрывать свои прорехи жалким оправданием, дескать, все из-за технических неполадок.

Ой-хой, и с чего бы болеть их голове заботами о том, что творится там, за колючей проволокой? Что бы там ни было, какая-то зола, какой-то пар. Нет, в самом деле, вот так они, мерзавцы, приводят в бешенство человека! Пойдите, погодите, железнодорожники Торетама вот уже столько лет... Обжигая родную землю яростным, неистовым пламенем, заставляя ее чихать и перхаться угарным дымом и пеплом, переворачивая все вокруг вверх дном, столько уже лет отправляют ракеты в небо. И они, родимые, с тех пор не допустили ни единого просчета, подгоняя вовремя сдвоенный тепловоз к взлетной площадке. А завтра, когда Кобейсин уйдет из депо это правило будет соблюдаться так же неукоснительно. Раз и навсегда заведенное, не изменится, оно так и будет продолжаться.

Кстати, что это сегодня с Кобейсином, что ему привиделось? Чтоб сквозь землю провалиться, если он что-то понимает. Коркут... Биотоки, излучаемые мавзолеем Коркута, невидимые глазу, прозрачные лучи, могучие силы, околдовывающие сознание человека! Готовый отдать душу за это депо, проведя в хлопотах и стараниях столько бессонных ночей, проливая кровь и пот, думал ли он о своих товарищах, трудившихся рядом, что с ним случилось бы, если бы хоть раз глянул с космических высот? И сейчас Кобейсин с особым чувством, с особой любовью к ним, как бы глядя со стороны, думает о них, о жизни железнодорожников, то хлопочущих об очередном запуске, обливающихся черным потом в солнечном пекле, то взбегающих в кабину сдвоенного тепловоза, то озабоченно спускающихся вниз к колесам.

3

Что, что сказал он? Уж не нанюхался ли чего-то? Если ему не остается ничего другого делать, пусть болтает сам с собой. Ого, что это с ним, непутевым, пальцы так и дрожат, подпрыгивают?! Или это признак того, что у него с нервами неполадки? А что он сделал такого со вчерашнего дня, что нервы не выдержали? Не выходя из дома, лег и лежал лежнем. И, как будто последний день живет на свете, глотал, опрокидывал себе в глотку еду, которую с такой тщательностью готовила Аккербез. И хотя чувствовал, что жена расположена к нему, время от времени начинал отчего-то беспокоиться. А еще была у него такая черта: во время хлопотливой беготни и авральской суеты на территории депо, когда закипала такая толкотня, будто враг напал, стоило только ему услышать за спиной чье-то участливое пыхтение, как тотчас мрачнел, ядовито супясь. Он терпеть не мог неуклюжих. Но что делать, если это тащится, еле передвигая ноги, переваливаясь из стороны в сторону, словно гусак, какой-нибудь пожилой бедняга. Он глухо пробормочет, что надо следить за собой, и на этом точка. А что, кроме этого, остается ему? Бывало, на станции среди рабочих, встретившихся ему, попадались джигиты, такие же, как он сам. Идет такой с выпирающим животом, обливаясь седьмым потом и пыхтя, борясь с самим собой, хотя над головой не совсем жаркий, а вполне сносный день. Завидев такого, ошетиливается он весь, будто увидел гадюку. Не нравится человек ему. Скрежещет зубами: «Эх, если бы такого загрузить самой черной работой, да на железной дороге!» Если бы дали волю Кобейсину, он за месяц вымуштровал бы его в струнку. Допустим, ты – железнодорожник. С космодрома поступает шумное требование, – вне себя, позабыв обо всем, глотнув наспех шубат из пиалы, что на печке, застегивая на ходу пуговицы на ширинке, вытирая рукавом сонные, набухшие со сна веки, перепрыгивая через шпалы, птицей несешься в депо, – посмотрел бы я на то, как пухнешь ты в таких условиях. И ни одна живая душа не решится сказать про то, что ждет тебя впереди. Возможно, при удаче, теснясь в кабине сдвоенного тепловоза, ты без лишних слов направишься к пусковой площадке №1. С опытными машинистами на сверхурочную работу, выполняемую параллельно, обычно едут еще пять или шесть человек.

Вот ты проехал железные ворота космодрома, теперь твоя судьба целиком в их руках. Хоть убейся, ты не сможешь теперь покинуть тесную кабину, хоть рви от желания свои ноздри – не сможешь закурить. Плохо это или хорошо, поневоле ты подчинишься военной дисциплине. После этого, считай, что ты на территории космодрома оказался как бы в каменной тюрьме. Станет ли космодром, где все дела по запуску ракет связаны с космическим временем, деятельностью которого в связи с этим подчинена непонятным для простого человека законам, считаться с прихотями каких-то железнодорожников станции Торетам? И для чего будет считаться? А говоря по правде, для него все равно – есть ты на свете или тебя нет. Для него самое главное – лишь бы ты был на своем месте, на дороге, между цехом и пусковой площадкой в условный час, минуту, секунду. Вот тогда ты и поймешь, что такое изнывать от пота в тесной кабине. Бывает, какие-то механизмы ракеты не проходят строгий осмотр комиссии, и тогда запуск переносится на другое время. Нет ничего удивительного в том, что он порой отодвигается на целую неделю. И какая польза от того, что ты задыхаешься в тесноте, облизывая языком сухие губы. К тому же лучше не ждать от космодромщиков какого-то снисхождения к таким, как ты.

Вот тебе и тучность тела! Да, да, от всей души пожелайте такую участь тем, кто гуляет себе подальше от военной дисциплины на железной дороге.

– Да, не гулять мне через месяц с таким животом!

– А что с того? Ты заслуженный в народе человек. Разве что не хватает только памятника, поставленного в твою честь работниками депо в Торетаме...

– Уж не захотелось ли тебе в канун праздника – Дня железнодорожника, взяв с собой детей, возложить цветы к подножию того памятника?

– Что в этом плохого? Было бы совсем неплохо, если бы в закрытом городе одну из улиц назвали бы твоим именем.

– Я же еще живой.

– А к чему такие лживые почести после твоей смерти? И в объектах космодрома есть твой вклад. Кстати, сколько ракет ты запустил в космос?

– Кто их считал?

– Надо было считать. Кто знает... вдруг кто-то захочет снять документальный фильм про начальника торетамовского депо.

– Скажите, про бывшего начальника.

– Ладно, пусть будет так. Что бы ни довелось видеть человеку в жизни, должен он узреть больше. А так умер – и все с концами. Как говорится: «Сгинул, как Мамай».

– Постой, погоди! А где ваши слова о том, что после смерти душа человека превращается в какое-то животное?

– И ты веришь в это? Похоже, ты не хочешь умирать. Была бы моя воля, я превратил бы тебя в ласточку.

– Почему в ласточку, или твоему языку жалко произнести, что в беркута?

– Ты сначала уясни суть этой беседы до конца. Дело не в том, что кому-то жалко дать тебе роль беркута, здесь скрыто нечто большее. Ведь ласточка – священная птица. Весной она прилетает в Торетам и вьет себе гнездышко. Если на улице Кобейсина накренится чей-то дом, она, увиваясь вокруг, щебеча об этом, сообщит людям свою мысль и намерение. Стены дома не падают ни с того ни с сего. Если каждый божий день встряхивают матушку-землю... дальше же все понятно, – это влияние космодрома.

– Это же самая настоящая фантазия!

– Скажите лучше – философия, в этом ничего странного нет.

Бестия Аккербез в последние дни придумала особую игру. Как только старшие дети уходят в школу, она основательно запирает дверь дальней комнаты, затем начинает прохаживаться мимо туда и сюда, шелестя шелковым халатом, по-бесовски выкатывая глаза и косясь на него, намекая на что-то выразительной мимикой. Ловко управляясь со своим полным телом, она касается его бока обнаженным белым бедром, прижимается и крепко обнимает его спину. Тянется белой, благоухающей духами шеей к его подбородку. Тонкими, длинными пальцами щиплет его в одно место. Распускает густые пряные волосы, щекоча ему лицо. Заливисто смеется раскидывается на большой кровати, опьяненно потягиваясь, с жаждающим видом подает знаки, зовет к себе. Словно желая загладить некую вину, будто только теперь исполняется давняя заветная ее мечта, на лице вспыхивает улыбка радости и смущения. Повторяя и повторяя безвестные имена тех, кто помог ей достичь этой цели, рассыпаясь в благодарностях, она всем телом и душой отдается потоку неведомого доселе чувства. Ее большие, с голову ребенка, белые груди переваливаются из стороны в сторону. Кобейсин тоже издает какие-то слабые звуки, мол: «Ну, как ты?» Догадливо проявляя тонкие чувства, наглухо закрывает окна, двери, ступает по доскам пола на носочках, дескать, чтобы малыши не проснулись, осторожно подходит и с головой окунается в пылающий любовный огонь жены. Аккербез ошеломляет его страстной силой движений. Целует его, она словно готова оторвать ему губы. Кобейсин, конечно, тоже не скупится. Однако такие счастливые события между мужем и женой случаются все-таки редко, очень редко. Кобейсин издавна привык к чуткому, настороженному сну. Он подсознательно тревожно ожидает звонка коричневого телефона. Особенно под утро. С самого начала повелось так: ракеты с космодрома Байконур поднимались на орбиту рано утром, перед зарей когда народ еще покоился в сладком сне. Это событие кто-то из торетамовцев замечал, а кто-то и нет. Те, кто знал, обращали внимание на черную воющую бурю, ощущая какое-то бедовое предвестие, поднимавшееся сразу после запуска. Чувствовать-то чувствовали, но все таили в душе, а как же иначе, когда весь подлунный мир с открытым ртом внимал чудесным новостям с космодрома. Какую пользу они получают, хуля такой космодром? Но вот и он сам! Коричневый телефон заверещал, еще и еще. Всегда под боком у него лежит скрученная белая простыня, привязанная концом к спинке кровати. Он цепко хватается за нее, и, словно брошенный пружиной, подпрыгивает с кровати. Мигом проглатывает пиалу кислотоватого шубата, сгребает в руки свою одежду и выбегает наружу. В таких условиях как отдаться ворожке горячих объятий Аккербез? Некогда даже обернуться и посмотреть назад. Хорошо, если бы был простым рабочим, но ведь Кобейсин начальник целого депо! К тому же не вызывает машину из гаража. Пропади она пропадом, пока раскachaешься на ней, уже – рассвет. Гораздо вернее полагаться на прыть своих ног. Вот так! После этого один бог знает, когда Кобейсин вернется домой. Так что с Кобейсином по-человечески не поговоришь. Приручен к такой дисциплине, что даже сотовый телефон отключает.

И вот Аккербез вроде бы избавляется от невыносимого для человека желания, «разожженного врагом». Ей тоже хочется жить по-человечески. По-людски. Не говоря уже о другом, чувствовала ли она себя хоть раз женой начальника депо? Все, что она видит все эти годы, одно только лихо – наполовину занесенные песком окна, жизнь, несущаяся вкривь и вкось, приземистые дома, одним своим видом вызывающие тоску. Тусклые женщины примерно одного возраста – одни неряхи кругом. Товарки, довольные тем, что рожают одного ребенка за другим, что им удастся продать в попутном поезде какую-то вещь, а на вырученные деньги купить что-то другое, чего не хватает даже на обед. И они довольны этим. И никто из них

не задумывается о том, что весь мир смотрит на них, от того, что живут рядом с космодромом, они хоть на пядь должны быть ближе к цивилизации. Кругом одни неприглядные картины, вызывающие тошноту, никогда не меняющиеся, отвратные. Когда-то и Аккербез, стиснув зубы, как и другие люди, мирилась с укладом безмятежных жителей Торетама, с одной стороны, уповая на то, что так будет по праву Кобейсину, с другой стороны – веря, что это ради детей, их роста и спокойной жизни. Она демонстрировала недожонинное терпение. Теперь же решила – хватит, есть предел и ее терпению. Больше она не сможет так жить!

Слава богу, у нее уже нет малых детей, льнущих к подолу. Если она не затянет потуже пояс, не начнет действовать, чтобы, пока жива и здорова, вырваться из этой пыли и грязи... А Кобейсин, похоже, намерен по-прежнему влачить существование в саване своих убогих привычек.

Огненные удары женских объятий разве укротишь, Кобейсин обмякает, принимается моргать глазами, затем незаметно для себя погружается в сон.

– Вставайте, вставайте, или отдали богу душу во сне?! Ойпырмай, как это вы до сих пор живете, не отдав богу душу?

Эх, милая, это же лукавый голос Аккербез, голос, полный баловства. Откуда он доносится? Над кроватью или из-под нее? Допустим, над кроватью или из-под нее, но тогда почему он не видит ее пылающего румянцем лица? Или она задумала поиграть с ним прятки? Вглядываясь в далекие детские годы, вспоминая трудности, изведенные потом в их совместной молодости, уставив ожидающий взгляд в тусклое окно, наполовину утонувшее в песке, как бы вопрошая его: «Когда Кобейсин вернется с работы, сядет с нами в нашем кругу, чтобы приняться за еду; почему мы не ведем беседы, как другие нормальные люди? Почему Кобейсин, как другие отцы, не интересуется школьными уроками своих детей?» В таких мыслях, забыв про муторные дни, заболоченные вопросами, не имеющими ни начала, ни конца, прошедшие без толку, уж не возжелает ли она, милая, встрепенуться, стряхнуть с себя туман и возыметь мечту зажить по-настоящему? Ойпырмай-а, человек может измениться ни с того ни с сего. Аккербез сейчас не узнать, на слегка загорелую, чуть смугловатую кожу лица она втирает тонким слоем пудру и помаду. То ли от этого, то ли по природе она была такая, что щеки нежно-розовые от румянца, в последнее время он стал замечать, что жена похорошела, стала привлекательнее, нежели раньше. Таящие в себе стыдливость ее глаза стали как будто больше, что ли, длинные ресницы, что стрелы, трогающие душу. Нет, не строгие, а какие-то особенные... теплые и нежные, готовые улыбнуться чему-то такому, пустяковому. На ушах сияют золотые сережки с сапфировыми глазками, и он почему-то не помнит, когда подарил их ей. И когда она поворачивает шею, они вспыхивают блеском, словно отражение луны на поверхности волны. Или она купила их весной у цыган, когда они из района Торетама вагон за вагоном отправлялись в неизвестные края?

...А если доведет до конца это дело, то каким образом известит об этом Аккербез? Ведь тогда Кобейсин, начальник станции Торетам, действительно окажется в тяжелом положении. Готовый провалиться сквозь землю, он действительно окажется в трудной ситуации. Придется просить помощи у коллег с соседних станций, молить бога о милосердии. Ойбай, если цыгане захотели перезимовать в сараях станций Сулутам и Сексеул, то кто станет гнать их? Лишь бы не занимались воровством и грабежами. Кто станет скупиться, ведь земля-то божья. А станция Торетам стала гордостью здешнего народа, она имеет стратегическое значение. Сколько людей приезжает сюда из-за рубежа. Москвичи появляются без всякого лишнего шума, не извещая о себе заранее, сваливаются внезапно, как снег на голову. Настоящий

позор начинается именно тогда. Однако братьям цыганам не до понимания стратегического значения твоего объекта. Им наплевать даже на космодром Байконур. Устраиваются там, где легче добыть еду, ставят свои казаны, затевают игры и танцы, ведут свою вольную, разгульную жизнь. И тогда приходит приказ: «Немедленно переселить цыган!» И Кобейсин просит у соседей дополнительные вагоны. Затем выбивает у начальства разрешение, чтобы прицепить их к хвосту проезжающего поезда. Таким образом, где обманом, где посулами, отправляет начальник депо подальше шумную толпу бродяг, и после этого, придя в себя, переводит дыхание, затем, волоча ноги, обессиленный, тащится к себе домой пешком. А его жена Аккербез легко находит общий язык с этими цыганами.

Если начнется старая песенка, Кобейсин, конечно, проиграет спор. Ведь, бывает, милочка этот и на ее женский праздник заявляется домой, словно ни о чем не ведая. Если на столе стоят готовые блюда, наедается до отвала, если не притрагивается к ним, то растягивается на своей кровати, подоткнув под бок пуховую подушку, и тотчас проваливается в сон. Знаю, в глубине сердца Кобейсина осталась искорка совести. Вот поэтому, не припоминая старых обид, не выставляя счет, а приговаривая, мол, прошлое прошло, теперь буду осторожен, не следует ли чуткому мужчине носить на руках такую женщину, проявляющую чуткость и понимание, дескать, какая у Кобейсина тяжелая, непосильная для других работа. Как это он раньше не замечал, до какой степени красивая Аккербез? Ну просто писаная красавица у него Аккербез! А ведь, мотаясь среди промасленных шпал, он едва не превратился в бесчувственного, как чурбан, бестолкового мужика...

– Приподними только немного голову, – послышался залихватистый смех Аккербез.

Она пододвинула стол, заставленный блюдами, поближе к кровати. Ее округлые бедра белые, как очищенное яйцо, белые-пребелые! Груды, большие, величиной с детскую голову, переваливаются при движении. Она садится рядом, кладет голову Кобейсина себе на ноги, упругие, округлые, и золотой ложкой начинает кормить его. Лишь глотай себе и глотай.

Он вскакивает. Из-за спины до слуха слабо доносится чье-то сдавленное, затрудненное лишним весом дыхание. «Сбегаю в депо, в последний раз встречу с железнодорожниками, если во время работы ненароком обидел кого-то, попрошу прощения». Он поспешно одевается и выходит наружу.

4

Подходя к воротам депо, он остановился на минуту у цветочных клумб. Он несколько не сожалел об этом, напротив, его душу охватило светлое чувство. Бывало обычно, стоит только перешагнуть через порог площадки, окруженной высоким забором, как, словно приставили к горлу нож, так что и голову некуда повернуть, атаковали его со всех сторон неотложные вопросы каждодневной деятельности депо. И тогда казалось, что все дела зависят только от одного Кобейсина. И на самом деле было так. Еще не дойдя до канцелярии, он уже успевал решить некоторые проблемы тех, кто едва не вцеплялся в ворот его рубашки. Кому-то подпишет бумагу, кто-то доложит о запасных частях, оставшихся без внимания, и он отреагирует на это, третий всучит ему в руки акт расследования о том, что кто-то повинен в том, что товарный поезд №29 без всякой причины отстал от графика. Кто-то просит финансовой помощи семье по причинам социальных обстоятельств. И тому подобные дела, хлопоты и заботы, которым нет конца и краю. Оу, Кобейсин, что это с тобой? Человек, крепко державший в руках поводья передовой организации с более чем тысячью простых рабочих, каждый из которых, не говоря о чем-то другом, имел ясное представление об этике первого руководителя, неужели решил

вот так запросто переступить через принятые устои? Этот проворный кряжистый джигит разве не закончил учебу в гремящей на весь мир Москве, не удостоив вниманием наши вузы? А таких, кто закончил учебу в Москве, в этих краях можно было пересчитать по пальцам, можно прямо сказать, их не было. К тому же такого, кто обучался по специальности железнодорожника. А разве это не ты, побывав в Алма-Ате на курсах повышения квалификации, еще долгое время после этого, задирая нос, не в состоянии опуститься с небес на землю, без всякого повода корчил из себя важную персону? Поступок этот – не проявление ли со стороны Кобейсина беспомощности или даже беспредельной наивности? Эй, разве не старается человек, ставший начальником, получить все выгоды от богом данного положения? А в решающий момент кто из таких людей не стремился ухватить солидный куш? Посмотришь еще, власть улетит завтра и от тебя быстрой птицей. Даже на глаза твои потом не покажется, не говоря уж о том, чтобы попасться в твои руки. Все в этом мире превратно, все мимолетно. Кто поверит, что не кто иной, а именно Кобейсин не понял, куда дуют ветры этой ничего не стоящей жизни? Те, у кого было дело к Кобейсину, разве не стучали потихоньку в дубовую дверь просторного кабинета, что в теневой стороне коридора, не ступали на цыпочках, осознавая, что входят к начальнику, разве не отряхивались, поправляя на себе одежду, прося разрешения войти? Хорошо, если при этом получалось войти. Был бы на месте Кобейсина другой человек, скорее всего, заявил бы, что некогда ему тратить время на простых людей, или намекнул бы, мол, нельзя злоупотреблять демократией, вывесил бы график приема и заставил бы секретаршу вести в журнале учет всех тех, кто желает попасть к начальнику, и таким образом навел бы железный порядок, твердо держа в руках бразды правления. Если бы просьба любого человека тотчас исполнялась бы, или ты, подобно ребенку, желая выполнить эту просьбу, подсказывал бы с места, ходатайствуя перед вышестоящими за просителя, то что осталось бы от высокого авторитета начальника депо? Кто станет почитать такого руководителя, кто станет слушать его? Оу, и отчего, в конце концов, этот народ не хочет показать свой характер, чтобы начальник не уселся на шею? Для этого больших усилий не нужно, можно в один день собраться с духом, и тогда потерянный авторитет восстановится в один миг. Если бы в ту самую минуту, когда оказались уже рядом благодетели из ближних аулов, кто – притворно скаля зубы, кто – прикидываясь кротким, да еще с таким видом, словно спустились с неба, и если бы в эту минуту, невзирая на то, что его чуть ли не хватают за полы, ускоряя шаг, с холодным видом Кобейсин промчался бы мимо них, то с этого мгновения без всякого шума и крика несомненно воссел бы он на золотой трон. И с этого момента нелегко будет низвергнуть его с этого трона. Большинству он почему-то сразу понравится, многие не решатся приблизиться к нему, они будут заглядывать ему в глаза, сторожить каждый его шаг. Выглядывая в щели дувалов, они будут вздыхать о том, чтобы Кобейсин был в веселом расположении духа, издали они будут желать ему только хорошего.

Обычно пока Кобейсин идет к офису, многие дела уже бывают решены на ходу. Случаются обстоятельства, в которые бывает трудно поверить. Еще минуту назад ты тащился, опустив плечи, потеряв авторитет перед своей семьей, не имея за душой ничего, кроме пустой похвалы, что сорок лет трудился рабочим торетамовского депо, был беднягой, бороздившим землю безнадежным взглядом. Ни для кого не секрет, что вся твоя жизнь зависит от одной зарплаты. А завтра грянет осень, наступят холода. Дети, привыкшие донашивать одежду старших, побегут в школу. Нет, голова не болит о тех, кто идет в младшие классы. О жизнь, о чудеса времени, несущейся капелькой ртути, ты посмотри на старшую дочь, как она подросла, как

прихорашивается! Ты посмотри на эту молодежь, что хочет с песнями гулять-прохаживаться туда и сюда по единственной, наполовину асфальтированной улице Торетама. Они хотят носить яркие с цветами, льющисея блеском платья. Золотые сережки для них мечта. Отчего вы не гордитесь, хвалясь, дескать: «Почему мы не растем свободно, вольно, чем мы хуже других? Космодром рядом с нами, мы с самого начала жители Байконура!» «Цивилизация в этих краях начинается с нас, основа земной цивилизации связана с Торетамом!» – что поделаешь с тем, что отцы железнодорожников на каждом собрании стучат кулаками в грудь, выступая с такими речами. Одни только словеса, пылающие жарким огнем. А в руках у них, кроме пустоты, ничего нет.

Эх, а что сказать о женщинах железнодорожников, обычно ведущих себя тише воды, ниже травы, скромницах, делающих вид, что кроме домашних дел их ничего не интересует. Тотчас у них развязываются языки, и они готовы перевернуть вверх дном весь мир. Они же не умалишенные, чтобы упустить такой удобный момент. К тому же известно, что давно уже точат они зубы на мужей. Как говорится, на ловца и зверь бежит. Милая, и откуда только берутся эти путаные слова? Хотя чешется кулак от желания пригвоздить жену ударом по хребту, но ведь понятно, что ты такой грубости себе не позволишь. Ее не терпящий возражений тон, повелительная поза гипнотизируют тебя, словно связывая по рукам и ногам. Даже возгласа не в состоянии издать ты. Все, что она говорит, это правда, сказанная к месту. Если ты, мотающийся с утра до вечера в пятнах черного масла, не имеешь возможности принять участие в воспитании детей, ни обрадовать их чем-то, не можешь купить им то, что они просят, – какой смысл в том, что ты обретаешься на матушке-Земле? И все внутри тебя закипает, набухает, вырываясь наружу. И ты близок к тому, что от невыносимой горечи вот-вот бросишься под поезд и отдашь без лишних слов богу душу. Эй, милая, какая цивилизация? Вот он, конечный результат того, что всю собачью жизнь ты глотал великую пыль Торетама! И ни на что не хватит твоих денег, ни на еду, ни на одежду. Ладно, оставим это, посмотрите на конечный результат пустой похвальбы задравшего голову гордеца, дескать, я родился и вырос на священной земле Торетама, живу в самом центре Земли, где сосредоточены самые великие новости планеты. Есть ли больший позор, чем это? До чего же слепы те, кто хозяйничают на космодроме Байконур, мерзавцы! До чего же безмерно глухи они! Они заключают, что всякий раз, когда ракета взлетает в небо, ядовитые газы уносятся ветрами и быстро рассеиваются в воздухе. Они успокаивают себя таким решением и так заполняют документы. Они истово клянутся перед международными организациями, что ни на йоту не отступили от жестких положений космического альянса. Такой же отчет они посылают и в ООН. Делают они так, приводят в порядок документы, о которых торетамовцы ни слухом ни духом не ведают, что произведен успешный запуск ракеты в космос, и в тот же день специальным самолетом покидают Торетам. Пес знает, куда они направили стопы. Торетамовцы в сем бренном мире не смогут выяснить правду этого, да и не позволят им сделать это. Раньше так было, и будет так продолжаться. А космодромщики, будто дышат воздухом другого неба, после каждого запуска проходят проверку современной аппаратурой в оснащенных клиниках закрытого города. Их внимательно, с головы до ног, осматривают рентгеном. Если в крови обнаруживается малейшее изменение, эта информация тотчас отправляется по электронной почте в Москву в определенные медицинские центры. Там их изучают на консилиумах. Седовласые академики с предельным вниманием знакомятся с каждым пунктом диагноза, поставленного в закрытом городе, исследуют его в течение многих дней. Если вопрос неотложный, то этого человека, получив его

согласие, с семьей в соответствии с международными стандартами в льготном порядке отправляют на лечение в зарубежную больницу.

Эх, какой толк от бесконечных повторений известных всему народу молитвенных песенок? Хотя железнодорожники Торетама всю жизнь глотают ядовитую пыль космодрома, они довольствуются тем, что иногда получают положенный экологический коэффициент, а иногда – нет. Вот так они приходят к тому, что влчат жалкое существование.

Куда пойти, у кого просить помощи, кому излить горе и печаль? К тому же если бы такое обстоятельство изведывал только ты один. Таковы лишения, выпавшие на долю всех рабочих торетамовского депо. А если каждый из них, став поперек дороги, станет просить материальной помощи у Кобейсина, то где начальник депо найдет столько денег? Если бы деньги лились с неба дождем, они первыми извели бы райское блаженство. К тому же все на свете имеет свой счет. Ладно, ругай на чем свет стоит космодром, забрасывай ООН просьбами перенести его отсюда, все равно их жизнь такая, что коренным образом связана с Байконуром. Хотя и понемногу, деньги поступают им в депо оттуда же. Их первая задача – подготовить, словно иноходца к скачке, сдвоенный тепловоз, и в день, когда придет единственный приказ: «скорее отправляйте», доставить его к пусковой площадке №1.

И хотя лицо словно запылало огнем, что-то заставляет его протягивать дрожащими руками заявление, вкривь и вкось исписанное корявыми буквами. И, плюнув на угрызения совести, заискивающе моргая глазами, он торопливо подбегает и сует листок Кобейсину, спешащему в свой кабинет. Бывает же такой срам! На худой конец есть же простая деликатность, достаточная, чтобы проявить уважение к начальнику. Что случилось, небо обрушилось, или мир перевернулся вверх дном луна вроде бы на месте, да и солнце тоже. А он что вытворяет? Останавливает по дороге уважаемого руководителя и просит материальной помощи. Как это можно понять? Да, Кобейсин тоже отпрыск этих мест, получил среднее образование в одном из рыбацких аулов, что неподалеку от моря. А описание дальнейшей его жизни мало чем отличается от анкеты любого железнодорожника. Приведет ли к чему-нибудь хорошему такое злоупотребление доверием, дескать, «он же свой, из нашего народа». Вряд ли, не приведет! Эх ты, челобитник мой, а для чего тебе был дан разум, где попытка все взвесить, где суд ума? Поставь он свою подпись в конце этой мятой-перемятой бумажки с резолюцией: «бухгалтеру выделить тридцать пять тысяч тенге», ведь, задрав еще выше свой нос, понесешься ты в дальний угол депо, где находится бухгалтерия. Нет, не побежишь, зашагаешь с достоинством, с чувством собственного веса. Эх, бедняга, ты уже напрочь забыл, что минуту назад, ощущая себя обездоленным, испытывая отвращение к беспредельному миру, едва не попал под проходящий поезд. А сейчас ты уже обрел уверенность. И на мир уже смотришь другими глазами. Тем не менее в подсознании осталась какая-то отчужденная мысль, она шевельнулась, давая о себе знать. Чтоб ей пропасть! Она даже начинает греть душу. «Ты живешь в Торетаме. Мировая цивилизация начинается у твоих ног. Не переживай из-за пустяков. Подними голову, выпрями грудь. В конце концов, в истории только ваши имена будут написаны золотыми буквами. Вы и есть настоящий степной монолит». Органы мирового здравоохранения уже давно поставили свой диагноз торетамовцам: «На Земле мало таких выносливых народов». И секрет этого до сих пор не разгадан.

До слуха доносится знакомая приятная мелодия. И чем дольше звучит она, тем больше хочется слушать. На душе легко. Тридцать пять тысяч тенге в кармане словно заставили забыть о пережитых невзгодах. Сейчас, запыхавшись, зайдешь домой, с важным видом, словно гору перевернул, сунешь руку во внутренний кар-

ман. И с радостным видом подмигнешь капризуле-дочери, устроившей накануне бучу, дескать: «Если у меня не будет нового платья с цветами, в школу не пойду, учиться не буду! Если вам это и нужно, уйду, куда глаза глядят!» И она, глупенькая, моментально о чем-то догадается. Лицо ее сразу озарится. Вручая ей тридцать пять тысяч тенге, ты, словно придурковатый, сам не заметишь, как брякнешь невесту что: «Не забывай, что ты родилась в Торетаме!» Черт побери... Неужели в самом деле... Что это за бред?! Не услышал ли кто-нибудь? И ты пугливо оглядываешься по сторонам. Одно хорошо, что рядом не было постороннего человека. Дома только сами. Лицо жены в красных пятнах, разгневанное. И в самом деле, если бы нашлось место, сквозь землю провалился бы от стыда. Только не знает, куда девать руки. По спине пробежал озноб. На висках сквозь волосы проступил пот. Можно ли до такой степени позорить мужчину, а? Накануне, когда выходил из дома, что только не услышал в свой адрес, достала она его до печенок, смешала гордость мужчины с грязью. Подняла хай-вай до небес, мол: «Когда получишь коэффициент, положенный за экологию?!» Ай, бедняжка, не можешь не осрамиться лишний раз. Да, лучше не искать в женской натуре такого золотого качества, как терпение. Или вы, женщины, уже навсегда распрощались с ним? Что вам привиделось? От ничего не стоящего пустяка готовы вы взорваться бешеным лаем. А что вы станете делать, если бедный муженек, без того едва волочащий ноги, не выдержав вашей атаки, кинется под товарный поезд? Мало ли сейчас таких бедолаг, кто, наложив на себя руки, уходит из жизни по своей воле? Станет ли считаться с жалкой жизнью несчастного торетамовского железнодорожника ревуший тяжелый состав? Да за муху не посчитает и сшибет его своим буфером. Ни у кого не хватит сил, чтобы остановить хотя бы на полминуты состав, идущий на космодром. Так было до сих пор, так и будет дальше. Останется тебе выть и причитать. Ведь никто от голода не умер и от каравана не отстал. Набьют себе шишек в этой жизни, но вырастут как-нибудь твои дети. И они станут взрослыми джигитами. Однако кто задумается о твоих обстоятельствах? Когда душу переполняла невыносимая горечь, обжигая все нутро, ты освобождалась от нее, набрасываясь на мужа, облегчая душу отчаянной руганью. А теперь, после этого, на кого нападать, кто тебя выслушает?

Все правильно! Мировыми организациями здравоохранения диагноз поставлен точно. Степной монолит! Все они, торетамовские железнодорожники, такие, один к одному, не хуже и не лучше другого. Или стальные колеса тяжелого состава своим стуком и грохотом наглухо забили их нервы, умертвив их чувства и ощущения? Возможно, ядовитая пыль космодрома... Правильно, правильно говорят, что существует много тайн по поводу их здоровья, еще не открытых наукой. Пожалуй, их тоже надо изучать из космоса! Попробуйте показать зубы мужикам побережий Сырдарьи. Они не потерпят никакого своеволия. Ну, теперь убедились в этом? Где ты найдешь мужика получше, чем кроткий торетамовский железнодорожник? Ну-ка, ответь на этот вопрос?

Что, о чем он говорит?! Действительно, у этих торетамовских железнодорожников чего-то не хватает в одном месте. Сказать нечего, так несет несусветный бред. Оу, как это так? Мало того, что обдает нас адское дыхание космодрома, губящее людей, так обругал, на чем свет стоит, а когда увидел искорку гнева в глазах дочери... Что это за слова – «Не забывай, что ты родилась в Торетаме!» Не знаешь, плакать или смеяться. Нет, в самом деле, если задурили им голову каким-то колдовством, не вините в этом нас. О, несчастный! Если ты такой оратор, прежде чем тараторить, дескать, Торетам, Торетам, не лучше ли от всего сердца поблагодарить Кобейсина, начальника депо, который неожиданно обогатил тебя, вытащив на свет канувшую твою надежду и развернув тебя в сторону жизни.

А-а, вот так, оказывается! Где Кобейсин, где он? Хорошо, если, увидев подпись начальника на заявлении, закатывая глаза в экстазе, не забудешь о простой благодарности, которую следует выразить человеческим языком. Эх, что еще можно сказать вам, что?

5

Скажут же, герои! Пусть теперь говорят, что хотят... Дойдя до этого места, он невольно рассмеялся. Все равно победа на стороне Кобейсина. Наклонившись, он прижал нос к какому-то алому цветку. Сладкий запах или горьковатый, не поймешь. Эх, бедный нос, забытый запахом дегтя, уже не разбирает тонкие ароматы. Или попробовал понюхать другой цветок, сорвав его? И чего он этим добьется? Скажи-ка, как они зеленеют, тянутся вверх, несмотря на такую удушливую жару. Ты посмотри, как медовые пчелы жадно погружают хоботки в мягкие пушистые соцветия! И как будто недовольны тем, что Кобейсин, с которого взятки гладки, бестолково стоит рядом. А что скажешь про этих, которые, словно не нашли другого места для отдыха, устроились на бревне и ведут долгий занимательный разговор? Хотя, ладно, ведь цветник разбивали для них. Вспомни-ка про единственный рекламный щит с большими буквами, устроенный над ними: «Все для человека!» Так-то оно так, но что поделаешь с собачьей неблагодарностью некоторых бесхитростных, неповоротливых железнодорожников, не ценящих добра!

Как бы себя почувствовал изнемогающий странник, доведенный до полусмерти пеклом пустыни, если бы неожиданно набрел на родник? Если у него голова на месте, он не упадет сразу на колени, дабы напиться чистой воды. Сначала он успокоит сердцебиение, вытрет пот, бросит зоркий взор по сторонам. А затем вознесет благодарность судьбе за то, что привела его к роднику. Произнесет слова радости, что жизнь еще не подошла к концу. Творец, что на синем небе, конечно, не бросит в бездну раба божьего, умиротворенного в сердце своем. Если не приводить к умиротворению... разве ты не видел собственными глазами таких тварей, кто с алчущими глазами, позабыв о том, откуда они и куда идут, начинают чваниться, гордо задирать голову, ничего не видя вокруг, кроме себя. Если не приводить в чувство таких, они сами потом низвергнутся в яму. Нет, не будет лишним, хватая их за руку, время от времени заставляя оглянуться по сторонам.

Ой-хой, этот маленький цветник, встретись он на пути жаждущего странника в пустыне, разве не покажется он ему чистым, прохладным родником? Посмотри, как трепещет кругом белое пламя марева. Особенно в полдень нелегко будет сделать даже три шага во дворе. Испепеляющий зной, проходя насквозь через грязную, замасленную кепку, словно готов ужалить твой лоб. А если ты спрячешься в тени, разве дело от этого закончится? Именно в такое время, будто еще раз испытывая терпение торетамовских железнодорожников, ломается, выходя из строя, обычно проносящийся туда и сюда тепловоз. Изношена, оказывается, то колесная опора, то ось. Не выдерживает зноя мощная техника. Если тебе показалось, что тяжелый состав измотал тебе нервы, то наберись терпения, найдется немало дефектов и по всей длине железной дороги. В таком случае кидаешься к «скорой помощи» – мотоциклу, пинаешь по педали, мотор взывает, и ты несешься вдоль рельсов. Ой, что и говорить, то отдавая богу душу под палящим солнцем пустыни, то опять возвращаясь к жизни... в твоих ли силах понять, почему то и дело вспоминается этот тенистый цветник. Оказывается, эти десять минут, когда ты, окунув сначала лицо в ледяную струю воды, потом созерцаешь красоту нежных лепестков цветов, колышущихся под ветром, сами по себе немало значат в твоём желании восстановить силы.

Э-э-...х, то ли потому, что не хватает понимания, потому и неумогу им, не замечают они этого, или от вьезшей в кровь привычки, – мужики, что сидят на бревне, словно червь разъедает им ноздри, начинают нещадно дымить и дымить сигаретами. И не думают они о том, что наносят огромный вред цветнику, выращенному с таким трудом. Если к огненным языкам зноя присоединяется горький дым, разве не завянут и не опадут слабые листья цветов? Нет, ряды сидящих густеют. И с каждой минутой грани оживленного разговора тематически расширяются. Подробно обсуждаются удивительные события, происходящие на пространствах Америки, Африки. В круге обсуждения оказываются плохие и хорошие новости, неожиданно случившиеся катастрофы на поверхности матушки-земли. Причина этому – чуткие уши железнодорожников Торетама, а еще и то, что спутниковые антенны, стоящие на крышах домов, моментально доставляют им новости со всей планеты. Таких возможностей нет даже в областном центре. Одно из преимуществ жизни рядом с космодромом заключается именно в этом. Никакая сила на земле не сравнится с воспринимающей чуткостью антенн, уставившихся в небо вокруг пусковых площадок.

Да ладно... ну и ухари же эти работники торетамаовского депо, чего только они не знают, в чем только не сведущи. Э-э-х! Ты посмотри, а! Пока открывается и закрывается болтающий рот, за рукой ведь не уследишь. Надо было рядом с бревном повесить повыше еще одно объявление. Взгляд не успевает. В какую-то минуту окурки со всех сторон начинают лететь в цветник, словно неразорвавшиеся бомбы. Искры, упавшие во влажную глину, с шипением нехотя гаснут. И тебе становится досадно, бывает же такая беспомощность.

Кобейсин смеется по другому поводу. Окунул пальцы в ледяные капли воды. Не лентяй, еще раз обошел сад. В некоторых местах бутоны цветов еще толком не раскрылись. Некоторым как будто не хватило воды. Если их листья уже увядают, то что будет завтра? Тут голландский сорт, индийский, да еще местный – торетамаовский сорт. Рядом с каждой грядкой табличка. Там написаны названия каждого цветка. И в самом деле, хочется смеяться. Нашлись и такие, кто заявил, что торетамаовские деповские вместо того, чтобы заняться ремонтом тепловоза, увлекаются разведением цветов. Однако от атак воздержались. И как им решиться нападать. 40-50 градусов жары – и горицвет туркестанский! Ведь это дело, которое другому человеку и в голову не придет. Ведь они думают, что торетамаовские деповские – одни смиренные простаки, тихие, забытые люди, не понимающие, что такое эстетика, чьи глаза не видели никакой красоты, кроме промасленных шпал. Если на то пошло, то даже сами крутые военные чины с красными петлицами, прилетающие из Москвы спецрейсами, придерживались этого мнения. Это представление крепко засело в душах многих людей. Кобейсину пришлось вести борьбу с некоторыми из них, чтобы изменить это отношение.

Года два назад через посредников он встретился в закрытом городе с одной русской молодой, имевшей опыт выращивая цветов. Тем не менее, предстоящее дело не было из рода разведения растений на подоконнике. С садовницей он разговаривал очень тепло. Семена были закуплены в Астане, грунт был привезен из Тараза. Для этого были взяты на работу еще двое девушек. И хотя открыто в глаза не говорили, все же были недовольные голоса: «Что это за позор, разве вырастут ни с того ни с сего цветы на белом песке Торетама? Даже если вырастут, не выдержат и двух-трех недель. Стоит только ударить суховоею, как дни цветника закончатся. Как это не понимает Кобейсин? Или он хочет прославить свое имя?»

К этому голосу, раздувая тлеющие угли, присоединились и некоторые люди. «Конечная цель Кобейсина, захотевшего выращивать цветы, ясна. Он хочет по-

ставить свой бюст среди цветника. Верная задумка. Если каменный постамент окружить цветами, он сразу бросится в глаза. Он будет притягивать взгляды, к памятнику потянется всякий люд, их будет все больше и больше. И они будут с любовью вспоминать его. Будет так, почему бы не быть, в этом мире чего только не бывает? Только утверди проект, согласуй с законами. Ну, а почему бы Кобейсину при жизни не поставить памятник? Как бы то ни было, Кобейсин, начальник торетамовского депо, столько лет обеспечивающий транспортом космодром Байконур вполне достоин этого...»

Слова, полные ехидства! Ирония, издевка. Пожар, затаенный в сухой степной траве, – только поднеси огонь. Отголоски этих слухов доходили и до Кобейсина. Хотел не обращать внимания, но не получилось. Некоторые, якобы сочувствующие джигиты, заглядывая к нему под предлогом дела, шептали об этом на ухо. Кобейсина эти слухи не злили, напротив, он только посмеивался и придумывал еще какой-нибудь эпизод, пока в этой драме не поставлена последняя точка. «Хотел отлить памятник целиком из бронзы, однако это немного не согласуется с законом. Некоторые знатоки объяснили нецелесообразность возведения большого памятника живому человеку. Пусть, наверное, это правильное мнение. Пока можно удовлетвориться бюстом по пояс. Заливается он в одном из городов России. Недавно был там, посмотрел. Мастерство есть мастерство, ничем не отличишь от живого Кобейсина!» Ведь всегда бывает немало курьеров, которым хочется угодить обеим сторонам. Неудивительно, что некоторые железнодорожники стали как-то косо поглядывать на Кобейсина, источая холод. Они уже не спешили, как прежде, с радушным салемом, а учтиво кивали издалека. Не было недостатка и в тех, кто проявлял нетерпение, мол, когда увидим памятник. Другие прикидывали итоги своих никчемных расчетов. Они потирали ладони, дескать, вот удача! Подсчитывали, какая прибыль окажется в их кармане. К счастью, наверное, потому, что был отпрыском этих мест, Кобейсин был не из жадных начальников. Если это было в его руках, к слову сказать, никого не обижая, если и не озолачивал, то, по крайней мере, давал достаточно, чтобы хватило денег на еду, одежду и обувь. Не оставлял без поздравлений ни в День железнодорожника, ни в День космонавтики. Было бы в его руках, Кобейсин уравнивал бы жизнь железнодорожников с обитателями закрытого города. В течение двух или трех месяцев он боролся за них и добился-таки того, чтобы ежегодно около ста железнодорожников получали допуск к лечению в клиниках закрытого города. Поскольку руководители на местах не были против, считая, что дела пошли в гору, он подшил документы и отправил на утверждение в Москву. Конечно, как потолкуешь лицом к лицу с тамошними большими начальниками. С одной стороны, неловко как-то морочить голову тем, у кого и без того голова болит от мировых проблем, таких, как судьба матушки-земли, протокол Киото, таяние вечных ледников в горах, беспрецедентное потепление на планете, извержение вулканов, наводнения, с которыми не справиться, пожары... Им, вкалывающим до седьмого пота, до изнеможения ломающим голову над тем, как получить пользу от космических исследований, проводящим дни и ночи без сна, за крепко закрытыми дубовыми дверями, сократив до минимума связи с внешним миром, нужно ли им тратить силы на вопрос о каких-то торетамовских железнодорожниках, например, регистрировать их или нет в клиниках закрытого города. Если бы было в их власти, этот вопрос давно решился бы в Торетаме. «Торетамовские железнодорожники с жиру бесятся, что ли?» И как бы ты поспорил с шефами, если бы они взяли эти документы, пришедшие из провинции, и, порвав их на части, выбросили бы в мусорный ящик?

Пожалеют ли они что-нибудь для Кобейсина, мастера доводить до конца такие исключительно важные вопросы? Кобейсин закончил обучение в Москве, хорошо знает обстоятельства, кому адресовать проблему, и самое главное – как ее описать. Ходатайство распечатано на компьютере, оформлено как следует. Он прекрасно владеет русским языком, в использовании некоторых русских выражений, фразеологизмов к нему не придерешься. Правда это или нет, ходят слухи, что руководители некоторых учреждений закрытого города, обычно гордецы, задирающие нос, обращаются к Кобейсину, чтобы выправить стиль документов, прежде чем отправить в Москву. Исправляются недочеты, погрешности, ну, а в критических моментах нужно ведь отправить документ человеку, непосредственно решающему самую проблему. Вот тогда и нужны убедительные системные доводы. К тому же если этого человека Кобейсин знает как стародавнего знакомого, то в таких ситуациях старые казахские словеса с их простодушием, наивностью, велеречивостью, о боже, какие еще... степные жарпазаны не принесут особой пользы. Твои доводы должны быть точными и к месту. Не принесут тебе дивидендов, не вызовут уважительного отношения ни истерика, ни игривая молотба кулаком в грудь, дескать: «мы живем в центре Земли, настоящие хозяева космодрома Байконур – мы, сказанное нами, именно нами, должно быть исполнено в точности!»

И Кобейсину, знающему все это, собираются поставить бюст, – стоит ли из-за этого возмущаться? Станет ли обманываться драпировкой бытия Кобейсин, до глубины усвоивший тонкости человеческих отношений, способен ли обменять свой заслуженный авторитет на всякую пустую мишуру? Как-то раз, когда подвернулся случай, обронил шутки ради словечко. И те, кто приняли это всерьез, раздули из мухи слона, обсуждая новость так и этак. Памятник во весь рост или до пояса.. Пусть, пусть возводит, пока есть сила и власть. И если это дело без лишнего шума будет доведено до ума, как было задумано, им же самим будет хорошо от этого. Говори, не говори, а это же историческое событие, которое случается раз в столетие. Но кто видел, чтобы начальник депо при жизни ставил себе памятник? Поскупится ли для себя Кобейсин, не оставляющий железнодорожников без премиальных по праздникам? К тому же пока не наступил конец года, правильно – освоить лишние деньги. Помешает ли кому-нибудь сумма премиальных в размере заработной платы, которая останется в кармане после траты на еду? Только молитесь богу о том, чтобы скорее наступил этот день.

Апырай, дай бог, чтобы этот цветник в конце концов не стал головной болью для него самого. С одной стороны, он сам не сидит спокойно. Приучил к плохому и военных чиновников, наезжающих из Москвы. Похоже, для них тоже это оказалось неожиданной экзотикой, которой прежде не было у здешнего народа. Оказавшись в Торетаме, попав впросак, они начинали искать встречи с Кобейсином, начальником депо. И тогда у них возникал вопрос. Как удастся в такую убийственную жару выращивать цветы? В чем секрет этого? А что если для эксперимента попытаться вывезти на орбиту саженцы цветов, растущих в Торетаме? Где те клятвенные заверения людей Торетама, что в этих местах не растут не только садовые цветы, овощи, но и даже простые колочки, ведь об этом твердили столько лет. А что говорить людям, если они станут останавливать военных на улице, хватая их за рукав, дескать: «Из-за отсутствия витаминов, нужных человеку, мы небольшого роста, от этого и умственные способности небольшие, это доказано наукой. Поэтому вы должны добавить финансовые средства за счет экологического коэффициента».

Были ли привезены семена цветов из Голландии, а почва доставлена из Тараза, дело не в этом, а в наглядном факте – цветнике, выращенном на площадке перед депо Кобейсина. Как хорошо, что о явном беспорядке на клумбах узнал не по

слухам, а увидел собственными глазами! Почва-то у корней растений, орошаемая капельным способом, всегда влажная. И сорняки убраны заботливыми руками. Но тогда почему на некоторых саженцах листья завяли и опали? Или это неожиданная напасть, или болезнь от чего-то? А что если садовницы, проявляя халатность, гуляют себе где-то на стороне, дескать: «Начальнику депо больше нечем заняться, кроме как выращиванием цветов?»

Он резко выпрямился. Пожилая женщина – диспетчер за пультом с той самой минуты, как сюда вошел начальник, не сводила с Кобейсина глаз. С одной стороны, она была немало удивлена. Она не могла понять, почему Кобейсин не занят своим обычным делом. На всякий случай она по привычке высунула голову из небольшого оконца.

– Если есть срочное поручение, могу быстро вызвать железнодорожников в депо, – громко спросила она.

– Поручение, какое поручение?.. Почему эти цветы остались без присмотра?

– Есть же ответственные за это дело.

– Кто они, ответственные?

– Ольга Николаевна!

– А где она ходит?

– Сегодня же воскресенье.

– Остальные где?

– Балкумис отпросилась.

– У кого?

– У главного инженера.

– По какой причине отпросилась?

– Не знаю, а Дарига где-то здесь.

– Срочно вызовите.

– Если не ушла на обед.

– Нашла время для обеда, – но затем он передумал. – Ладно, не будем пугать Даригу лишним шумом. Тем не менее, пусть хорошенько смотрит за цветами. Что с ними такое? Стоит только отвлечься от них...

– Из Кандыагаша пришла телеграмма.

– Что им нужно?

– Состав, отправляемый в Китай, уже в пути.

– Когда он прибудет в Торетам?

– Ночью в половине двенадцатого.

– По графику так?

– Да.

– Кто сегодня дежурный?

– Кожагул Сагынбаев.

– Сагынбаев Кожагул... А, припоминаю его. Это тот самый джигит, который в прошлом году ездил в Астрахань на повышение квалификации?

– Да, тот самый.

– Тогда передайте от меня такой наказ товарищу Сагынбаеву – пусть возьмет состав под свой контроль. Если ненароком из цистерн прольется сырая нефть, пусть сразу составляет акт и отправляет в китайскую компанию. Пусть не боится международного скандала. Хватит нам того, что производитель нефти – китайская компания – своевольничала до сих пор! Договорились?

– Договорились. Сказать, чтобы Сагынбаев связался с вами?

– Пусть свяжется... Нет, сам решит, связаться или нет. Главное, пусть бдительно следит за тем, чтобы нефть не пролилась на дорогу.

– Хорошо!

«Черт возьми, что я выдал? Что это со мной? Что это за безостановочное ворчание?» Опасаясь попасться на глаза людям, попятился назад. Ему уже не хотелось пробираться крадучись в свой кабинет. Надо было заранее отобрать в отдельную коробку разные ненужные бумаги, которые не понадобятся новому начальнику депо или могут навредить ему. Ладно, водитель потом привезет их к нему домой. С этого дня Кобейсин уже не начальник депо. Он посторонний человек. А теперь попробуйте понять недавние действия «постороннего человека». О цветах пусть теперь болит голова другого человека. Станет разводить их или вырубит, мол, зачем нам лишняя забота, – это дело будущего начальника депо. А Кобейсину нужно только одно: чтобы саженцы не завяли. Для понимающего – это его борьба против ухудшения экологии. Было бы хорошо, если бы его начинание нашло продолжение. И что он придрался к китайской компании? Скажешь, они не обрадуются тому, что Кобейсин уходит со своей должности? Небось будут рады, будто жена каждого из них родила сына. Избавились же от человека, который цеплялся к каждой мелочи, чуть что – впивался, будто клещ. От его бдительных стерегущих глаз. Ойпырмай, встречался ли им более строптивый человек, чем Кобейсин? Навалится на них с шумом и криком, мол, пролили на землю Торетама каплю нефти. Что это за человек, или он не спит ни днем ни ночью, сторожа, что делается, а что не делается на железной дороге? Стоит только ему заметить какую-то оплошность, как с криком поднимается на дыбы. Трясаясь, словно наступило светопреставление, грабастает и тянет к себе все бумаги, где прописаны законы. А затем, надрывая горло, доказывает тебе твое нарушение. И не желает ни в чем уступать. Эй, если нефть пролилась, ведь унесет ее ветром. А земля Торетама, это что, прах со священного алтаря, что ли? До такой степени дрожать над ней! Ведь кто знает, когда появились эти темные пятна меж шпалами. Боже мой, почти забыл, – завтра из области приедет один человек, проведет здесь большое собрание. Вызовет Кобейсина перед всем народом, поблагодарит за многолетнюю успешную работу. Пожелает удачи на новом месте. Старые приемы, надоевшие народу. Потом даст слово Кобейсину. Что скажете на прощание родному коллективу, теплому уютному гнезду? Что скажет Кобейсин, что? Ведь все и так понятно. Да и народ заранее знает все, что ты скажешь. Одни пустые, велеречивые словеса. Было бы гораздо лучше, если бы Кобейсин, не участвуя в собрании, гулял по улице.

Памятник. О нем говорила и Аккербез. Дескать, было бы, с одной стороны, правильно. Может ли кто-то сказать, что, если речь идет о работе, Кобейсин ведет себя кротко, словно агнец божий. Ладно, пусть он многим сделал добро, многим тут же решил судьбоносный вопрос. Когда с космодрома поступало срочное распоряжение, Кобейсин тут же становился грозным, неумолимым. Срежь ночи поднимал на ноги весь народ. И не давал людям покоя, пока сдвоенный тепловоз, направляющийся к пусковой площадке №1, не покидал станцию. И сам, мотаясь туда и сюда, руководил всем делом. В последний раз устраивал проверку двум машинистам и их помощнику. Когда тепловоз входил на территорию космодрома, еще раз допрашивал их о предстоящем деле. Каждое действие выполняется в строгом соответствии с жестким графиком. Не должно быть ни малейших неточностей, когда приближаешься к космодрому. Даже окна должны блестеть, как новенькие. И вот в таких условиях вполне возможно, что Кобейсин кого-то обижает крепким словом. Виноват он или не виноват, но если человек спотыкается на ходу, он получает от Кобейсина нагоняй. Если виноват, он простит начальнику неуместную грубость, а если не виноват, то как Кобейсину оправдаться перед ним?

Поэтому он сегодня пришел в депо, чтобы попросить прощения у железнодорожников. И сам не уверен, правильно он поступает или нет. У кого он будет просить прощения, как определит, кто был виноват, а кто нет? С одной стороны, это нетактично. Во-первых, он не сможет сказать людям, что наверняка был хорошим начальником, что народ всегда любил его. Найдутся и те, кому он нравился, и те, кому не нравился. И вот, если бы в такой ситуации среди цветов торчал бы его памятник, те, кто неприязненно относится к нему, не упустили бы случай кинуть в него грязью, тем самым сравнив счет.

Оглашенный голос диспетчера за пультом – пожилой женщины разносился по округе: «Бригада Сагынбаева приняла дежурство. Бригадира направляю к вам».

– Нет, нет, не нужно! Я, я... сегодня решил зайти в депо, потому что у меня свободное время...

То ли был сильно взволнован или расчувствовался, дав волю нервам, голос у него вышел какой-то сдавленный, словно не свой.

6

Мэр закрытого города сам не заметил, как, несмотря на тучность, мигом вскочил с места. Словно напуганный чем-то, в замешательстве, он ощутил, как морозный озноб пробежал по всему телу. Он смахнул рукавом пот, обильно выступивший на лбу. Поскольку в ягодицах пульсировала неуправляемая дрожь, сделал шаг, потом другой. На каждый шаг полы огромного кабинета отзывались скрипом, а центр помещения, казалось, был готов провалиться под тяжестью хозяина.

То ли хотелось ему уйти подальше от черного телефона, напрямую связывающего его с Москвой, то ли намеревался он найти на карте то самое место, откуда грянула недобрая весть, и хорошенько разглядеть его, – во всяком случае осознал, что у него есть какая-то цель. Эй, что это за позор! Ничего не в силах понять он. Перед глазами зарябила дымка, меж лопатками словно вонзилась игла, входя глубже, – с каждым мгновением усиливалось чувство тревоги. Затуманенный взгляд не давал разглядеть, куда ставить ноги. Еще немного, потеряв равновесие, наверное, рухнул бы на пол, пошатываясь, дошел до круглого стола и крепко ухватился за край. И только тогда пришел в себя. Потухшим, задымленным взглядом обвел комнату. Сделал попытку плотненько пересохшим горлом. Короткие пальцы безостановочно подрагивали. Коричневая штора большого окна надувалась парусом, покачивалась туда и сюда, потом, хлопнув, вновь прижималась к стеклам открытой створы. И эта картина затем опять повторилась.

Утром, когда, собираясь выйти, привел себя в порядок, умылся, побрился, помассировал щеки, все было тихо. Не прошло времени, достаточного, чтобы согреть чай, как мир, словно совершив кульбит, изменился до неузнаваемости. Что это за подвохи, или всесильному главе закрытого города, судьба которого в его руках, в минуты неожиданного события, заставившего ахнуть весь мир, ничего больше не остается делать, как наблюдать, как надувается и сдувается коричневая штора? Похрустев шейными позвонками, он выпрямил голову, склоненную к правому плечу. Только теперь руки и ноги начали повиноваться ему. Наверное, такие беды, как сердечный приступ, инфаркт, обрушиваются именно после такого испуга. Холодный пот, катившийся по вискам, теперь начал капать на воротник белой рубашки. И отяжелевшее тело как будто дожидалось именно этого мгновения. Кровь, словно бы застывшая в жилах, пришла в движение, неся тепло жизни. Куда денется точка, которую искал на карте, канет, что ли, в неизвестность, сегодня или завтра случилось бы то, что уже случилось, какой толк оттого, что он со всей ратью кинется разгрести это дело? И такие дела сначала вызывают шум и гам, так что он выходит из

себя, бушует, а потом входят в обычное русло, – так было не раз. Кто достигал дна этой ямы? Эта собачья жизнь в закрытом городе, и эти, пока считающиеся секретными, заварухи на космодроме, – пропади все это пропадом! И до него восседали люди в этом мягком удобном кресле с высокой резной спинкой. Он не первый и не последний глава города. Если он уйдет, на его место примчится другой ухарь с красными петлицами. Ухарь? Ну и сравнение. Выходит тогда, то замешательство, которое он пережил минуту назад, относится к случаям, которые выпадают на долю хабрнца? Ой-ей-ей, пусть тогда будет в здравии такой смельчак!

Широкими ладонями потер в области сердца. Побаливает, что ли, будто сжимают сердце цепкими кистями. Давно уже лечится у опытных врачей. Они же знай себе твердят одно и то же: «Не нагружайте свое сердце, не обращайтесь внимания на всякие передраги, спокойно пропускайте все мимо себя». Скажут же, черти! А недавняя ледяная весть, взявшая его за горло, разве она похожа на событие, к которому можно отнестись равнодушно? Можно ли ее уподобить такому случаю? Он остался жив только благодаря спокойствию и хладнокровию. А если бы на его месте был кто-то другой? Лучше не вспоминать это слово. Инфаркт! Если его свалит инфаркт в такие годы – скажи – приехали! К тому же в такой дикой собачьей жаре Торетама... Сгнить и умереть! Нет другого названия такой смерти. Хорошо, если найдутся сочувствующие, дескать, столько лет возглавлял закрытый город, и помогут довести тело до Москвы. Его останки должны лежать в русской земле. Нет большей мечты для него. Чтобы завтра кто-то приходил к его могиле помолиться за его упокой. А остаться в глине Торетама – все равно, что собственными руками отнести свое тело к адскому огню и швырнуть его туда. Именно так, торетамовцев знаете же. Не стоит много говорить об этом. Вряд ли примет чужих к себе в теплые объятия дух Коркута, чья мощь окружает окрестности Байконура стеной. Это известное обстоятельство, к тому же если столько лет трудился в закрытом городе. Сейчас первый и старый враг торетамовцев – закрытый город.

Повернулся назад. И увидел себя, горой возвышающегося в большом кресле. Сидящего совершенно неподвижно, как и должен сидеть сам. Даже те, кто входили с почтительным поклоном по несколько человек, не сумев заранее договориться друг с другом, нерешительно, жалко мялись, комкали слова. Управление народом – большое искусство, надеяться за пару лет освоить все его тонкости – напрасная затея. Это самонадеянность. И если пустишься по следу этой твари, она не даст схватить себя за хвост, хоть всю жизнь гоняйся. Виляя перед глазами хитрой лисой, будет увлекать и манить тебя вперед и вперед. Если говорить откровенно – попасть на прием к мэру закрытого города, это – столетняя мечта. И она не дается всякому желающему. К тому же заранее проверяется, с какой целью пришел человек. Большинство поворачивают назад. По правде говоря, ему глубоко были безразличны бесконечные социальные и экономические проблемы казахских аулов Торетама. Пусть сами их решают. Один из двух его заместителей напрямую отвечает за это. Те, кто пришли с заявлениями, пусть идут к нему. Вот так, найдя выход для себя, он далеко отодвинул от себя вопросы жизненных проблем местных людей. С одной стороны, ушам будет спокойно. Казахам знаете же: зудя, как москиты, будут приставать и приставать, не успеешь решить один вопрос, а они уже, волоча свои ноги в стоптанных кирзачах, с жалким видом являются с другим. Конечно, и у него есть душа, а там, где есть душа, неизменно прорастают такие чувства, как милосердие, сочувствие. Они растут, развиваются. Попробуй теперь править с властным криком, как в старые времена империи, призвав всю злость, застегнув пуговицы на мундире, сжав кулаки, дескать: «Знаете, что такое Москва? Мы прибыли из Москвы со специальным поручением, ну а теперь, без всяких лишних слов повинуйтесь нам!» Они же тоже теперь на-

род, и у них есть гордость. К тому же веяния демократии шаг за шагом достигли и Торетама. И хотя они живут в низеньких мазанках, чьи окна наполовину ушли в песок, в остроте ума-разума им не откажешь, обо всем есть понятие. Кто знает, оттого ли, что казахи с рождения бывают мечтателями, фантазерами. Попытаешься поговорить с двумя или тремя, прослывшими интеллектуалами, влияющими на народ, так заморочат мозги до кипения. И еще долго не придешь в себя после такого разговора. Не захочешь слушать их, вникать в их проблемы, так найдут лазейку в твоё сознание, глазом не успеешь моргнуть, как завоюют твоё сердце. В итоге не заметишь, как попадешь в плен душцепительных рассказней торетамовцев. Не-ет, дальше углубляться не стоит. Выпрямишь склоненную к плечу голову, приведешь в порядок одежду, приосанишься. Иногда, глядя на то, что они вытворяют, хочется плакать и смеяться. И тогда, пребывая в смуте раздвоенного состояния, ты вздрагиваешь, словно тебя ударило током. Оу, как это ты забыл про армейскую клятву, которую давал перед тем, как отправиться сюда? Тебя что, послали из Москвы в эту бескрайнюю пустыню Торетама для того, чтобы ты выслушивал фантастические истории, подобные дымным миражам, не имеющие рационального зерна, не исследованные из космоса? Какую пользу ты получишь от этого? Есть, оказывается, у тебя такая мысль, но тогда к чему надо было мечтать о такой работе, которая не каждому дается? Или ты ждешь сурового приговора военного трибунала?! Несчастный, или ты не знаешь, что у Москвы руки длинные, хватка железная? Быть может, про твоё ротозейство и мягкотелость высчитают в Москве сигналами невидимой аппаратуры, отмечая в безвестных точках изо дня в день. И они понимают это дело, зная его как свои пять пальцев. Валишь тебя сразу не станут. Понаблюдают, подождут, закинут руки за голову, ожидая, найдется ли хотя бы одна тема, полезная для науки в этих фантастических историях. Иначе, кто ты такой для них, убрать тебя с должности для них – пара пустяков. Ты же и так хорошо знаешь про существование секретных пунктов, не подлежащих разглашению, а также про то, как они применяются по отношению к тем или иным людям. Никто не может поручиться за то, что и в этой огромной комнате не имеются подслушивающие устройства. К примеру, поверишь ты или нет, если тебе скажут, что в край этой коричневой шторы, то вздувающейся шаром, то опадающей и льнущей к стеклам окна, пришита аппаратура размером всего с пуговицу? Молчишь, а? И не сможешь вырвать ее с места. Не посмеешь. И хотя эти вещи, находящиеся в этом кабинете, создают впечатление, что безупречно служат твоей успешной работе, у каждого из них своя функция. И ты не можешь убрать ни одну из них. На худой конец не осмелишься даже в гневе разбить граненный графин с водой, стоящий на твоём столе. Вполне возможно, что и там могут находиться элементы, невидимые, прозрачные, как стекло.

Тем не менее, несмотря на это, ты хозяин этого кабинета. И эта комната излучает присущую тебе внушительность, вселяя страх. А когда твоему взору предстает некий бедолага, либо пара их, найдя путь к тебе, поборов страх, робость, открыв дубовую дверь, с жалким видом входит в твою приемную, неизвестно почему, но ты сразу хмуришься и, как будто с головой ушел в большую работу, склоняешься над бумагами, разбросанными по всему столу. И если в это время завершит черный телефон с левой стороны, для тебя это удача, ниспосланная богом. Да, ты желаешь подольше вести переговоры с человеком по ту сторону трубки. Тебя так и подмывает, кряхтя, покашливая, с видом ответственного человека, со знанием дела произносить значительные фразы о космических проблемах, которые и во сне не приснились бы торетамовцам. Ты даже сделал бы несколько тоскующий вид, еще сильнее нахмутив брови, уперев голубые глаза в одну точку. И с отдаления тебе видно, что торетамовцы, пришедшие на прием, обеспокоены, они тревожатся все

сильнее. О, бедняги, они уже не знают, как им незаметно покинуть кабинет. Не знающие, куда девать руки, проклинаящие себя, мол, пришли совсем некстати, потерянные, они даже вызывают жалость к себе.

Вот так, москвичи все такие. Разве Москва пошлет случайного человека в Торетам. Если бы сказал кто-то посторонний, не поверил бы, а так слышал своими ушами. Не приведи господь, мэр закрытого города, оказывается, занимается проблемами всей планеты. Он сильно озабочен вопросами последствий пожара в лесах далекой Африки, куда даже собака нос не совала. Получается, закрытый город, судьба которого всецело связана с космосом, отвечает еще за каждое событие, происходящее в одном из углов бескрайнего мира. Да, именно так, но как же глаза тысяч, нет, миллионов спутников, летающих на орбите, не заметили этот пожар? А что, если непотушенный пожар, тлея и тлея, вспыхнет опять на заре? Или в управленческом аппарате кто-то проявил халатность, привыкнув к сигналам спутников земли, дескать, к чему все регистрировать в журнале? Как им понять бесценное значение лесов на земле? Если ты закален в пекле Торетам, попробуй вырастить дерево. В условиях, когда люди с трудом находят пресную воду, еле-еле выживают при этом, смотрите-ка – больше ничего не остается им делать, как выращивать дерево. Конечно, что может быть лучше, чем гулять в тени деревьев. Однако, черти, откуда взять их? И вот такие переживания очень к лицу мэру. Торетамовец, видящий леса только во сне, станет ли, как этот человек, тратить нервы по поводу пожара в Африке? И что сказать такому человеку, который все видит и по поводу всего на свете переживает? Если бы среди нас не было в достатке таких образованных, все знающих людей, разве не истощилась бы земля Торетам? Упаси от их злословья, порой они, забыв про своего бога, про то, что таких золотых людей следует на руках носить, не жалея острых слов, начинают проклинать их на чем свет стоит. Мало того, порой при встрече лицом к лицу они чуть не хватают его за ворот, мол: «Почему не выполнили нашу просьбу, почему задерживается исполнение того-то?»

И проситель съезживается еще сильнее, становится еще меньше. А дух самого готов пробить потолок этого здания. Всё растет и растет. Он хотел бы поддержать просителя, вдохновить, но, видимо, зря, ибо тот упускает момент. Ему было бы к лицу, если бы он выказал усталость, даже отвращение к этому миру. Ему все к лицу. Да, кстати, с какой просьбой явился он к большому человеку? «У меня много детей, я глава большой семьи. Всю жизнь я живу в Торетаме. Если помру, меня похоронят на родовом кладбище на этой земле. В этом я не сомневаюсь. У меня нет возможности каждый месяц приходиться к вам. Поскольку выпал случай, я хотел бы объяснить вам одно обстоятельство. Как вы знаете, мавзолей великого Коркута находится рядом с космодромом, до него рукой подать, он бок о бок стоит с закрытым городом. И этот мавзолей отнюдь не зря возвышается на обочине большой дороги. К чему мне читать вам лекцию про Коркута. Мы, торетамовцы, живущие на небольшой станции, искренне сочувствуем вам и желаем вам всего хорошего. Если я буду задерживаться на каждой детали, разговор наш затянется. Буду говорить коротко, о самом главном. Жители окрестности живы и здоровы благодаря только мавзолею Коркута. Джинны и шайтаны не смеют приблизиться к станции Торетам. Если приблизятся, мелодия кобыза Коркута наносит удар по ним. И отшвыривает их. Не знаю, как лучше объяснить вам это другими словами. Смысл рассказа вот в чем – каждый раз, когда запускается ракета, мы в ту же ночь совершаем омовение, очищаемся, и утром на рассвете просыпаемся бодрыми. И, повернувшись лицом к мавзолею Коркута, начинаем усердно молиться о том, чтобы те рабы божьи, которые взлетели с Байконура, благополучно вернулись на Землю. Вы же в последние годы

увеличили число коммерческих полетов. Объявились даже туристы – бездельники. Хорошо, если у вас это получается, пусть будет море по колено. Нам все равно, кто поднялся на орбиту, какой он нации, из какой страны, какого цвета у него кожа. Раз он взлетел от мавзолея Коркута, то всё, он наш человек, наш брат! Сам он после полета всегда будет хранить хорошее мнение о Торетама. И мы уповаем на помощь Коркут-ата, чтобы вернул нашего брата на землю живым и здоровым. Пользуясь случаем, хочу сказать и о том, чего вы не знаете. Вы утверждаете, что все происходит благодаря современной науке и технике, и принижая чудотворную силу мавзолея Коркута, легкомысленно ссылаетесь на земное притяжение. Вовсе не так, дорогой мой, все происходит благодаря биотокам, которые излучает мавзолей Коркут-ата. Вооружайтесь с ног до головы современными техническими достижениями, однако взлетающая ракета на ваших глазах тут же может рассыпаться в прах. Мы уже много раз видели такие случаи. И в таких условиях приходится снова просить прощения у Коркут-ата. Можно ли сосчитать грехи, совершаемые человеком на земле? И ни один из них не проходит без внимания со стороны Коркут-ата. Он не хочет пропускать грязный мусор в божественное небо. Вы говорите, что это произошло из-за технических недочетов, и без лишнего шума закрываете дело. А на самом деле в его подоплеке скрывается большое содержание. Ладно, что говорить о нас, кто мы такие? Словно плохо закипевший казан, мы поклопочем-поклопочем, выпустим пар и затихнем. Ну а Коркут-ата не прощает жульничества, которое творится рядом с ним. Его биотоки сильнее земного притяжения. Эту философию никогда не забывайте. И одно мое дело должно напомнить об этом...»

А...а, о чем это он, что хочет сказать? Коркут, какой Коркут?! Это не то место, где можно судачить о мавзолее Коркута. Большой человек не расположен слушать эти байки, когда во всех уголках планеты бушуют пожары, а окрестности Торетама в покое, тишине, избавлены от огня, потопа, землетрясения... от всяких других бед и несчастий. Это сила мавзолея Коркут-ата сохраняет их и обеспечивает порядок. Да, почему вы смеетесь, разве для смеха рассказывается все это? Если повезет, он еще встретится с мэром закрытого города. И тогда не сбиваясь, не теряя нить разговора, он раскроет все свои мысли. А сейчас перейдет на главную цель своего посещения. «Как глава большого семейства прошу оказать помощь в бурении артезианской скважины рядом с домом!» Последние слова он пробормотал с трудом, прокашливаясь, запинаясь. Смотри-ка, как не вовремя сник он!

Внутренняя дверь со скрипом открылась, и в кабинет, то касаясь ножками красного ковра, то словно не касаясь, неся пиалу на золоченом подносе, впрорхнула девушка в голубом платье. Судя по дымящемуся пару, надо полагать, чай. А что еще может быть? Кивнув головой, ты глянул на него. А что с него станется, – унизит человека, не считаясь ни с чем. Маленькая пиала почти совсем исчезла под крупным его носом. Едва не рассмеявшись, ты еле сдержал себя. Тебе хотелось услышать ответ на свою просьбу.

– Ладно, – сказал большой начальник, лениво потягиваясь. – Напиши заявление на одном листке и оставь секретарше. Посмотрим, если будет возможность.

– Что? – ты сам был удивлен своему возгласу, который внезапно вырвался у тебя, как взрыв. – Если будет возможность?..

– Да, если будет возможность.

– А если... – ты сделал небольшую паузу, – если у вас такой возможности не будет, то у кого она будет, у кого?!

– Не препирайтесь, идите, ступайте! – слегка двинул короткими пальцами.

Дверь закрылась со стуком. Сидя один в середине огромного кабинета, погруженный в размышления. Ну, что на это скажете, господин мэр? Вот каковы торета-

мовцы, которые, казалось бы, еле-еле волочат по пыли свои ноги. Не переносят указующие слова. Чуть что, готовы ужалить языком. Ты же помнишь, как он вошел с почтительным низким поклоном. А затем был готов сцепиться с тобой. Возможно, в историях, рассказываемых торетамовцами, есть некий скрытый смысл. Похоже, когда они уже близки к тому, чтобы испустить дух, их возрождает и вдохновляет дух предка – Коркута. Удивительно то, что эта сила не видна глазу человека. Наверное, это и есть биотоки, о которых он нес бред. До чего это задубевший душой народ бедняги, не ведающие ни о чистой воде, ни о чистом воздухе. Когда видишь их низенькие дома на станции, невольно становится не по себе. В душу закрадывается жалость. И все-таки вот чем они занимаются. Какой вулкан таится в них, в каком их месте? Дивись этому, не дивись, таковы они! Как же им остаться в стороне от биотоков, выходящих из мавзолея Коркута. Живя в закрытом городе, где уровень жизни не хуже, чем в Москве...

7

Как и сейчас, к этой большой настенной карте он обычно подходил, когда из Москвы прибывал какой-нибудь высокопоставленный чиновник. Ему нравилось, сидя рядом и глядя на эту карту, посвящать гостя в не столь значительные проблемы. И когда он, расстегнув пуговицы на шее, вытерев пот со лба, пылко принимался за дело, слушателю тоже становилось жарко. И он получал от этого удовольствие, будто декламировал поэму. У этой заклятой карты была одна чертовщина – стоило только указке приблизиться к некоторым точкам на карте, как интрига истории начинала сильнее привлекать. Он с трудом сдерживал себя. Да и к чему мелочиться, когда вся картина космодрома на карте у него как на ладони. К тому же гость из Москвы, как правило, свой человек, поэтому не нужно опасаться, что выболтаешь тайны, которые приходится скрывать от торетамовцев. А на карте есть отметки, понятные только мэру закрытого города. И они ясно указывают места, куда может приземлиться спускаемый аппарат. Сам он использует свои названия пусковых площадок на космодроме. Дай волю местным казахам, разве их остановишь, они же завалят тебя своими «саке», «баке». Они уже все уши прожужжали своими уговорами, мол, давайте придерживаться правил ономастики, возвращая старые названия холмам, селениям, рекам. Он не вступает с ними в препирательство, делает вид, что внимательно слушает их. Дает им знать, что хорошо посвящен в казахские традиции и обычаи. А как же иначе, как управлять жизнью закрытого города, если не будешь артистом.

И все-таки, представьте, он с жаром втолковывает московскому гостю словечки, от которых сворачивается челюсть, например, Сулутам, Караоткел, Аякоткел, пески Боксары, барханы Казыбая. Ну, а когда возникают критические ситуации, какое дело местным казахам до терминов военной карты? Пусть довольствуются тем, что получают дополнительный экологический коэффициент, и спят себе спокойно. Или греются себе в биотоках, излучаемых мавзолеем Коркута, довольствуются сколько влезет этой верой. Нет, в самом деле, должны же они считаться с его высоким воинским званием. Не хватало еще морочить голову московскому гостю байками про деда Коркута. Эх, что поделаешь с этим давним изустным мастерством степных казахов. Письменная литература их, кажется, такая же. С их златоустами не поспоришь, и словечка не дадут вставить. Скушают тебя – и глазом не моргнут. И не осмелишься сказать, что все их песенки – вранье. И в самом деле, где он только не мотался, в каких только городах и весях не бывал, но такого простофилю-народа не видал. Каждый из них – сам по себе эфенди. Эти люди, какую пользу они получают от коммерческих полетов, известных им и неизвестных? Кто берет в рас-

чет, получают они поддержку от биотоков мавзолея Коркута или не получают? Приходит время по непреклонному графику, подчиненному военному порядку, и ракета поднимается в космос. И его нельзя отсрочить ни на минуту. И у вас нет ни малейшего права ни задержать запуск, ни помешать ему. Сдвоенный тепловоз, пыхтя, отдуваясь, достигает стартовой площадки, и остается только нажать на кнопку. Пуск! Ревущее пламя двигателей смешивается со смеющимися лучами восходящего солнца, и глазом не успеешь моргнуть, как ракета устремляется ввысь. Окрестности Торетама окутывает алая пыль, под влиянием этого целую неделю, оказывается, черная буря бушует в песках, вода, оказывается, уходит из глубоких, выложенных камнем колодцев всех аулов, что лепятся со всех сторон к станции, скот, от мала до единого, оказывается, боится возвращаться в свои дворы, он остается ночевать на склонах увалов, оказывается, непонятно от какой напасти дойные коровы перестают давать молоко... Как и что будет отвечать на такой вздор космодром? По правде говоря, он не считается ни с чем в таком роде. Сами взвесьте – мировые глобальные процессы и пустые, надуманные проблемы торетамовских казахов... Курам на смех! И сами посмеются над этим, чтобы им пусто было! Поухмыляются и снова возвращаются к своему нытью: «Мы работаем на будущее всего человечества!», «Если бы мы не умолили дух Коркут-ата своими молитвами, посмотрели бы мы, как вы летаете в космос!», «Перед каждым пуском мы совершаем омовения, очищаемся, и с раннего утра молимся духу Коркут-ата». И вот так тянется эта жвачка...

И как это не назвать простофильством? В единственном магазине станции полки словно выметенные. И так и зимой, и летом. И сахар, и молоко покупают, выстояв в очереди. К тому же эти продукты доставляются из складов закрытого города. Можно ли утверждать, что завскладом – широкой души человек, вряд ли он горит желанием с головой завалить продуктами торетамовцев. Дает так себе, лишь бы не умерли, капают им в рот помаленьку. Если бы это был другой народ, он давно покинул бы окрестности Торетама. А они, хотя еле-еле душа в теле, сами сплошь в мозолях, тешат себя байками, мол, мы желаем всему человечеству только добра. И связывают свое будущее с мавзолеем Коркут-ата. Не забывают ни об этом мире, ни о другом. Учтивые, умиротворенные, стремящиеся ухватить журавля в небе. Из всех трудностей вызволяет их дух Коркут-ата. Дух Коркута для них на этой земле все равно что скорая помощь. Стоит им только моргнуть, как Он тут как тут. Стоит ему только присниться, и вот они уже здоровые, резвятся себе, как жеребята на лугу.

Исповедаешься ли как на духу высокому московскому гостю, что это и есть все, что он приобрел в Торетама. Никак не исповедаешься. А эти, ни живые ни мертвые, как бы то ни было, делают свое дело. Кроме Коркута ни на кого не уповают, ни у кого не просят, но и никого не боятся.

Он взял красный карандаш и подчеркнул некую точку на большой карте. Это был небольшой пятачок недалеко от стартовой площадки №1. Недавно с того места повеяло холодом неприятного события. В конце концов все закончилось благополучно. На первый взгляд кажется это детской причудой, таким баловством. Они подняли вопрос, дескать, чье имя присвоим стартовой площадке №1. Чье имя бы ни присвоили, кто с ними спорит, кто против? Пусть присвоят имя жены или ребенка. По правде говоря, москвичи в такие дела не вмешиваются, делают вид, что не замечают, что не слышали об этом. Тем не менее это дело не выпускают из-под контроля. Тщательно наблюдают со стороны. Вызовут к себе руководителя инициативной группы и припрут к стенке. Запугают тем, что выгонят с работы. О человеке, к чему из-за этого поднимать столько шума? Дай

имя первого казаха, ступившего некогда на землю Байконура, и все. Разве это такой трудный вопрос?

Что, о чем это ты болтаешь? Первая стартовая площадка, какая первая? Погоди, постой! Отвел взгляд от шторы. На площади не видно бесцельно гуляющих людей. И он сам испугался внезапной мысли, залетевшей в голову. Здоров ли он, на самом деле? Что за напасть такая? Иначе откуда у него в голове такая шальная мысль? Как хорошо, что он один. Он потрогал лоб, мол, нет ли температуры, потер загривок. Нет, неспроста это. Пропади они пропадом, эти биотоки, а что, если они незаметно проникли в его плоть и кровь, взялись за суставы? К черту! Прочь!

Не хватало ему еще этого, ведь, не в силах дотерпеть до конца срока службы, душа его уже бьется о стены... Лишнего дня не проведет он в Торетаме. Как только получит он распоряжение, в тот же день окажется в Москве. Хватит ему и этих мытарств. Пусть и другим достанутся на долю удовольствия от жизни в закрытом городе, которые останутся от него. Хвалиться особо нечем. Кое-чего, накопленного на счету, хватит разве что штопать прорехи в кармане. А против армейского приказа свыше не попрешь. К тому же когда космическая сфера находится в кризисе. Сколько уже лет прошло с тех пор, как Москва вступила в острую конфронтацию с великой державой за рубежом. Конца этой сваре не видно. То они обгоняют в технологии, то мы прорываемся. И в такой сложной ситуации, когда те, кто наверху, с красными погонами, ищут виноватых, кого можно сделать козлом отпущения? Как встанешь в позу, мол, не поеду на край света в Торетам? Стоит проявить слабинку, как они возьмутся за тебя и не успокоятся, пока не загонят с потрохами туда, куда Макар телят не гонял. Как теперь не считаться с ними? По твоим следам пошлют ищейек. Станут вынюхивать каждый твой шаг. К космическим исследованиям не подпустят и на версту. Считай, конец твоей карьере. Ни к черту не пригодится и твое высшее техническое образование, и то, что столько лет двигался по служебной лестнице. Пойдешь бродить по тротуарам голи и нищеты. Станешь проситься к частным предпринимателям. А хозяину же, тому, кто подрядится платить тебе зарплату, по фигу то, что ты трудился в космическом научном центре. Если работа не продвинется, ты будешь виноватым. Станут гонять тебя с матерками, невзирая ни на снег, ни на льющийся дождь, отправят тебя, жалкого, разгружать вагоны. Даже если придется таскать на спине цемент, и не пикнешь, промолчишь.

Разве не задумается обо всем этом человек, имеющий высшее техническое военное образование? И твоя душа начинает метаться меж двумя огнями, пылая в муках. Молодая жена не захотела разделять судьбу военного. Когда она услышала слово Торетам, у нее волосы дыбом встали. Она поняла, что муж так или иначе направит стопы в пустыню. «Езжай, езжай, свет клином на этом не сошелся, даст бог, наш брак сохранится», – сказала она неуверенно. Непонятно, она поддержала его или надсмехалась над ним. И он заметил, что жена нисколько не переживает по этому поводу, кажется, она готова отправить его без всяких мук, нимало не огорчаясь. Не-ет, он не хочет брать грех на душу, тем не менее, кто поверит в то, что туготелая, в самом соку, молодая женщина, обняв колени, станет проводить свои ночи в безысходном одиноком ожидании? И он успокаивает себя тем, что, раз не поймал ее на измене, не перегибает ли он палку. Тем не менее, сомнения слишком сильны. Довольствуется ли женщина тем, что ты лишь два или три раза в год бываешь рядом с ней? И она вынуждена считать годы, месяцы, дни. А срок пребывания в Торетаме тянется и тянется, конца не видно. Это невыносимо черепаший темп.

И вот, когда влачит он существование, снаружи целый, невредимый, а внутри объятый дымом и копотью... откуда ни возмись, всякие неприятные происшествия бросают его в печаль. Бывает, со страху душа готова покинуть тело. И он мерещится

сам себе, выморочный, бледный, с вытаращенными глазами. Или, мол, была не была, рискнуть ему и пойти на то, что никогда не делал никто из его предков, а? Но кто мешает ему? Да, он имеет в виду именно это, то есть если он, как и местные казахи, ляжет спать пораньше, с утра совершив омовение, очистившись от суетных мыслей, обратив взор в сторону мавзолея Коркута, обращаясь от имени всего человечества, найдет слова, чтобы попросить мира и благости для души, кто знает, быть может, избавится от этой напасти. Ох-хо-хой, если бы у него в запасе была хотя бы неделя. А так всего пара часов. Надо же быть такому, после того как покормил космонавтов в гостинице, затем посадил их в спецавтобус, а затем, приговаривая: «все правильно, все по графику!», словно кто-то его подгонял, будто боясь опоздать, отпрапортовал в Москву, что все готово. Специальному автобусному кортежу добираться до стартовой площадки на космодроме от силы – час. Кто думал, что так получится? На этот раз со стороны местных казахов это уже перебор. Раньше тоже так было, когда они раза два перегораживали железную дорогу, идущую на космодром. Их, конечно, одолевает забота об экологической обстановке. Они требуют, чтобы с ними поделились прибылью от коммерческих полетов. Они не хотят сидеть с пустыми руками. Это правда, что они просят оказать им финансовую и материальную помощь. Но космодромщики тоже не без сердца. И это сердце – не обгорелая пустая коряга. Так как у них тоже есть душа, они проявляют сочувствие к местным казахам. Кто вел подсчеты материальной помощи, оказываемой за весь год? Если не считали, то кое-кто вел-таки записи в специальном журнале. Ведь они завтра дадут отчет перед ООН, Москвой и наконец перед областным акимом. Кстати, следует знать, что автор этих отчетов не кто иной, как человек, стоящий перед большой картой, то есть он самый. Автобус, везущий космонавтов, не имеет специальных знаков, он ничем не отличается от других. Это делается для безопасности.

Есть ли кто-нибудь, кто, тыкая пальцем в упор, показал бы местным казахам эти дела? Упаси боже если найдется шпион из своих. И среди военных есть такие вояки, кто давно якшается с местными казахами. Кому накинешь платок на роток? Ладно, черт с ними, пусть не только якшаются, но и в кумовьях ходят. Скажи-ка сначала о том, как получилось, что десять человек из местных перегородили дорогу именно тому автобусу, который вез космонавтов. Ладно, и эту пилюлю проглотили, разве впервые торетамовцы показывают характер космодромщикам? Утешает то, что пока они не осмеливаются пробираться через изгородь из колючей проволоки. Если бы набрались храбрости сделать это, то устроили бы разгром в центре, поджигая дома, переворачивая легковые автомобили.

Охваченный злостью, он долго нажимал на белую кнопку, что была за дальним углом карты. Девушка-бабочка впрорхнула через порог. В глазах полыхал испуг. Наверное, подумала, что у начальника что-то с сердцем.

– Вызывали, Евгений Ильич?

– Спрашиваешь. Не называй меня больше по имени и отчеству.

– Почему? – опущенные бархатными ресницами глаза полезли из орбит. – А как обращаться к вам тогда?

– Не знаю. Кто есть?

– Все.

– Если все здесь, пусть заходят. Скорее!

Он остановил возгласом девушку, которая взялась за ручку двери.

– Иди сюда!

– Что случилось?

– Не слышала, что случилось? Или, небось, чаевничала, сплетничала с кем-нибудь?

– Вы что?! – девушка поджала губы, изображая обиду на своего начальника. Носочками туфель она чертила невидимые фигурки на красном ковре.

– Смотри, следи за языком. Если отсюда вырвется слушок, обещаю тебе – сразу распрощаешься с работой.

– За что?

– Слушай!

– Слушаю.

– Говоришь, все здесь, кого все же видела?

– И Шаймуратов, и Игенбердиев в своих кабинетах.

– Небось, нашла уже общий язык с торетамовцами. Уж не ходишь ли по пятницам к мавзолею Коркута, чтобы почитать молитвы?

– Не-ет.

– Ладно, хорошо. Собери только тех джигитов, что поближе к нам. Поняла? Вижу, ничего не поняла. Только российских.

– Почему?

– Черт возьми, ты что, допрашиваешь меня?

– Игенбердиева тоже пригласить?

– Именно Игенбердиева не зови! Заместителей у меня хоть пруд пруди.

Не прошло и минуты, как целая толпа людей ввалилась в большой кабинет мэра города. Мэра в кресле не было. Затаив дыхание, россияне стояли молча.

– Ну, – донесся резкий его голос из угла. – Поздравляю с сегодняшней победой! Где проходил митинг, в каком месте и в какое время?

Среднего роста молодой джигит с короткой стрижкой нерешительно шагнул вперед:

– Вот здесь, в этом месте! – он накрыл ладонью всем известный объект на карте.

– Ну...

– Это же знакомая песня местных казахов.

– Ладно, пусть будет знакомой песенкой казахов, а вы куда смотрели, чем занимались?! Свиной пасти, что ли?!

– У каждого ведь есть свое порученное дело, Евгений Ильич.

– Не называй меня по имени, не фамильярничай! Спасибо вам! Если вы и есть товарищи, которым я доверял. Дослужились!

– А где заместитель главы города?

– Почему вы это у меня спрашиваете?! Без всякой причины целый год работы, весь наш авторитет пошел прахом. А вы еще ходите сонные и ждете премиальных. Мы теперь эти деньги не будем трогать, а распределим среди казахов.

– Почему Игенбердиева не зовете?

– Не нужен мне он. Если вы сочувствуете мне, найдите на его место другого человека! Этот Игенбердиев достал до самых печенок. У него два лица, одним он улыбается нам, а другим подмигивает своим казахам, мол, служу вам. Все ему хочется выбить из нас что-нибудь и отдать своим.

– Патриот, – буркнул кто-то.

– Верно, верно сказал. Патриот, образчик казахского патриота. Ну а мы не знаем, чем сами занимаемся, на что тратим время. Чуть что – бежим за материальной помощью. Дескать, жить в торетамовском пекле – мука мученическая, стоит только заикнуться об этом, рты вам уже не закрыть. Чтоб рука моя отсохла, если подпишу приказ о дополнительной зарплате вам!.. Кто у нас отвечает за связи с внешним миром?

– Я, – сказал сухощавый, рослый джигит.

– Если ты, отойди в сторону. Как ухитрился проехать в Торетах журналист кабельного телевидения СизНЭН?

– А пес его знает.

– Вот, ответ нашего патриота, самый что ни на есть точный. Пес, конечно, не знает, но мы знаем. Информация о сегодняшнем митинге через систему спутниковой связи разошлась по всему миру. Что на это скажете? – и он сокрушенно махнул своей большущей ладонью.

Ссутулившись, направился к своему креслу. Вид у него был усталый, опустошенный. Паркет под его грузными шагами скрипел, поскрипывал. Налил из графина воды и смочил горло. Потом, пригустнув, глубоко вздохнул.

– То, что случилось – случилось. Мы споткнулись там, где не ожидали. Все мы вместе не оправдали надежд Москвы. Что скрывать от вас. Пока следите за своим языком. Этот мой заместитель, как же его имя? Да, он... не оправдал моих ожиданий. Объявите конкурс и ищите на его место достойного человека. Кругом народ же, – найдется образованный, думающий человек. Ладно, пусть, сколько влезет, поклоняется духу Коркута. Лишь бы душой был ближе к нам. От двуличного проныры мы столько натерпелись! Ищите толкового энергичного человека, с правильными взглядами, понимающего жизнь, с познаниями в области космонавтики. Всё, вы свободны!

И он опустиллся, нет, рухнул в объятия своего кресла.

8

Нет, не следовало ему так делать, словно наконец-то дорвался. У всего на свете есть свой мотив, свой лад. Всё надо делать с умом, соблюдая выдержку. Кто выиграет от того, если там, где надо проявить терпение, он будет суетиться, как ребенок, а там, где надо быть мягче, ласковей, станет спесиво задирать голову, будто шест проглотил. Вот где-то здесь и есть золотая середина, только ее не видно. И наедине с собой он думает об этом, что надо держаться именно ее, не переходя грани. Ну, а пока, слава богу, у него всё получается, всё идет, как задумано. И если всё будет двигаться по этой колее, то они, скорее всего, скоро получат желаемое, похоже, они займут свое место среди интеллигенции закрытого города. Ойпырмай, до чего же дубеет шкура у раба божьего! Невольно поражаешься тому, как живут казахи в аулах в окрестностях Торетама. Это же просто ад! Достаточно сказать о питьевой воде, которой всегда не хватает. Водовоз раз в неделю привозит воду и сливает ее в бетонную яму возле двора. За деньги. Тошно становится при виде этого. А когда на глаза попадают рои мух, кишаших над водой, то хочется бежать отсюда куда глаза глядят, чтобы больше никогда не видеть эти низкие дома, чьи окна наполовину ушли в песок. Об остальном можно кое-что сказать.

Для Аккербез всё это – ушедшее в прошлое. Как только дети выходят на каникулы, она садится в скорый талдыкурганский поезд и, радуясь тому, что Семирежье – рай на земле, отправляется в путь-дорогу. Пусть Кобейсин, начальник депо Торетама, остается себе среди железнодорожников. Его и тросом не выдернешь из этой среды, прикипел к своей работе. Рабочие депо для него ближе родных детей, вышедших из его крови и плоти. Больше всего его заботят их проблемы. И, разумеется, космодром. Когда из космодрома приходит срочное распоряжение, он в тот вечер дома не ночует. Опять же непонятно, где он ужинает. Ой, да что об этом говорить. Ведь от депо до дома рукой подать. Человек, который весь день мотается по шпалам, доберется до дома за десять или пятнадцать минут. Если лень идти пешком, есть же служебная машина. Непонятно, отчего у него такая симпатия к пожилому водителю в пенсионном возрасте, не хочет беспокоить его

даже словом. Как только приходит из космодрома поручение, он спешно собирается и пешком идет в депо. Ну, а если начальнику депо машина не нужна, она всё равно пригодится для какого-нибудь дела. Вот мимо домов, сколоченных из списанных шпал, проносится легковая машина Кобейсина. Дети поднимают переполох, мол, отец приехал. Аккербез начинает ставить чай. Она хорошо знает, что Кобейсин всю ночь провозился с техникой, весь в черном масле, глаз не сомкнул. Можно сказать, плетется – еле-еле душа в теле. Не-ет, это ошибка Аккербез. И в самом деле, о боже мой, ведь подумала, откуда взялся на ее голову Кобейсин? И вот мчится обратно его легковой автомобиль. А рядом с водителем восседает, покачиваясь, его толстая жена. Ну почему не огорчаться этому, почему не злиться? С точки зрения космоса, быть может, эти слова Аккербез выглядят больше пустой бытовой руганью сварливой, толстокожей бабы. Однако до каких пор ей терпеть, сравнивая обычную жизнь в четырех стенах дома с космическими просторами? Один раз, два, три... десять, пятнадцать. По правде говоря, скажите спасибо Аккербез, безропотно, молча переносящей такое унижение. А если на ее месте была бы другая женщина, что было бы тогда? Космос, мировое пространство, чудо из чудес! Вай-вай! Не найдешь слов, чтобы восхвалить Байконур. «Находящаяся в самом центре Земли, рядом с мавзолеем Коркут-ата, станция Торетам вносит свою лепту в стратегию нашего народа!» Какую лепту? Это неисповедимая тайна для живого человека. Если хотите, именно для этого Торетаму был придан вид обычной заправочной станции на обочине дороги. Такой вид, чтобы станция не бросалась в глаза проезжающим, оказался удобен для соблюдения государственных интересов. Безвестная точка на земле. На карте всей планеты станцию Торетам не найти. Это обстоятельство и так понятно: кто поверит в то, что люди, живущие в населенном пункте, не нанесенном на атлас Земли, наслаждаются довольствием, купаясь в роскоши. Вранье все это. Те, кто познергичней, ловчее, как-то выживают, а о тех, кто отстал от великого кочевья, – о них говорить не приходится.

Чем хвалиться до хрипоты о том, что эта малая точка имеет стратегическое значение, если есть на душе жалость к местным казахам, не лучше ли оказать реальную помощь жителям Торетама, чтобы они почувствовали пользу. Никаких доказательств у них нет. Просто пустые слова, летящие, словно перекасти-поле. Ничего не изменилось у них, как жили они раньше, там и будут жить дальше. Воду из бетонного колодца не хочется пить, она вызывает тошноту. Она полна микробов, опасных для человека. Порой украдкой осторожно поглядываешь на дворы, что рядом, дескать, что делают соседки. У них тоже есть бетонные колодцы, куда раз в неделю заливают воду. Приходит в голову мысль, уж не сумасшедшие ли они, однако на первый взгляд они нормальные люди, живые и здоровые, ничем не отличаются от других. И надеются на лучшее будущее. Однако никто из них не знает, что будет завтра.

И одна только надежда у них в душе – небось, не будем хуже других людей. Но как человеку жить одной только мечтой? Ну хорошо, год, два, три... а потом разве мечта не обрывается? Как они стали такими, торетамовцы, кто их сотворил такими? Наверное, есть научные центры, которые изучают уклад их жизни. «Помолись духу Коркут-ата, а затем, как ни в чем ни бывало, глотай и глотай воду из бетонного колодца, кишашую микробами! И все, осталось только одно, эта цель, которой нам не хватало». А после этого все оказывается чистым, совершенно безупречным. И находятся женщины, которые даже сердятся на тебя, мол, какие микробы, что вы там придумали? Порой думаешь, что эти длиннополые создания из тех обывателей, что не покидают свои дворы. Однако нет, большинство из них – преподаватели средней школы. Если они так обучают своих учеников, то, можно сказать, мы приехали.

Аккербез чудно. Она одинока. Живя столько лет в Торетаме, она ни разу не встретила земляка. Они, конечно, правы. Пренебрегая тенистыми садами Семиречья, что она надеялась найти в Торетаме, на краю пустынной земли? Из-за безоглядной, слепой любви к Кобейсину, что ли? Как будто если бы не было Кобейсина, начальника торетамовского депо, она осталась бы без мужа. Какие райские кущи предложил ей этот самый Кобейсин, доведший ее некогда до жалкого состояния, когда она света не взвидела не в состоянии жить без него? Он привез ее сюда, в гущу домов, чьи окна наполовину ушли в песок, и оставил ее задыхаться в тоске. Родила двоих детей. А он продемонстрировал упрямый, непреклонный характер, дескать, хочешь, не хочешь – смиришься с этим. И при этом словно усмехался, косо глядя на нее: «Твои глаза я не закрывал, по рукам и ногам не связывал, сама добровольно приехала сюда. Кроме этого, другого богатства у меня нет!» Это, конечно, он заважничал в последние годы. А поначалу Аккербез ничего не замечала. Она просто слепо и молча следовала за Кобейсином, словно он заколдовал ее, заморозил ей глаза. Она же была далеко не ребенком, закончила приличный институт. Ну чем не прелесть? Девушка с толком, себе при уме. А какие у нее были родные братья, занимали важные посты, управляли районами. А когда она заявила, что собирается замуж за парня, родившегося в Торетаме, снохи налетели на нее со всех сторон и принялись уговаривать, чуть ли не умоляя: «Не выходи за него, ничего хорошего тебя не ждет, будешь несчастной!», «Что с тобой, как ты можешь поменять чистые реки и родники Жетысу на мутные воды Сырдарьи?» Приведя людей, знающих и не знающих про Торетам, столько раз приставали к ней, доводя до головной боли. И ты, с холодным, молчаливым видом, сжав губы, оставалась при своем. Никого не хотела слушать. Однажды снохи, которые прежде ласкали и баловали ее, как-то изменили отношение к ней, так что она не узнавала их. «Как бы чего с тобой не случилось», – под этим предлогом они заставили ее пройти осмотр у гинеколога. Узнав, что она невинна, они обрадовались. И принялись за свое, чтобы повлиять на нее, они распустили слух про Кобейсина. Они нашли девушек и парней, которые, якобы, хорошо знали Кобейсина по Москве. Джигиты, конечно, на этой словесной байге остались на полдороге. А недостатки женской природы ведь известны, возможно, снохи тепло поговорили с ними, тщательно подготовив каждую из них. Разве отступится враг, охотящийся за тобой? Первой уступила им одна девушка, закончившая один из лучших вузов Москвы, дочь какого-то министра. Кто знает, быть может, затаила она обиду на Кобейсина. По ее словам чувствовалось, что и она, разлюбезная, была до безумия влюблена в Кобейсина. К тому же дочь министра. «Пусть попробует уйти от меня, достаточно мне пальцем шевельнуть – сам свалится к моим ногам, голопузый сын бедняка...» Но Кобейсин же упрямый, и когда пришло время решать, он дал ей от ворот поворот, дескать, мне-то что, будь ты даже дочь министра или сама пери. Услышав это, снохи были впечатлены, они словно во сне оказались. С одной стороны – из-за женского любопытства, с другой стороны – из-за жалости к тебе, они изнывали от желания увидеть этого самого Кобейсина. А когда пришло время, они увидели его, и были поражены. Однако ничем не выдали своих чувств. У них была одна цель, одна мечта – во что бы то ни стало помешать твоему отбытию в Торетам.

Девушка, учившаяся в Москве, дочь министра, оказалась злосчастной. Как попала в сети снох, так и осталась там. Ты тайком встретила с ней. Эх, если бы был нож в руке, так тебе хотелось перерезать ей горло. Правда это или ложь, ты не прислушалась ни к одному ее доводу. Ее слова не доходили до тебя, их словно ветром уносило прочь. Ты была словно единственный зритель в театре, а снохи выступали актрисами на сцене. Какими же они были мастерицами!

- Говорят, будучи в Москве, он успел жениться на ком-то.
- Женился, не женился, ну и что, – не расхлебывать же нам эту грязь?
- Да, я о том же говорю.
- Обрюхатил чью-то дочь.
- Да что ты?!
- Пусть мне отрежут язык, если вру!
- Говорят, она дочь иностранного дипломата.
- Да, дочери дипломата тоже захотелось замуж.
- А что ты хотела?
- Мы можем прямо сейчас назвать ее имя.
- Маргарита или Маша...
- Нет, и не Маргарита и не Маша, а Матильда.
- Не закончив учебу, уехала во Францию.
- А что ей с брюхом делать рядом с родственниками?
- Якобы, если мне суждено умереть, умру на руках отца и матери.
- Эй, погоди, говорят, мать ее – француженка, а отец – еврей.
- Пусть.
- Сбив с верной дороги чью-то единственную дочь...
- А завтра люди разве не станут спрашивать, где отец этого ребенка?
- Ой-бай, пусть твоя голова не болит за это! Иностранцам же все равно, это мы умираем от стыда за дочь.

- Эх, куда только не уносит кровинушку казаха?!
- Кобейсина будет видеть только во сне, а так ни за что не подпустит к ребенку.
- Да брось ты, какой толк от такого ребенка, что ждать от него? Все равно что протухшее яйцо. Сгодится разве на то, что будет носить французскую фамилию.
- Давайте на этом прекратим, это не такое дело, что может принести пользу.

Помнится... все помнится. Как впервые оказавшись в доме Кобейсина с водой в бетонной яме, кишашей мухами, не смогла кушать, как, гремя на ухабах, пронесилась мимо дома легковая машина Кобейсина, везущая кого попало... как всё это вместе невольно заставляло ее вспомнить безмятежные вольные дни Кобейсина в Москве. И тогда Аккербез хотелось собрать вещи, взять детей и направить стопы напрямик в Талдыкурган. Однако не смогла так поступить. Какая-то неодолимая сила каждый раз удерживала ее. Не показывая никому, сколько раз довелось рыдать в уединении. Что и говорить, мало ли было таких случаев, когда она, стиснув зубы, перевозмогала себя, тая в себе свои чувства, взвалив на себя собачью ношу – судьбу Кобейсина, храня мир в семье, моля бога о благополучии.

Наверное, поэтому искала хотя бы одну землячку. Если бы нашлась хотя бы одна близкая душа, чтобы излить ей печаль, быть может, постепенно избавилась бы от тоски. И обязательно нашлась бы общая тема. Сравнивая Торетам и Талдыкурган, эх, отвели бы душу, позабыв о печали. Обнявшись, всплакнули бы обе, посмеялись бы, в общем, скинули бы с сердца груз. А можно ли найти с этими торетамовцами общий язык, если бог весть какие преподаватели средней школы заявляют следующее: «Помолившись духу Коркут-ата, не обращая внимания на мух и комаров, махнув рукой, вскипяти мутную воду и пей, пей! Ничто не пристанет к тебе. Биотоки, выходящие из мавзолея Коркут-ата, разве не укрощают не только мух и москитов, но и самих чертей? Что это с вами, не следует ли радоваться тому, что живете рядом с мавзолеем Коркут-ата?»

Ойпыр-май, будет ли конец подобным песенкам или нет? Или так и будет выматывать, словно саднящая кишка? Что это за бесконечный сказ о мавзолее Коркут-ата? Аккербез столько раз бывала в мавзолее, возвышающемся недалеко

от большого тракта. Точно так же, как и другие женщины Торетама, облачалась в длинное, до щикотолок платье, обвязывала голову платком и, скромно потупив глаза, с богомольным видом посещала мавзолей. Никаких изменений в себе она не заметила. Пробовала уединяться для размышлений в тишине мавзолея. Время от времени ее охватывало опасение, мол, как бы не нарваться на неприятность из-за своей доверчивости. Восторженную речь других женщин по поводу религиозных переживаний было не остановить. Они поражали Аккербез, заявляя, что после мавзолея ощущают себя так, будто заново родились на свет. Их сон становился благостным, нервы успокаивались, вера в будущее пробуждалась с новой силой. Они видели во сне Коркут-ата, благословляющего их. Некоторые, входя в раж, сами не замечали, что перегибают палку. Оказывается, Коркут-ата избавил от беса пьющих мужей. Через два или три месяца они становились смиренными, послушными, нормальными людьми.

Верить этому или не верить? У Аккербез от этого голова шла кругом. А на самом деле, отчего болеть ее голове? Жизнь катится по заведенной колее, окрепшие дети в школе, все отличники. У Кобейсина на работе все нормально. Конечно, ему трудно, однако кто в этих краях найдет тебе легкую работу? Торетамовцы, кстати, считают, что раз живешь рядом с мавзолеем Коркут-ата, то благодари бога и, не роптая, трудись себе и копошись. А чем еще заниматься, как не копошиться? Не улетит же на небо. Конечно, правильно, когда перед тем, как пойти к мавзолею Коркута, очищаешь мысли и сердце. Всякие мелочные мысли не нравятся и Кобейсину тоже. Раз считают, что учился в Москве, то веди себя подобающе. Кто знает, согревают ли его биотоки, выходящие из мавзолея Коркут-ата, или не согревают, об этом она Кобейсина не спрашивала. Если бы и спросила, разве он ответил бы? К тому же неловко приставать с такими вопросами к усталому человеку, пришедшему с работы. Если на то пошло, Кобейсин не такой легковверный, не примет сразу заявления о чудесах мавзолея, однако будучи себе на уме, он не станет и отвергать возможность такого. Кобейсин, часто бывающий на стартовой площадке космодрома, конечно, и видел всякое и ощущал всякое. Однако он не был расположен рассказывать каждому встречному истории космодрома. К тому же он не из тех, кто просто часто посещает космодром. Как начальнику депо ему столько раз приходилось участвовать в заседаниях при закрытых дверях. И если бы он, как простофиля, рассказывал обо всем в кухне за чаем... Поэтому он неразговорчивый. Иначе вполне возможно, что кое-какие секреты космодрома срывались бы с его языка. Когда приходило время, он и сам считал ненужным скрывать то, о чем можно было сказать. Недавно как-то он намекнул про неожиданную новость. К тому же Аккербез не расспрашивала его, сам сообщил. Сообщил, и словно получил от этого удовольствие, какое-то время пребывал в хорошем настроении. В тот день пораньше вернулся из депо. Расспросил детей об успехах в учебе. Кто знает, было здесь влияние биотоков мавзолея Коркута или нет. Кобейсин же, известное дело, не скажет ни да, ни нет. Посмотрит с усмешкой тебе в лицо и скажет: «Ты тоже специалист, закончивший институт. Дальше сама знаешь, решай сама!» И затем молчит. А это разве такое легкое дело, чтобы самой все обдумать и решить. А в тот раз депо было встревожено небывалым шумом.

Дело в том, что сейчас каждый, у кого мощна толста, в качестве туриста может побывать на орбите. Главное, чтобы были деньги. И опять все, как прежде, было связано со сдвоенным тепловозом. Руководители космодрома странные тоже, словно впервые имели дело с Кобейсином, напустились на него, выходя из себя. На этот раз то ли турист был из особого теста, или вопрос о его безопасности был поручен всему космодрому Байконур, пока ракета не поднялась на орбиту.

Кобейсину не было никакого покоя. В конце концов турист вполне благополучно достиг орбиты. Надо полагать, звуки кобыза Коркута, легко проникнув через атмосферные завихрения, безошибочно достигли ушей космонавта. Разве Кобейсин расскажет каждому встречному дальнейшее, связанное с этим?..

Нет, неспроста это, все-таки что-то такое есть. Сейчас она уже забыла про греховные делишки Кобейсина в Москве. И в голову не берет. Ведет себя как ни в чем ни бывало. А что заставило ее забыть про это, как не чудесная сила мавзолея Коркут-ата? И она едва не провинилась перед богом, ропща в мыслях, что сколько бы ни посещала мавзолей Коркута, ничего не ощущает. И каждый раз, бывая в мавзолее, она молитвенно вопрошала, дескать, до каких пор возиться в дегте Кобейсину, закончившему учебу в Москве? И вот наконец!..

Сделает ли что-нибудь большее для них Коркут-ата? В душе смиряясь с высшей волей, повторяя слова молитвы, Аккербез постепенно затихла.

9

Обижайся, не обижайся, но, ссорясь с Кобейсином, добьешься ли ты чего-то хорошего? Подчинится ли твоей прихоти заместитель мэра закрытого города? Ты не смогла приучить его и тогда, когда он был начальником депо Торетама. Теперь же уже поздно, теперь все твои усилия – напрасный пот, унесенный ветром. Эй, по воле бога в твои руки упал такой плод, как заместитель акима города, значит, тебе следует вести подобающий образ жизни. Сколько глаз с завистью следят за каждым твоим шагом. Не будет преувеличением, если будет сказано, что большинство из них не желают Кобейсину успеха в работе, роста и процветания. Каждая вторая пара глаз – вражеская. Где тот прежний Кобейсин, который, получив среди ночи срочное распоряжение с космодрома, впопыхах одевался, застегивал пуговицы на ширинке уже на бегу и, позабыв обо всем, не чуя под собой ног, неся по шпалам к депо, и где нынешний Кобейсин? Расстояние между ними как между небом и землей. Если раньше, как только он ступал во двор депо, навстречу ему выбегали десять или около того железнодорожников, то здесь, перед зданием мэрии, встречающих просто толпы. Было бы хорошо, если бы ждали его с холодным спокойствием. Эти бедняги, пока их дела не выправятся, как надо, желают Кобейсину хорошего самочувствия, здоровья и мира его семье. Желают детям силы и сноровки, Аккербез – безоблачного настроения.

Ладно, оставим их в покое, но кто считал, сколько гостей со всех концов света толпами приезжают в гости в закрытый город? Было бы очень хорошо, если бы капризные эти гости, чтобы пусто им было, выражая искреннюю благодарность байконурцам за их хлебосольность, а также с искренними пожеланиями, чтобы космонавты-туристы благополучно взлетали на орбиту, ходили бы себе спокойно. Кто знает, не потому ли, что в душе считали космодромовцев своими должниками за щедрые инвестиции, они не давали им покоя, приставая с расспросами, вплоть до состава семьи. Эти иностранные гости никак не походили на родичей Кобейсина, проживающих в аулах вокруг Торетама. С теми-то намного легче, выслушаешь их, похлопаешь по плечу, дескать, приходи завтра или послезавтра, проводишь их из кабинета – они послушно промолчат. А эти вечно чем-то недовольны, ведут себя, как паны, от их шагов земля трясется. Каждое их движение, помысел связан с расчетом времени. Если в условленное время ты не будешь находиться на месте, скажем, перед музеем космонавтов или пусковой площадкой №1, они начинают выходить из себя, словно в них молния попала. Конечно, для Кобейсина, прошедшего огонь и воду, привыкшего в депо решать вопросы где-то криком, где-то матом, где-то злясь, потом идя на мировую с рабочими, такая работа в мэрии да-

валась нелегко. Поэтому, по правде говоря, он скучал по прежним дням, ему даже снилось, как он в заботах и хлопотах летит по шпалам. Однако куда убежишь от своей судьбы? Если твое назначение согласовано с Москвой, с остальными республиканскими руководителями, принят на работу в соответствии с условиями конкурса, ты поневоле смиряешься со всем, и тебя смиряют тоже. Невозможно не подчиниться. От этой игры по правилам не уклониться. Этот город разве город, ты поневоле оказываешься в считанных рядах людей, посвященных в разные тайны. С каких-то пор каждый шаг Кобейсина под строгим наблюдением. Пока они, как бы выжидая, проявляют доверие к тебе. Если ты безупречно выполняешь свои обязанности в соответствии с законами военного космодрома, как говорится, и сват сыт, и сватья довольна.

Они переехали в новую, сверкающую квартиру. Мебель, убранство – все от государства. Работники мэрии закрытого города приписаны к специальной поликлинике. Продукты получаешь в специальном магазине. Если не берешь, кто-то приносит тебе домой. Если ты хочешь сделать что-то от себя, нужно получить от кого-то разрешение. Продукты, которыми питается твоя семья, проверяются специальной лабораторией. Если пожелаешь отдохнуть с семьей или отдельно, в любое время готова путевка в санаторий. Аккербез поначалу переживала, вся в сомнениях, мол: «ко всему можно привыкнуть, со всем можно смириться, однако самое трудное – необходимость просить разрешения, чтобы переговорить с кем-нибудь».

Двухэтажные комфортабельные коттеджи, построенные для работников мэрии на краю города, окружены железной изгородью. И мышшь не проберется. Как будто этого было мало, на каждом углу выставлена охрана. Если у кого-то есть к тебе мало-мальское дело, он не сможет просто так пройти к тебе через ворота ограждения в коттеджный городок. Сначала тщательно проверяется, есть ли у него справка о родстве с тобой, о месте проживания, о состоянии здоровья. Они выясняют поначалу, настроены вы принимать или не настроены. Что, о чем это вы, чтоб вам пусто было! «Настроены вы принимать или нет?» Как у вас язык поворачивается говорить такое? Это означает потерять природные качества казаха! Или вы хотите превратить жителей закрытого города в диких людей? Что это за позор, пусть пропадет пропадом такой закрытый город!

И хотя в ее душе бушевали самые разные чувства, Аккербез поддерживала теплые отношения с соседями в старом ауле, мирно общаясь с ними. Порой, когда муж был на работе, она собирала у себя соседок и устраивала вечеринку. Бог свидетель, никогда не позволяла задирать нос, мол: «Я жена начальника, вы знаете об этом?» Насколько возможно, старалась быть скромной и учливой. Что скрывать, известно ведь, какая зарплата у железнодорожников, обычно не хватает до конца месяца. Однако по виду женщин, державшихся молодцом, об этом не догадаться, они умело латали дыры в семейном бюджете, одно покрывая другим. Жизнь же... К тому же станция Торетам на обочине большой дороги. Не сосчитать, сколько поездов здесь проходит за день. Перроны кишмя кишат пассажирами, одни садятся в поезд, другие сходят. Разве здешние убавят отношения, ссылаясь на то, что родственники Аккербез живут далеко в Талдыкургане? Не успеешь так подумать, как уже нагрянули к кому-нибудь неожиданные гости. Железнодорожники издавна привыкли полагаться на своих женщин. У них голова не болела заботами о домашних делах. Все это было на шее бедняжек женщин, их хлопотами доставалось. И откуда взяться в Торетаме магазину, где можно было бы записаться в журнале и взять продукты в долг до следующего месяца? Здесь одни только лавки и лотки. В них продавали конфеты, разную мелочь, на худой конец – мороженое.

вино и водку. Если что-то нужно поставить на дастархан перед гостями, покупали обычно в вагонах-ресторанах поездов. К тому же за дорогую цену. А если у тебя нет наличных, они тебя и близко не подпустят.

Известно ведь, у кого есть деньги. Чуть что – бегут к Аккербез. Если дома есть деньги, не прятать же их, поэтому Аккербез обычно не отказывает. Дает соседкам то, что они просят. Те, словно взяли вдармовую, рассыпаются в благодарностях, чуть не кланяются. Нельзя же брать грех на душу, они, как правило, возвращают долг вовремя, чтобы в следующий раз не ударить лицом в грязь. К тому же их дети росли вместе, вместе играли в одних дворах. Если проголодались, они обычно кушали в любом доме, где была готова еда. И вот теперь как общаться по беспроводному телефону с богом данными соседями, с которыми жили душа в душу? Что вы говорите, о чем это вы, это же люди не с края света, а стародавние жители Торетама! Вон из тех мазанок железнодорожников, что у нас под носом, чьи окна наполовину ушли в песок. От силы отсюда два или три километра. Аккербез сказала бы от души: «Мы не уехали на край света, приходите, берите, как и раньше, то, что вам нужно, мы несколько не изменились, мы такие же, как и прежде». Как-то однажды женщина в военной форме из отдела охраны, взвешивая каждое слово, сделала ей замечание: «Вы слишком часто общаетесь с посторонними людьми!» «Сестренка, какие это посторонние люди?! Или жители станции Торетам для вас посторонние люди? Если они чужие...» И, не дожидаясь ответа, женщина резко повернулась и ушла.

Пусть идет себе. Все же потом задумалась. Должна же она, наконец, знать, чья она жена, куда приехала, с кем теперь живет, и дать знать об этом другим. Это не город железнодорожников, чьи дома наполовину ушли в песок. Здесь военная дисциплина. А что хорошего, если кто-то начнет выговаривать заместителю мэра закрытого города, Кобейсину: «Имейте в виду, что ваша жена поддерживает отношения с всякими людьми». Ладно, все же дела Аккербез – это всякая бытовая мелочь и шелуха старого аула, но что скажешь о поступках Кобейсина, заместителя мэра закрытого города, выступающего на выездных международных симпозиумах с докладами о социально-экономическом положении местных жителей, отношениях казахов с руководителями космодрома, о родственных понятиях с обеих сторон и о других серьезных вопросах, связанных с ними. Только вчера, например... О ужас, как отрежешь и выкинешь собственную руку? Все в ее душе пылало и горело, но она ничем не выдала себя. Гремела и шумела на кухне посудой. Кто знает, почувствовал это Кобейсин или нет. Или показывал характер Аккербез?

Два джигита в военной форме, в обязанности которых входило доставлять продукты им из специального магазина, заполнив холодильник, направились к двери. Из боковой комнаты сначала высунулся, а потом и вышел Кобейсин. Назревало что-то интересное.

– Вы что, куда-то спешите? – спросил он.

Удивленные ребята замерли на месте. Они растерянно переглядывались, дескать, где, в каком месте мы совершили ошибку. Они были сильно напуганы. Стоит только большому человеку позвонить командиру взвода, как их дела сразу окажутся в тупике.

– Вы, похоже, не мусульмане! – спросил Кобейсин, сделав шаг вперед. – А если мусульмане, то что вы делаете? Разве это относится к истинному исламу?

– Мусульмане. Даже бываем в мавзолее Коркут-ата, – ответили они в один голос.

– Непохоже, иначе почему стоите столбом?

– А что мы должны делать?

– Как что делать? Снять обувь, пройти в комнату и отведать угощение в доме старшего брата.

– Ух! – они, как-то разом встрепенувшись, облегченно вздохнули. В их глазах заискрилась улыбка: – Мы на военной службе. Поручение выполнено, наша задача на этом завершена.

– Да ладно, к чему такое притворство?! – Кобейсин всем своим видом показывал, что без угощения не выпустит их из дома. И подал голос Аккербез, находившейся в зале: – Байбище, дастархан готов?

– Нам, что ли? Нам...

– Да, вам, вам... готовит дастархан женгей.

Солдаты вынуждены были подчиниться. Они сняли обувь. Не зная, куда девать себя, они сунулись было в кухню. Но Кобейсин широким жестом пригласил их в зал:

– Направо, в зал. В этом доме уже вечность как не бывали гости.

Аккербез слегка насупила брови, дескать, уж не хочешь ли ты сказать, что твоих гостей отваживаю я? Чай она наливала с несколько холодным видом. Однако старалась не подавать виду, что недовольна словами мужа. Да, им с Кобейсином еще о многом надо поговорить. Говори, не говори, а попробуй понять простофильство Кобейсина, большого начальника, заместителя мэра закрытого города. Хорошо, если бы у него здесь были родственники, друзья, знакомые. Если бы хотел нажать на нее по праву старшего, дескать, вот перед тобой свои ребята – черноглазые казахи, разве Аккербез не приготовила бы им чай на кухне. Нет же, затащил их в зал, как уважаемых сватов. И нашел-то, о чем говорить, лучше бы постыдился.

– Родители есть?

– Конечно.

– Жениться хочется?

– Да, но в ауле.

– Аул, аул, но что там есть, в ауле разве работа найдется?

– Посмотрим, главное отслужить свой срок.

– Отслужите. Никто не станет удерживать вас за шиворот, мол, не пушу...

– Все-таки...

– Что все-таки? Не хотите остаться в Торетаме?

– ?

– Одно время я был начальником депо в Торетаме. И сейчас могу тамошних заставить выполнить свою просьбу. Могу обоих вас устроить на работу железнодорожниками по второму разряду. А дальнейшее зависит от вас самих. Если захотите учиться, повышать квалификацию, могу помочь.

Они переглянулись. Кто думал, что на них свалится такой куш? Они с трудом глотали свой чай. В замешательстве и смущении, тем не менее, они были озадачены тем, что не в силах понять, отчего стали объектом отеческого внимания заместителя мэра. С чего это он решил облагодетельствовать невесть кого, кто ни сбоку ни с припеку. Или он расспрашивает нарочно, для своей забавы? Ребята украдкой заинтересованно поглядывали на Кобейсина. Однако большой человек, похоже, не шутил. Таким людям, видать, тоже становится в тяготию от ежедневных служебных строгостей, и тогда они, небось, начинают искать себе собеседника, которому можно открыть душу. Эх, и подвернулись же ему такие! И Аккербез, похоже, намерена хранить молчание: «Бог послал ему гостей, чего скупиться? Предложи этим недоросткам по сто или двести граммов. И тогда ваша беседа разгорится сама собой. Узнаешь, из какого они рода, углубись дальше, возможно, окажетесь родственниками. Что же ты хотел выведать, а мне дыхание сперло от

зловония их ног. Зажала себе ноздри и еле сижу. Вижу, ты ищешь подходящий предлог, чтобы придрататься ко мне. “В этом доме уже век как не бывали гости!” Вай-вай! Осталось, оказывается, выяснить, что ты приглашаешь гостей, а я не могу принять их. Не буди спящего джинна, Кобейсин, знаю, еще как знаю, что у тебя почти не осталось родственников, способных растрогать тебя. Вы росли сиротами. Твой старший брат Ебейсин сейчас живет в Астане. Государственный работник, депутат. Вы редко видите. И многие люди даже не знают про твоего старшего брата Ебейсина. Ты сам холоден к нему. Ладно, не будем говорить о начальнике депо, бог дал тебе, и сегодня ты занимаешь большую должность. Быть может, тебя уже поздравили, но старший брат и женгей ни слова не вымолвили мне. Как хорошо было бы, если бы семья Ебейсин-ага приехала в гости к нам, а твои дети побывали бы у них в Астане.

Кстати, едва не запамятовала, мой родной брат – твой шурин Сагыныш учился на одном курсе с твоим братом Ебейсином. К тому же они друзья – не разлей вода. Видать, и на меня нет прорухи. До сих пор не задумывалась о том, что надо оглянуться по сторонам, поискать родственников, у кого-то искать покровительства, кого-то самой опекать. До последних дней думала только о тебе, лишь бы у Кобейсина не болела голова, лишь бы ему было покойно. И вот к чему пришла – за столько лет, пока Кобейсин был на крутой работе, начальником депо Торетама, палец о палец не ударила, чтобы попросить помочь кому-нибудь из своих родственников. А если самой не поддерживать земляка, откуда он возьмется рядом с тобой? Хотела с твоего согласия пригласить домой Сагыныш-ага с семьей. Однако, поскольку работали на железной дороге, стеснялись пригласить их, считая, что наш дом не так хорош для принятия гостей. Ну а теперь этот огромный коттедж может вместить не одну семью, а целых десять. К тому же у тебя появились новые возможности. Теперь ты можешь свободно посещать космодром, если надо, развлечь гостей прогулкой. И вполне тебе по силам организовать прогулку по Сырдарье на военном катере.

– Приглашай! – сказал ты решительно.

Мне это понравилось. Хотя потом я стала понимать, что ты неспроста дал согласие, задумав что-то хитрое. Ты, наверное, знал, что Сагыныш-ага без Ебейсина и ногой не ступит в этот дом. Ты выполнил свой долг, теперь ты безгрешный, безупречный человек. Ты оказался честен и передо мной, и перед моими родственниками. Я пригласила их. Все получилось так, как ты и предполагал. Сагыныш-ага ответил: “Желаем вам только хорошего. Однако порог вашего дома первым должен переступить Ебейсин. А мы после него. Что за проблемы? Вы же не скорые поезда, идущие только по графику. К тому же мы приглашаем вас не по отдельности, а вместе. Приезжайте, а Ебейсин-ага мы готовы принять в любое время”, – настаивала я. А теперь ты, как ни в чем не бывало, заявляешь: “В этом доме уже вечность как не бывали гости”. Вот так ты ухитряешься задеть человека за больное место. Получается, я виновата во всем. Ладно, наверное, ты почувствовал себя победителем. Принял гостей, посланных богом...»

Аккербез сидела с безучастным видом. Чай наливала без особого желания, только ради приличия. Она была зла на Кобейсина. Если Кобейсин с самого начала будет так расточаться на случайных людей... Поступая таким образом, как заработает авторитет заместитель мэра закрытого города? Что это за человек, не считающийся с требованиями служебной этики? Не говоря уже о заместителе мэра, даже простые работники администрации знают себе цену. Они соблюдают правила.

И в прошлый раз она была сильно разозлена на Кобейсина. К тому же сказала об этом ему прямо в лицо. Понравилось ему или нет, пусть держит в это себе. Это было торжественное собрание по случаю проводов директора смешанной средней

школы города на заслуженный отдых. Была приглашена и Аккербез. Кобейсин сказал: «Сходишь, развеешься, отдохнешь». Она пошла, кое-что увидела. Отовсюду, со всех сторон понаехали ученики престарелого учителя. Были произнесены пламенные речи. Первым приветственное слово было дано заместителю мэру города Кобейсину. И он лицом в грязь не ударил, выступил, как оратор. Народ рукоплескал дружно, от всей души. Аккербез чувствовала себя на седьмом небе. Все шло как по нотам. Неожиданно на нее словно вылили ушат ледяной воды. Она не знала куда девать себя. Лицо пылало, будто опаленное огнем. Ей хотелось покинуть переполненный зал, но не знала, как это сделать. По спине бежали струйки пота, перед глазами стоял туман. С трудом отвлекла себя какой-то посторонней мыслью. А все дело было в том, что когда дали слово очередному выступающему, микрофон отключился. Зал разволновался. Эй, где ходят люди, отвечающие за организацию собрания? Что на это скажешь? Кобейсин вскочил с места и побежал в зал. Птицей полетел. Только и развевались полы пиджака. Ну, а теперь сами подумайте, к лицу ли такое поведение заместителю мэра закрытого города? Считать ли виной то, что сказала об этом прямо в лицо? У Кобейсина был немного обиженный вид. Ну и что.

10

Когда машина выехала на автомагистраль, идущую вдоль Сырдарьи, он сказал водителю: «Парень, понимаешь, хорошо было бы нам сегодня добраться до дома. Видишь вон те чернеющие тучи? Поэтому не сбавляй скорость». – «Хорошо!» – «Было бы неплохо, если бы природа приняла к сведению твое согласие». На душе все же было смутно. Маленький аул из десяти или пятнадцати домов, находившийся на другом берегу Сырдарьи, раньше не входил в их территорию.

Неизвестно, кто взбудоражил простых аульчан, живших так себе, как бог положит на душу, или кто-то внушил им, дескать: «Если войдете в территорию Байконура, по крайней мере, хуже вам не станет. На худой конец, пусть и не перепадет вам кусок от жирного пирога коммерческих запусков, что с вас станется, если будут давать вам каждый год хотя бы по три или четыре тонны угля бесплатно? Пишите заявления, в том числе в органы ООН. Таким образом защитите свои права, зацепившись за закрытый город как его край. Пора проснуться, хватить клевать носом!» Видимо, так и случилось, в конце концов несколько аулов в последние годы были включены в номинальные списки Торетам. Прежде Кобейсин нисколько не интересовался положением аулов, расположенных поодаль от железной дороги. Лишь время от времени, когда приходилось встречаться с друзьями и знакомыми из этих аулов, он отделялся сочувственными восклицаниями: «Ойпырмай, ну и двухжильные же вы, как вы до сих пор живы?» А потом и вовсе забывал то, о чем хотел у них спросить, в конечном счете искусно переводя все в шутку. Обычно этот знакомый сверлил его недоумевающим взглядом и, полагая, видимо, что Кобейсин затеял какую-то игру, даже позволял себе обидеться, спешил сильным голосом невесть что сразу выведать. Кобейсин терпеливо слушал его, понимая скрытые чувства собеседника. А про себя думал: «Прости, если перегнул палку». Так он инстинктивно защищал себя. «К чему наступать на хвост спящей змеи?»

«Даже если дашь мне кусок золота, перееду ли я в этот Торетам. Когда жил здесь, нанюхался до одури, до полусмерти запаха дегтя, до сих пор в горле першит. К этому добавьте ядовитую пыль после запусков с космодрома. И у меня душа горит от жалости к вам, – как вы терпите такой ад? Мы приезжаем сюда только тогда, когда вынуждают обстоятельства. Нет ли у тебя такой возможности, чтобы перенести

станцию Торетам на другой берег реки? Вы же задохнетесь, если будете продолжать жить здесь», – продолжал он с нарастающим жаром свою путаную речь.

Кобейсин осторожничает, выжидает, раздумывая, что противопоставить этим словам. Выжидать, сдерживать себя нетрудно, но мучает то, что в этом нет смысла. Только что вроде бы собрался с мыслями, а они вдруг разлетелись, ввергая в досаду. То ли потому, что потерял нить мыслей, или не хотел ввергать в заботы ни его, ни себя, он решил, что удобней – молча слушать. Ведь своими словами: «До чего же вы терпеливый народ» он хотел сказать только об их строптивом характере, о том, что в течение шести летних месяцев они не выходят из пределов своего крохотного аула, не ходят в кинотеатр, чтобы немного развлечься, живя рядом с космодромом, не интересуются новостями, происходящими в мире, и не только не интересуются, но и намеренно чуждаются их, а когда им говорят про спутниковые антенны, то делают испуганные лица и заявляют: «Дети видят по телевизору неподобающие вещи и портятся от этого». Эй, что это за темное невежество! Аул и Торетам разделяет только река. Стоит только ступить на понтонный мост, как в обед вы уже на станции. Не говоря о другом, ведь можно же женщину с родовыми схватками привезти в роддом, чтобы родила она там. «Как вы этого не понимаете, уж не одичали ли ненароком, живя рядом с космодромом», – хотел сказать он им на правах начальника депо Торетама, и, с одной стороны, как человек, выражающий им свое искреннее сочувствие.

Но собеседник не слушает, увлечен своим. Словно кто-то спорит с ним, яро защищает свой крохотный аул, едва ли не сравнивая его с раем: «Что это за несусветный бесконечный шум и грохот, поезда, мчащиеся то туда, то сюда?! От воя тепловозов едва не разрываются сердца детишек. Как вы не глохнете от всего этого, как терпите, не сходя с ума?! Уже сто лет как вы не слышали птичьих трелей, звона кузнечиков, квакания лягушек. Сохранили ли вы способность восхищаться красотой природы? Осталось ли такое чувство в глубине вашего сердца?»

Кобейсин, которому не хотелось затягивать спор, обычно прощался, усмехаясь: «Верно, верно, ты победил, нашел наше слабое место». Однако он не переживал по поводу того, что зря потратил время на такой пустой разговор. А затем, в минуты усталости, порой растроганно вспоминал этот треп пустомели. «Запустил же когти в слабое место!» Как бы ни увертывался Кобейсин, в душе не мог не признать правоту спорщика. Ведь точно определил проблему. Наверное, прошла уйма времени с тех пор, как он променял трели птиц и звон кузнечиков на вой и гул тепловоза. Эх, город! В своей речи тот упорно подчеркивал «пыль и копоть космодрома».

И вот донельзя измочаленный Кобейсин возвращается из этого аула. На степном ответвлении дороги машина тащилась кое-как, в сравнении с этим теперешняя скорость вполне сносна. Плохо то, что стоит только машине немного сбавить скорость на пухлостях грунта, как пыль, обволакивая, проникает во все щели, оказываясь под мышками, во всех складках одежды. Брови и ресницы становятся белыми, будто припудренными. Он попробовал было чуток откинуть спинку мягкого сидения, чтобы немного подремать, однако непонятно, куда девалась сонливость, обычно не к месту надоедливо расслабляющая человека. Прищулив глаза, он поглядывал на спутанные волокна темных облаков за стеклом окна. О, бедняги, и вы тоже, не желая отставать ни на пядь, летите за машиной. Эх, хорошо было бы еще до дождя добраться до асфальта. И тогда он забыл бы про усталость, стряхнул бы с себя пыль, пару раз глотнул бы воды из бутылки и стал бы ждать притока сил. Черт побери, было бы здорово, если бы мечты заместителя мэра закрытого города ограничились этим. Ведь бывают и такие людишки, чье настроение портится ни с того ни с сего, и они из-за какой-то несусветной мелочи поднимают черную бурю.

доводят до слез семью, ходят насупленные, раздраженные непонятно чем. Нет, он не принижает их, к тому же они не представляют большинство в этом мире. К тому же если бы их не было, с кем бы сравнивал себя Кобейсин? Он холодно усмехнулся. Водитель этого не заметил. А ему хотелось все держать в себе. Кому принесет пользу его самоедство? И чему он усмехается? Ведь один из таких людишек – он сам – сидящий здесь Кобейсин. Он только на людях делает вид, что гордится тем, что заместитель мэра закрытого города. Для отвода глаз, чтобы показать характер Аккербез... на худой конец.

Если он такой большой начальник, к чему было тащиться по пыли в никудышной машине в такую даль? Ведь для этого на космодроме есть один или два вертолета в их распоряжении? Почему бы не пользоваться ими? Да и не стоит обижаться на Аккербез, заявившей ему в лицо, что каждый должен знать свое место. Она сказала ему, жалея его, чтобы он прилюдно не ронял свою честь. Надо полагать, он сам виноват в своих недостатках. Поерзал, чтобы сидеть поудобней. Сжал кулаки, словно злясь на кого-то. И скрежетнул зубами. Эх, время, летит оно, словно скорый поезд, проносющийся мимо. Если на подходящей станции зацепился за вагон – хорошо, нет, – тебя ждет доля старой, никому не нужной облезлой суки, ищущей на перроне объедки еды, жалкого создания с поджатым от голода животом, торчащими ребрами, едва держащегося на ногах от порывов ветра. С чего это он так привязался к этой старой суке? Водится же такое за созданием божьим, – растрясенный бездорожьем, по старой привычке думает о чем придется. В конце концов он отступился от этой суки, не смог прогнать ее с железной дороги. Даже просил кого-то пристрелить ее. Не было другого пути избавиться от дряхлой бродячей собаки без хозяина. Вон тот Безумный, что подметает перрон, переспросив как-то у Кобейсина, дескать: «правду вы говорите или ложь, если правду – я сам отправлю ее в ад», выпучив глаза, нацелил древко метлы на псину и изобразил выстрел: «Бах! Бах!» В течение недели он то и дело повторял, что возьмет двустволку у родственника, что заказал два патрона, плотно набитые дробью, что скоро они избавятся от надоевшей старой суки. Или не решился застрелить ее?

Эй, кто может сказать, что видел Кобейсина без дела шатающимся около депо? Как бы то ни было, никогда у него не кончалась авральная работа. Как-то раз едва не сжег состав, груженный нефтью. К счастью, пожар успели потушить всем коллективом депо, сбежавшимся по тревоге. Он сделал строгий выговор двум или трем железнодорожникам, мол: «Непреложно соблюдайте правила пожарной безопасности!», на этом остановил дело. Если бы пожар все-таки произошел, то эти ошестившиеся антенны оповестили бы весь мир о чрезвычайном происшествии. Хорошо, если они ограничатся только вестью о пожаре на станции Торетам. Добивая твои нервы, они раздули бы дело на пустом месте, мол, огонь объял космодром Байконур! Достаточно найдется таких, кто следит за каждым шагом космодрома Байконур. Особенно с тех пор, как наладились коммерческие запуски. Кобейсин сказал людям, тушившим пожар: «Не толпитесь в одном месте!» – распустил их по домам, а сам остался на перроне. То ли хотел он немного передохнуть, то ли хорошенько обдумать причину пожара... Сейчас он не помнит, почему тогда остался один. Апырау, если скажешь кому-то, не поверит. Та самая старая сука, не только не приближающаяся к человеку, а, напротив, при первом же окрике или взмахе рукой, трусливо поджав хвост, уносящаяся кособоким скоком, в тот раз объявилась рядом с Кобейсином и уселась перед ним на задние лапы, вывалив язык. Ему захотелось крикнуть на нее, даже пнуть ее. Однако что-то удержало его от этого, и он отвел в сторону взгляд от ее слезящихся, жалостливых глаз. Ему почудился

тонкий, едва слышный скулеж старой суки. «Ты хочешь убить меня и засеять диким луком тропу мою? Кому и что я сделала плохого, много ли мне осталось, потерпи еще!» И глухой звон в ушах. Он сам не заметил, как присел, как его рука оказалась на тонком хребте старой суки. Какая-то непонятная сила завладела его сознанием. А когда погладил ее по голове... о боже, неисповедима сила твоя, — он увидел, как из глаз суки потекли прозрачные слезы. Он вскочил. И всю дорогу до самого дома почти бежал.

На следующий день вызвал Безумного.

— Ну как, патроны готовы?

— Готовы, — словно скользнули его слова.

— Если готовы, ими застрелишь кабана. А те свои слова беру обратно.

— Знаю...

— Откуда знаешь?

— Знал, что вы не решитесь на это.

— Какой знаток! Каким еще моим решением ты недоволен? Раз подвернулся случай, говори!

— Нет, какое дело мне до остального? Два патрона потрачу на кабанов в тугаях реки. Если смогу, продам их русским с космодрома.

— Смотри, не попадись. Найдутся и такие, кто запишут кабанов в Красную книгу.

— Это мы еще посмотрим, а вам спасибо!

— За что?

— Спрашиваете, а сами же знаете? — Безумный, ухмыляясь, вышел из кабинета.

Подумай, что еще ты забыл. Сейчас ты свободен. До асфальтовой дороги еще много времени. Чем сейчас Кобейсин отличается от обывателя, погруженного в несусветную болтовню? Обыватель. Но ведь и обыватели не умирают от голода, не отстают от большого каравана жизни. И что это он, обыватель, обыватель?

И опять холодно усмехнулся. Перевалился с правого бока на левый бок. Захотелось послушать радиоволну «Шалкара», покрутил ручку настройки транзистора, однако на волну не попал. А водителя беспокоить не стал. Если до дождя довезет до асфальта, можно сказать тогда, что этот батыр сгодился.

— Обыватели — маленькие люди, тоже такие же, как мы! — произнес он как-то безотчетно. Взял платок и вытер густой налет пыли с бровей и ресниц.

Нет, эта необязательная фраза не была связана с каким-то раздражением, она не была связана и с желанием облегчить душу.

Глаза водителя расширились. Хотя вот уже месяц возил он в городе Кобейсина, для него эта дальняя поездка с начальником была первой. В целом ему нравился спокойный характер босса. Хорошо знал он и повадки прежнего начальника. Конечно, нехорошо хулить отсутствующего человека, все же как-то чересчур беспокойным он был. Стоило только опоздать на десять минут, как он, словно от него зависело решение мировых проблем, начинал расхаживать перед крыльцом своего дома, заложив руки за спину, грозно хмуря брови. Усевшись в салон машины, он еще долго не разговаривал, храня насуспенный вид. Поэтому обычно было непонятно, ответил он на твой сале́м или нет. Город-то небольшой, по улицам можно проехать за пять минут, а вызывал машину на расстояние вытянутой руки. Сам обычно в кабинете, а машиной пользовались в основном жена и дети. Избалованные дочери начальника привели его к ранней седине. Им дай волю — с самого утра намерены развлекаться на берегу реки, хочется им пыль в глаза бросить, показать, что они — дочери начальника, что их машина с утра стоит перед крыльцом дома.

А твоя жизнь висит на волоске. Одна только мысль вертится в голове – когда до дома доберусь.

Этот босс слишком спокойный. Не считает он зазорным пешком добираться до работы. Машину попусту не использует, поэтому у тебя много времени, – это одно удовольствие. Как он осмелится сказать, что эта ваша фраза – просто бред? Поэтому молчит. Или он ждет от него ответа, мол, скажи что-нибудь, ты же тоже живая душа. А что он скажет? И у него хватает в голове своих тараканов. Надо же было как следует подготовиться к этой пыльной грунтовой дороге вдоль Сыр дарьи, все продумать. Надо было побольше взять воды и еды. В следующий раз, в следующий...

– Вы не похожи на маленького человека! – сказал он, пытаясь выразить пришедшую в голову мысль. – Дела, которые вы сегодня сделали...

– А что я сделал такого?

– А кто меня спрашивал об этом? Если бы спросили...

– Если бы спросили, что сказал бы?

– Я бы доказал, что вы не маленький человек.

– Да ладно...

Помолчав некоторое время, шофер буркнул:

– Прошу простить меня на этот раз за неопытность.

Ты всем телом повернулся к нему:

– Это что за неопытность?

– Я хотел сказать, что вы должны были полететь на вертолете.

– Вот, вот это верно. Надо было, конечно, полететь на вертолете. А ты говоришь, «вы не маленький человек». Если бы я не был маленький человек, то разве купались бы мы с тобой сейчас в такой пыли?

Он нарочно спросил про готовый вертолет, принадлежавший мэру города. Одно дело, если бы он не ведал про вертолет. Вертолет полностью находится в прерогативе мэра. Он хорошо знал, что Кобейсин отправляется в поездку по важному делу. Если бы он спросил: «Кобейсин Сарымсакович, возьмите вертолет», язык, наверное, не отпал бы у него. Или он специально сделал это? Все-таки таит в себе он некий, почти неощутимый холодок. Хотя на работе он неизменно корректен, тем не менее, как говорится, особой теплоты со стороны этого рыжего русского здоровяка он что-то не заметил. Давая какие-то поручения Кобейсину, он порой добавлял такие реплики, дескать, «пусть это выполнит он, выслушаем его мнение, это же человек, на которого опирается Торетам». Так что Кобейсин привык к таким эпитетам, как «опора Торетама», «аргамак Торетама» и т. д.

Но ведь и Кобейсин не лишен характера. Ходит себе, помалкивает, а потом вдруг вскипает, как ошпаренный. И в такие минуты лучше перед ним не стоять. Налетит, разматает все на своем пути и не останавливается, пока не ударится головой о стену. И нимало не считается с обстоятельствами, дескать, у мэра большие полномочия, что мне делать, если этот чертяга, пользуясь связями в Москве, исподтишка свалит меня в грязь. В начале прошлого месяца между ними случилась ссора. У мэра Байконура достаточно власти, чтобы повернуть жизнь города в то или иное русло. К тому же он собаку съел в деле управления народом. Жизнь казахов знал как пять своих пальцев. Понимал всё и в казахском юморе. И когда же этот мерзавец успел освоить искусство устрашения, – стоило ему грозно нахмурить брови, как казахи начинали бегать, юлить перед ним, выбиваясь из сил, трепеща, мол, провалиться нам сквозь землю, если пойдем наперекор вам, вертя при этом хвостами, пресмыкаясь, впадая в жалкое состояние. Мог он запросто обвести вас вокруг пальца, сносно владел и казахским языком.

Что делать, как быть, глядя на это, не покончишь же с собой? Как-то он заявил преспокойно: «Приглашу в Байконур специалистов из пограничных с Россией областей». А Кобейсин был раздосадован. «Эй, как воздух, нужны специалисты» – это же означает – позарез нужны люди для укладки асфальта, ремонта магистралей и коммуникаций, каменщики, водители для мусоровозов, ну а для этого разве здесь не полным-полно джигитов?! К тому же в свое время Кобейсин, и как заместитель мэра города, гражданин, у которого болит душа за будущее Байконура, и как простой человек, ничего не жалеющий ради родного края, докладывал об этом, доводил до сведения начальства. Как-то на одном заседании, пребывая в хорошем настроении, используя удобный случай, мэр сказал о том, что рассчитывает получить у Москвы средства, так как дома, построенные в свое время Королевым, стоят уже изношенные, нужна помощь для обновления города свежими строениями.

– Все верно, все верно, только одно место как-то выпячено, – сказал Кобейсин, ничего не уловив в выражении его бровей.

– Выпячено? Ничего не понимаю, – мэр вытащил большой платок, вытер вспотевший лоб и продолжил свою зауценную песенку. – Сегодня или завтра, все равно все мы уйдем с космодрома. Это хорошо знают местные казахи, да и вы тоже. Все мы гости на этой планете, пришли – ушли. В чем смысл этого? Достаточно, если мы возьмем в качестве примера Королева, родившегося русским и не уронившего дух русского человека. Конечно, мы не сможем стать великими конструкторами ракет. Однако и нам хочется, с учетом способностей и возможностей каждого, оставить свои следы в истории Байконура. Обдумав все тщательно, прикинув, мы должны начать это дело. Хотя мы хотим всё это сделать для местных жителей, для их пользы, кое-кто поднимает шум, делая из мухи слона. Правильно я выразил это по-русски?

Все молчали.

– Итак, Кобейсин Сарымсакович, покажите, что там у нас выпячено! – крепко восседая во вращающемся кресле, он исподлобья оглядел окружающих.

– Что там доказывать. Я изложил это вам в письменном виде как отдельную проблему. Такие дефицитные специалисты найдутся с избытком и у нас самих.

– Помню, – сказал мэр города, Евгений Ильич, с недовольным видом.

– Вы несколько не выиграете от этого, наоборот, вам будет стыдно.

– Как? Какой такой стыд?

– Это покажет время, только время – судья, и только оно вынесет справедливый приговор.

– Странно!

Сказав это, он замолчал. И все равно вызвал из Тюменской области целый вагон специалистов, «необходимых, как воздух». Не прошло и месяца, как многих из них не досчитались в городе. Было немало таких, которые не стали знакомиться с документами, а кинулись обратно к поездам. На сто процентов сбылось то, о чем говорил Кобейсин. «Чтобы выдержать огненное пекло Торетама, надо быть особенным человеком, с рождения привычным к местным условиям». Не знаю, отчего эти слова все время забывает этот рыжий русский здоровяк? «Жители Торетама – особенные люди!» Нельзя дать более точной справки о них. В Байконуре побывали всевозможные медики из разных стран планеты. Ясно, что они прибывали не для того, чтобы поставить правильный диагноз торетамовцам. Рядом с одним космическим туристом ошивается целая толпа помощников. Жара, пыль, нехватка воды, трудности жизни... ладно, ладно, такие доводы повторялись много раз. Одни пустые слова. Был даже сделан доклад в ВОЗ о терпеливости и выносливости торетамовцев как о «новых гранях человеческих способностей». Кобейсин уже устал доводить

это до сознания мэра города. Если бы из этого вагона людей остался хоть один человек, от которого был толк, он, нисколько не менжусь, приплюсовал бы это в пользу русского здоровяка. «Следы», – говорит он, вот вам и следы. К сожалению, его окружение помалкивает об этом.

Известное дело. Мэр города, привыкший к такой власти, разве скажет когда-нибудь Кобейсину: «Ты был прав, а я – дурак дураком!»? Никогда не скажет. Для этого надо иметь большую душу. Большое сердце. Среди множества бывает только один, кто имеет широкую грудь, вмещающую большое сердце.

Уже прошло немало времени с тех пор, как было получено заявление из небольшого аула, что на том берегу Сырдарьи. Шеф какое-то время раздумывал, кого бы послать на разбор этого дела. Дело это было не очень почетное, оно уже вызвало столько шума и крика. Это истинная казахская жизнь. Мэр очень хорошо понимал, что сам не сможет разобраться с этим делом. Большая трасса, прокладываемая с востока на запад, упиралась прямо в кладбище рядом с аулом. В этом ауле было немало образованных людей. Нет, Кобейсин не симпатизировал им, просто в некоторых казахских аулах вокруг Торетама были люди, чье гражданское сознание было высоким, развитым. Они были сведущи не только в мировой космонавтике, но и хорошо знали, что происходит в разных уголках планеты. Они не могли сидеть тихо, довольствуясь расхожей моралью, мол: «Какая мне польза от мировых новостей, гораздо лучше, если я накошу достаточно сена, чтобы мой скот вышел из зимы живым и здоровым». Они рассматривали Торетам как неотъемлемую часть всего мира. И это потому, что эффект мировых новостей во многом зависел от того, что происходило на космодроме Байконур. Хотя были дочерна прокалены солнцем, жилистые, даже тощие, наверное, под влиянием этого они особенно не поддавались всяким увлечениям. Знали себе цену. Их всегда можно было найти там, где идут полемики, дискуссии. Они полагали, что настоящая истина выявляется в спорах. А те люди, которые успели вкусить прелести и выгоды власти, не были способны, как жители маленьких аулов вокруг Торетама, показать широту и силу щедрой натуры. Кобейсин пока не мог сказать о себе, был он среди этих людей или нет. Он весь в противоречивых чувствах. Этот вопрос он оставляет на суд других. Пусть сами решают, Кобейсину недосуг заниматься этим.

Вопрос старого кладбища – проблема ли для строителей трассы, ведущих ее вперед? Они идут вместе с армадой грозной техники, напоминающей войско Чингизхана, им ничего не стоит все разравнять и положить асфальтовое полотно. Если сверху придет распоряжение, не только кладбище, целый аул растопчут и снесут. Кобейсин понимает, что позиция местных азаматов сильна: готовые души положить за свои идеи, лечь все до единого под бульдозеры, разве не поднимутся они разом, заявляя: «Что за самоуправство?!» «Осталось что – стереть с лица земли кладбище?! Где почитание к аруахам, или властям все равно? Выкладывай деньги и без колебаний через развалины двигайся вперед?» Вот тебе и на! И это то, о чем они мечтали, живя на этой Земле? Позволить бросить дух предков под гусеницы бульдозера?.. «Умрем, однако не позволим разрушить кладбище. Что с ними сделается, если обогнут аул на десять или пятнадцать километров?» Строители предъявляют документы, заключенные на межгосударственном уровне. «Ничего не изменится от того, что снесут тракторами тридцатилетние или сорокалетние кладбища, – твердят они свое, тыкая в документы. – Это же старые могилы, уже сравнившиеся с землей». Они даже пробовали уговорить, обещая заплатить компенсацию. Ну как не взбеситься пуще прежнего жителям аула от этого? Не торговаться же им в конце концов из-за духа предков. Вместе со своими семьями

выходят на дорогу, перегораживают ее, стоят уперно, не уступают. А для строителей без всякой причины потерять целую неделю – это потеря огромных денег. Даже не решаешься подсчитать потери. Вот так, перекрыв дорогу, устраивают бучу казахи. Эй, почему бы не договориться! К тому же, оказывается, этот аул входит в территорию Байконура. Ну а Байконур – это же мы сами. Вполне возможно, что уже переговорили лицом к лицу с мэром города. Мэр, наверное, станет юлить, на худой конец внезапно заболит. Конечно, главное – межгосударственное соглашение поэтому в первую очередь нужно опираться на него. Это превыше всего. От этих никудышных казахских аулов натерпелся он всякого. Строители тоже – странные, не мороча голову, за одну ночь прошли бы насквозь, а закончив свое дело, заявили бы, что не заметили в темноте. А потом днем с огнем ищи виноватого.

Мэра закрытого города приглашали на встречу в самом начале этого дела. А он, чтоб пусто ему было, где распри – туда ни ногой. Казахские проблемы должны решать казахи.

У Кобейсина было давно продуманное мнение об этом деле, свое ее решение. Он не стал вести длинные речи, а коротко рубанул.

– Кладбище сносить нельзя! – сказал он начальнику строителей. Эй, да он где-то уже видел этого узкоглазого китайца. Одно хорошо, что тот не узнал его. Кобейсин не стал юлить перед ним. Он холодно усмехался, холодно смотрел, холодно поздоровался. Кобейсин, как заместитель мэра закрытого города, выслушал их заявление очень спокойно. Не стал задавать и встречных вопросов. – Кладбище нельзя сносить, обходите стороной! – сказал он.

– Как так?

– Вот так.

– Ну, тогда мы поставим вопрос перед правительством.

– Ваша воля.

– Кто вы такой?

– Я, я! Еще раз повторяю. Если требования жителей аула не будут выполнены, ни одна капля нефти из Западного Казахстана не поступит в Китай. Не поставим. Весь состав не будет пропущен через станцию Торетам. А я был начальником депо станции Торетам. Я хорошо знаю дороги, относящиеся к нам, чтобы не пропустить состав по ним.

После чего Кобейсин, не медля, повернулся в сторону.

– Вы говорите, маленький человек... – задумавшийся о чем-то водитель обронил эту фразу. – Ваши слова, сказанные у кладбища... Непохоже, что их произнес маленький человек.

– Гляди на дорогу!

Машина, переезжая с одной колеи грязной дороги на другую, вильнула, не слушаясь руля, и замерла, накренившись на один бок.

– Вот и приехали!

Водитель безмолвствовал. Капли дождя начали постукивать чаще. Было совершенно ясно, что даже такой слабый дождь мог превратить дорогу в грязевую топь. Потемки начали заволакивать пеленой окрестности. Переключая скорости, водитель пытался вырвать машину из плена, однако задние колеса вращались впустую. Водитель в сердцах чертыхнулся. Что делать? В такие дождливые дни нормальный человек не выходит в дорогу, на такую легковую машину полагаться нельзя. Трактора, прокладывающие дорогу, остались далеко позади. Даже если бы были рядом, вряд ли стали помогать. Водитель, засучив рукава костюма, завернув низ брюк, вышел под дождь. Наломав ветки жынгыла, засунул их под колеса. Однако из этой попытки тоже ничего не вышло. Колеса только разбрызгивали жидкую

грязь. Дождь продолжал моросить, не переставая. Это же осенний слепой дождь, который может продолжаться всю ночь. «Может, выйти из кабины и попробовать толкнуть машину?» Кобейсину больше ничего в голову не приходило. Что толку, если он будет орать на водителя, ругать его? Без того ходит потерянный, готовый провалиться сквозь землю. Предупредив водителя, что попытается толкнуть машину, и чтобы был готов к этому, вышел наружу. Холодные капли, скатываясь по волосам, падали на шею. Вот налег, нажал со всей силы, однако колесо, глубоко ушедшее в грязь, не поддавалось. Раз, два, три... В конце концов, заглох мотор. Говорят, надежда умирает последней – ожила рация в машине. «Алло!» Было непонятно, водитель был испуган или обрадован, но глянул на Кобейсина вытаращенными глазами:

– Кобейсин-ага, вас, вас! Евгений Ильич сам!

– Да, – сказал Кобейсин, влезая в салон, не стяхнув грязь с обуви. – Слушаю вас.

– Где вы, Кобейсин Сарымсакович? – из-за волнения голос мэра города то обрывался, то взлетал на тон выше. – Ну и храбрец же вы! Строители связались со мной. Они приняли решение обогнуть кладбище. Ладно, черт с ним с этим кладбищем, я говорю о вашей смелости, об удачно найденных словах. Удивляюсь им! Как вы всё это придумали? Нет, на такую смелость не каждый решится. Например, я... Ну, где вы, где едете? К Торетаму подъехали? Да и дождь льет...

– Торетам, какой Торетам! Завязли мы в грязи.

– Что вы говорите? Кто у вас водитель?.. Немного потерпите. Да, понял, не трогайтесь с места. Отправляю вам отряд скорой помощи на МИ-18. Берегите себя, не выходите наружу, не простудитесь!..

«Проныра, – прошептал Кобейсин. – Проныра!» Водитель не слышал этого.

11

Что с ним случилось, пропади все пропадом! Горит у него на душе, саднит, так жалко зря потерянного времени, которое мог бы провести в забытьи сна. Хочет он поспать, хочет провалиться в забытьи. Хочется ему избавиться от беспокойных, совершенно ненужных мыслей о том, о сем, влезших в голову, забившихся в ее тайные уголки и не желающих покидать ее, мешающих погрузиться в блаженство отдыха. Хочет он, желает забвения, однако когда пытается войти, теряет контроль над собой. Тело само по себе, голова сама по себе и сердце тоже само по себе. И нет вины у этого бедняги – тощего, длинного тела. Дай ему волю, сейчас бы сомкнулись веки. Похоже, откуда-то изнутри идет этот неумолимый импульс, мол: «Нет, вам сейчас спать нельзя!»

Вчерашняя морока никогда не уйдет из памяти. Когда несся с бархана на бархан, открыв рот, ощущая легкие, полные воздуха, оказывается, в этом самозабвенном беге ничего не замечал. А теперь ягодички, словно кто-то со всей силы прикусил щипцами, ноют и ноют, так что от боли не рад самой жизни. И нет никакого желания двигаться. Результат беготни на своих двоих вот – налицо – толстые задники импортных туфель безжалостно натерли пятки. Скрывая от Аккербез, вроде бы намазал какое-то лекарство, поначалу как будто полегчало, но сейчас стоит только покрывалу коснуться воспаленной кожи, как простреливает болью, будто ужалила гадюка. Он ощущал себя так, будто перетаскал на собственной спине два вагона мешков цемента. Стараясь вернуться от лишних слов, опасных, совершенно не нужных расспросов, лишь прикоснулся губами к еде, приготовленной Аккербез, остудив, выпил пару кесешек чаю. За столом сидел с трудом, удерживаясь от желания упасть на бок. Погладил по головке младшего сына, не желающего спать, пока не вернется отец, обронил шутку, туркнул его в попку и ушел к себе в спальню.

Вынужденная целый день проводить дома, женщина была на грани взрыва. Чаще всего ее негодование вызывал Кобейсин, которого она не могла прибрать к рукам. Неимется ее сердцу, хочется знать о многом. Сегодня ей повезло, он вроде бы рядом. То ли увидел Кобейсин, какой у нее расстроенный вид, и раскаялся, он ступал по паркету тихо-тихо, без лишнего шума.

– Надо мне отдохнуть, – сказал Кобейсин, с трудом поднимаясь.

«Отдохни. Кто-то тебе мешает, что ли? Или расперли тебе спичками веки?» Нет, раньше он такое не чувствовал. Сердце колотится, лезет в горло. Роющиеся в воспаленном мозгу беспокойные мысли вдруг вскипают, сшибаются и, посылая болезненные импульсы в слабую точку сердца, начинают покалывать, покалывать. Нет покоя мозгу. Все та же песенка: «Как вы заснете, не обдумав вчерашний концерт?» Выйдя во двор, закурил. И к этому тоже еще не привык. Затянулся пару раз, а потом горький дым продрал горло, и он сипло закашлялся. Затем выпятил грудь и с выражением досады, дескать, пропади ты пропадом, щелчком пальца отбросил окурок в сторону. День был ветреный, прохладный. Оголенные ветки карагача перед крыльцом дрожали, словно от озноба. Издалека доносились протяжные завывания и лай собак. На станции Торетам с гулом и громоуханием начал трогаться состав. Посмотрел на часы. «37-й или 113-й товарный состав, наверное». Штора одного окна была отдернута, заглянул в комнату. Лунный свет косо лился в помещение. Аккербез на рассвете в объятиях такого крепкого сна, что выстрелили из ружья – не разбудишь.

И тут в памяти кое-что всплыло. Потер ладонями и затем потрогал шею. Рискнуть или нет, – промелькнула в голове мысль. В горле у него запершило. А если наполнить стакан до краев и опрокинуть в горло? «За то, что до сих пор живой и здоровый ходит по матушке-земле». Нет, нельзя. Покачал головой. Там, где в ход идет водка, никакого выигрыша нет. К тому же останется запах, будет напоминать весь день и завтра.

Совсем рядом с коттеджем, не сбавляя скорости, сверкая дисками колес, видимо, водителю и в голову не приходило, что работники мэрии отдыхают, что днем их ждет уйма дел, сотрясая стены, пулей вдруг пронеслась военная машина. Он успел только заметить красные огни габаритной подсветки. Огни словно в пучину канули. А затем опять воцарилась тишина. В воздухе остался только запах дыма. Приподнялся на носках и глянул по сторонам. Однако никаких признаков оживления не заметил.

Эта военная машина на гусеничном ходу как будто похожа на ту самую, на которой они вчера разъезжали весь день. Кобейсин впервые сел на такой вездеход. «Ужас, ужас!» – думал он. Кабина была тесной. А скорость – не уследить глазом. Ни во что не ставя песчаные дороги Бетпакдалы, она неслась напролом по зарослям жынгыла. «Глиссер, несущийся по суше!» Ему понравилось найденное сравнение. Глазом не успеешь моргнуть, как машина с одного увала перемахивает на другой. Гребнистые барханы текли мимо, будто бушующие волны. На склонах барханов отпечатались следы только таких железных трактов. Нет, эта изматывающая вчерашняя поездка по Бетпакдале не забудется. А эти почему вольно разгулялись темной ночью? Или носятся, не зная, где найти лабораторию, чтобы сохранить до отправки в Москву пять или шесть тушканчиков, пойманных вчера в Бетпакдале? Чему ты усмехаешься? Да, да, Кобейсин вчера ловил в Бетпакдале мышей. Мышей...

Он узнал о приезде специальной комиссии из Москвы за день до этого. Для закрытого города это привычное дело. Кто только не приезжает на космодром. Встретить гостей в аэропорту, устроить их в пятизвездочном отеле, на угощение обязательно предложить им вареную баранью голову, в соответствии с националь-

ными традициями приготовить для них достойный концерт... Все это входило в обязанности Кобейсина. Не успеешь проводить одного, как сваливается тебе на голову, как гора, другой, потом третий... Нет никакого покоя. С одной стороны, если посмотреть, вроде бы не тяжелая работа. Однако устаешь от суеты. Кто знает, как другие, но Кобейсину дается все тратой нервов. Он так и не смог привыкнуть к одному – с фальшивой улыбкой выходить навстречу гостям, притворно обниматься с ними, лицемерно дружески хлопать по спине. Лицедейство было мучительно для него. Вся его душа была против этого. Если приезжий был не по душе, не умел он скрывать это, неумогу было проявлять нужное терпение. Все, что происходило на душе, у него было написано на лице.

Мэр еще за день позвонил, сообщая, что на этот раз гости могут помочь в решении важных межгосударственных проблем. Он предупредил Кобейсина, мол, готовьтесь. Боже мой, да пожалуйста! Нарядив двух или трех девушек, что должны были поднести гостям казахский хлеб и соль, он привез их в аэропорт за два или три часа до прилета. Бедняжки, не выдержав промозглого осеннего холода, спрятались в кабине закрытой машины, можно сказать, чудом спаслись от простуды. Выйдя из пузатого лайнера, группа гостей сразу направилась в гостиницу. Церемония встречи не затянулась. Самолет на всякий случай (от ветра) был застрополен на стоянке. Кобейсин слышал, что как только срочное дело будет закончено, гости вечером должны вылететь обратно. Что это за спешка, и как можно так решать важную межгосударственную проблему? Как ни старался не выдать себя, Кобейсин по привычке ходил насупленный. Гости не задержались в гостинице. Приведя себя в порядок, умывшись, они сразу вышли на улицу. Хотя бы один из них произнес слово о мавзолее Коркута. Ну и бог с ними, пусть держатся подальше от святилища!

– Вы поедете с нами, – сказал Кобейсину мэр, вызвав его к себе. – Я буду с гостями, полетим на вертолете. Вы же доберетесь до точки Н. в Бетпакдале по степи.

– А дела здесь?

– Ими займутся другие люди.

Пока вертолет с гостями отрывался от земли, военная машина на гусеничном ходу летящей звездой уже мчалась по песчаным увалам за пределами космодрома Байконур, вздымая длинный хвост пыли. Кобейсин крепко держался за поручень над головой. Военные, сидевшие рядом с ним, безмолвствовали. Двое из них были знакомы ему, они не раз встречались, когда приезжали на космодром. Третий, невысокий, плотный, был, видимо, один из важных чинов, прилетевших из Москвы. Все они, прибывшие на Байконур, были представительные мужчины, не имевшие внешних изъянов. Большинство из них, зная себе цену, вели себя солидно. От невысокого веяло теплым, человеческим участием, в глазах светился живой интерес. С присущим ему природным любопытством он хотел спросить о чем-то, однако железный рев машины, изматывающий нервы, не дал возможности расслышать его. Один из офицеров космодрома приблизил рот к ушам Кобейсина, однако машина в это время подпрыгнула вверх и затем тяжело плюхнулась обратно. Поэтому попытки заговорить были прекращены. От железного сидения, получая постоянные удары, ныли ягодицы.

«Надо же, как улучил случай, чтобы поквитаться за обиду!» Злость Кобейсина на мэра неумолимо возрастала. Можно было и не тащить Кобейсина сегодня на точку Н. в Бетпакдале. Если бы было у него желание хоть с игольное ушко посмотреть на эту самую точку Н.! У мэра же другая цель. В тот раз Кобейсин вернулся с ощущением важной победы после поездки в маленький аул на другом берегу Сырдарьи. Он одним словом посадил в лужу множество врагов, окружавших его.

И они ничего не смогли сказать против. Решение Кобейсина было выполнено точно-точно безропотно. «Кто знал, что этот несчастный казах окажется таким хватким. Быть может, это следствие того, что долго работал на железной дороге, или это у него появилось благодаря жизненному опыту. Ничего не скажешь, большое дело сделал, большое!» – суетился мэр тогда, сам не заметив, как попал под влияние Кобейсина. Мало того, что рассыпался в благодарностях, скажу-ка о том, что среди ночи поднял отряд ЧС и отправил на вертолете выручать Кобейсина. И это было настоящее головоуятие. Да, да, голова не сработала как надо. Позор! Следовало ли рассыпаться мелким бисером перед заместителем. Позже он понял свою ошибку. Но как это исправишь? Держа ухо остро, пробовал выведать, что думают другие. Оказывается, авторитет Кобейсина значительно вырос. Если так пойдет дальше... Вот уже Кобейсин не ходит по струнке, как другие заместители. Не заискивает, не обхаживает, не шепчет на ухо о своих просьбах. Мнение свое высказывает веско, твердо, не оглядываясь по сторонам. «Как это пугало оказалось среди них? Ведь их божок недалеко отсюда, на расстоянии вытянутой руки. Если нужно, помолитесь своему предку, Коркуту, и прервет старт ракете, готовой взлететь. Ему все равно, наш там экипаж или международный. Не дай бог, как бы таким макарком своей невидимой магией не задурил голову самому мэру. Эти образованные казахи что-то чересчур самонадеянные. И все слишком проворные. В том числе, и этот железнодорожник, еще вчера черный из-за дегтя».

Он знал, что придет время предьявить счет. И вот он сдернул его за мослы с небес на землю. На этот раз он постарался показать себя выдержанным, уверенным. Счел излишеством даже теплый разговор с людьми. «Ну, Кобейсин, теперь смотри, как надо зарабатывать авторитет!» Разве поставишь рядом с этим делом затею в маленьком ауле на другом берегу Сырдарьи? Может, надо было заново проверить почву района, где когда-то пролился гептил, или госкомиссия должна была поставить подписи еще на один важный документ; как бы то ни было, пять или шесть человек неожиданно нагрянули в Байконур. Ну как не обрадоваться этому? Он то и дело расправлял плечи, в немного припухших глазах заиграл задиристый огонек. Походка его стала более спешной, голос зазвучал солиднее. Еще недавно у всех было ощущение, что проблема гептила получила окончательное решение. Российская сторона признала свою вину и обязалась выплатить компенсацию за все загрязненные земли. Часть средств поступила в прошлом году. Тем не менее, осталось пустяковое сомнение. Ладно, пусть столько лет он ел хлеб Байконура, все же что может сравниться с понятием чести великой Родины, ее великих целей? И он не может скрывать ни от человека, ни от бога, что в решительный момент его сердце склоняется на сторону Родины. И если бы неисповедимым образом сегодня руководство космодрома дало указание, он не задержался бы ни на один день, в тот же час убрался бы восвояси из этого Торетама. Это только для отвода глаз он говорит, что надо оставить след, ведь надо что-то сказать. И в самом деле, все обрыдло ему. Чем слоняться по этим горбатым барханам Бетпақдалы, в сто раз лучше было бы слоняться с протянутой рукой по московским улицам. Однако как скажешь о том, что затаено внутри? И на просторах Бетпақдалы такой героизм неуместен. Кто знает, какая шпионская аппаратура развешана на ветках жынғыла в этой пустыне.

В последние годы местные казахи сильно изменились. Они как на духу приняли степную демократию. Безоговорочно приняли и встали в ее ряды. Непонятно при этом, куда девались присущие им беспечность, бесхитрость. До такой степени обнаглели бедняги, что уже не считаются ни с каким величием космодрома. Скажешь им А, они отвечают тебе Б. Не хотят соглашаться, чуть что – митингуют.

Эти пустынные заросли жынгыла считают чуть ли не золотыми. А сколько таких точек, как Н., в этой Бетпакдале? Станешь считать – волос на голове не хватит. И эта пустыня смеется, как доллары, положенные казахами на депозит в банке. И шумят, шумят, мол, если хотим что-то оставить как залог будущего, то это должна быть степь. Закатывают истерику, будто кто-то хочет забрать у них эту степь. Кому нужны эти суровые серые пустыни Бетпакдалы? К тому же, словно мало им этого, вмешиваются в государственные дела. «Основу государства, соль ее земли представляем мы – казахи, поэтому мы не дадим спуску ни одному живому человеку, – щетинятся они. – Нашу долю Бог дал нам в виде этой степи. Поэтому нашу долю, данную в виде этой степи, пока живы, мы ни с кем делить не станем». Заявляя это, они пронзают тебя взглядами, и глядя на их заросшие щетиной лица, становится страшно.

И диву даешься, эти торетамовцы, словно установили в своих домах чувствительные приборы, сидят и щелкают на счетах, какая ракета была запущена вчера на космодроме, кто находился на борту, сколько заплатил каждый турист, и потом не дают тебе прохода, требуя заплатить им положенные деньги. И принуждают, а если не прислушаешься, выходят на митинг. И это не дикий митинг, а статусный, предусмотренный космическим альянсом. И не колеблются. Вцепятся и не отпускают тебя. Поражает такой национальный подъем всего за двадцать лет. И вот посмотрите на казахов, про которых думали, что будут сидеть и помалкивать среди своих песков. А кем станут их дети, сидящие сегодня за партами? К тому же у них есть духовный заступник, Коркут-ата. Скажи-ка как сильны они, а? Когда они пишут свои обращения в ООН, то оставляют позади всех профессоров.

И скорее всего, из-за вредоносного действия такого лукавого обращения в инстанции комиссия срочно выехала в Бетпакдалу. Руководитель комиссии ходит хмурый, не смеется и не светлеет лицом. Что и говорить, пытался он подойти к ним, как прежде, накинуть на их плечи нарядные чапаны, на голову надеть норковые шапки, однако не заметив со стороны гостей никакого расположения, замкнулся и отступил в сторону. А счет, предъявляемый к мэру закрытого города, особый. Невсведущий народ обычно считает, что специальную комиссию вызвал мэр закрытого города. Дескать, по этой причине он нынче ходит гоголем, чуть ли не выпрыгивая из штанов. Благодаря этому он хочет выправить кое-какие свои дела, улучшить свои шансы. «Во-первых, он сделает вид, что болеет душой за будущее Бетпакдалы, во-вторых, поднимет повыше знамя местных жителей, в-третьих, заявит, что он первый человек, который объявил, что не допустит экологической катастрофы». Эй, почему это вы все молчите? Почему не пишете во все инстанции, не заявляете в международные организации, не взмываете к небу, как клич, имя мэра закрытого города? Почему не выдвигаете его на награждение орденом? Сделайте так, не каждый может пригласить такую представительную комиссию.

Ух! Остановится ли где-нибудь эта шустрая машина на гусеничном ходу? Он уже полуживой, словно женщина на сносях, висит, держась за поручень. Поясница ноет, ноги налиты болью. И, словно ориентируясь на местности, дескать, где это мы едем, слабо вглядывается в пыльное оконце машины. Перед глазами Кобейсина колыхается сплошное серое пространство. Одни увалы, заросшие жынгылом. Не видно силуэтов ни скота, ни зверей. От громового шквала, устроенного между небом и землей вертолетом и военной машиной на гусеничном ходу, от их пыльно-вихревой гонки, попрятались не только звери, но и даже жуки и муравьи. Что теперь ищет Кобейсин? Будет ли возможность вырваться из тисков железного плена и вдохнуть воздух Бетпакдалы? И он мнет и разминает бедра, натертые железным сидением. «Чтоб тебе пропасть, я что, поймел твою дочку?!» – от души материт он своего

начальника. Герой же летит в вертолете, чувствует себя на седьмом небе. Наверное, уже тяпнули по сто граммов. Сейчас он чувствуют себя хозяевами Бетпақдаллы. «Эх, казахская степь!» – вздыхают, наверное, изображая сочувствие.

Наконец-то! Кобейсин, готовый выпрыгнуть из своей, словно ошпаренной кожи, был на грани срыва, вот-вот вырвется из него крик: «Собаки, вы что, хотите убить меня?» Машина на гусеничном ходу остановилась на белом ровном такыре. Вертолет, кажется, прилетел и сел чуть раньше на точку Н. Те, что с мэром похоже, пришли в себя, отдохнув, глотнув немного воды. Эх, черт, и зачем они в машине так спешили? Когда он спрыгнул с подножки кабины на землю, в поясице хрустнуло, а бедренные кости едва не выбились из суставов. Тем не менее, он был рад, что оказался на земле. Кособочась, сделал пару шагов вперед, потом еще, и, не показывая вида, что ему больно, зашагал нормальной походкой. Нет, глава комиссии уже не выглядел суровым, на лице играл румянец, он не забывал похлопать мэра по спине, обронить какую-то веселую шутку. Однако Кобейсин не мог разобрать, о чем он говорил.

Гости из Москвы, пять или шесть джигитов с космодрома разбрелись по сторонам, держа в руках пластмассовые контейнеры и бросая в них пригоршни грунта. По опытным данным они хотели выяснить, насколько впитался гептил в почву, какая территория оказалась непригодной к использованию. Кто-то рулеткой измерял размеры зараженной земли. Кобейсин был в растерянности, не зная, к какой группе ему присоединиться. Не выходило у него и подстроиться к кому-нибудь, льстиво поддерживая речь. Да и не было таких, кто интересовался бы у заместителя мэра будущим и прошлым Бетпақдалы. Мэр носился то туда, то сюда, всюду успевая сам. Кобейсин, находясь на своей земле, чувствовал себя чужим человеком. «Вы ни хрена не понимаете в этом деле», – хотелось ему обрушиться с руганью на них, однако, сцепив зубы, преодолел себя. Ему хотелось сказать, что земля, на которую попала хотя бы капля гептила, выходит из строя на 40–50 лет, что вред этот не оценить в рублях, хотел затронуть тему о опасных последствиях для организма человека, однако почему-то молчал. А молчал он потому, что чувствовал, что эта комиссия бессильна что-то решить, их полномочий хватит разве только на то, что будет состряпана рядовая бумажка о том, что побывали в Бетпақдале, посмотрели, проверили, а если он скажет им свое мнение, оно тут же улетит на ветер, и что его присутствие как свидетеля из местных уже предусмотрено ими. Так что придется ему помалкивать. «Всё зря!» – пробормотал он. Но до каких пор стоять ему как столб? Делая вид, что чем-то занят, поднялся на вершину одного холма, потом другого. Чтобы освежить дыхание, понюхал полынь. Вырвал пучок дикого лука, дотягивающегося до колена, очистил и прикусил зубами. Ему показалось, что он глотнул парного молока. Ему почудился медовый запах. Однако он не такой дурак, чтобы делиться этим с шепотными мужиками. Напротив, будет правильным, если он отделается от них молчанием. Ведь все заранее известно, их не удовлетворит решение, что «ничего не нашли, все хорошо». Вынюхивая, трогая и щупая, что-нибудь найдут. И даже если душа не лежит к этому, почувствуют себя искателями истины. Ничего плохого в этом нет, напротив, – урок на будущее. Похоже, они уже заняты поисками другого топлива для запускаемых на орбиту ракет. Досадуй – не досадуй, приехав в Бетпақдалу, не уйдешь себе восвояси, будешь ждать, пока они не соберутся в дорогу. Будешь терпеть. «Терпи, прояви выдержку, Кобейсин!»

Ушел час, самое большее полтора. Комиссия без сучка без задоринки выполнила свою задачу. Большинство людей в хорошем настроении. Те, кто управились первыми, успели накрыть и дастархан. Тоже верно, не голодать же. Где они найдут воздух чище, кроме как в Бетпақдале? Кто знает, появятся они здесь еще или нет.

Вопросов много. К тому же эта земля считается священной. Те, кто в космосе, возвращаются обратно на землю именно здесь. Куда им еще деваться. Не в лесу же, не в море, а именно здесь, в Бетпакдале. Почему бы тогда не развеяться, не отдохнуть? Ведь небо и земля нашли гармонию здесь. Какие слова, прямо просятся на язык. Божественное небо здесь не отстраняется гордо от человека. И земля не спешит проявить силу, мол, я верю в притяжение. Земля, невзирая на национальность, на родословную, на мировоззрение, не бросая пыль в его глаза, не вредя здоровью, простирая теплые руки, встречает каждого человека. Милосердие неба здесь обильно оседает на землю. Лучи солнца прямые и ясные. Ну как после этого здешнюю землю не назвать священной? Можно считать, что эти непутевые почему зря омылись лучами Бетпакдалы. Ветер почти неощутим. Тишина. Кто может похвастаться, что ему ничего не нужно? Но тогда почему, пребывая здесь, где небо и земля нашли гармонию, не пожелать друг другу чего-то доброго, хорошего?

Первое слово было дано главе комиссии.

– Думаю, что среди нас нет такого человека, который не понимал бы нас? – спросил он, озираясь.

– Нет таких людей, нет чужих! – дружно загалдели со всех сторон.

Показалось ли ему это, или заворожило нечто его взгляд, мэр крутил головой, ища Кобейсина, озабоченно поглядывая туда и сюда, и, наконец, нашел. «Ну, как вам это приветствие, нравится?» – спросил он взглядом, странно кивнув подбородком. Однако Кобейсин был невозмутим. Словно не придал никакого значения этому знаку услужливости. Ни слова не сказал.

– Не понимаю, не возьму в толк – что это за бесконечные вопли казахов. Одну и ту же песню слышишь от них: «Раз испоганили нашу землю, прибавьте оплату!» Эй, разве дополнительные деньги появятся сами собой? Кто сейчас готов дать немеренные суммы? Сначала эти деньги должны войти в годовой бюджет страны. Надо ждать этого. Ну, а казахи... надеюсь, среди нас нет чужих людей, – помолчал немного. – Ладно, посмотрим, что будет дальше. Вот сами видите, скажите, что случилось страшного, непоправимого? Или я не заметил чего-то?

– Нет, вы правы, – загалдели со всех сторон.

– Вот, вот это правильно. За то, чтобы наши дела продвигались! – он опрокинул содержимое стакана в горло. «Ну и герой, настоящий русский, русский же он!» Он понюхал кулак. Остальные тоже выпили. Кобейсин только прикоснулся губами и поставил стакан на место.

– Нужно проверять здоровье местных жителей, диагностировать их состояние, или... Если считаете, что нужно, тогда...

– Нет нужды, – зашумели со всех сторон.

– Ну тогда мы должны придерживаться одного мнения. Надеюсь, среди нас нет непонимающих людей, а? – глава комиссии заметно повеселел. «Эх, какой здесь воздух!» – начал он бормотать что-то бессвязное. «Сволочь, что, язык отвалится, если скажешь: “Эх, казахская степь!”» – Кобейсин смачно сплюнул на землю.

Кто-то еще поднял тост. Беспорядочная шумиха нарастала. День был тих и прозрачен. Был слышен каждый звук. Бедолага – мэр закрытого города основательно подготовился к пикнику. На дастархане чего только не было. Всё выставил на стол. Он никогда не скупился в таких случаях, ведь нужно показать себя. Он был проворен и старался всюду успеть. Ему хотелось услужить всем. Пускать в расход зелье – ведь одно удовольствие. Только поднесешь ко рту, а оно исчезает само собой. К тому же на просторе, на чистом воздухе. Все же где-то внутри напоминает о себе чуткий датчик. «Сам, сам виноват. Не надо было тащить сюда Кобейсина. Смотри-ка, торчит – столб столбом, словно нож проглотил!»

– Ох-хо-хо! Бог нам послал удачу. Кто это там? – сказал кто-то из московских, показав в сторону увала, где показался чабан на серой лошади, пасущий овец. – Вот и тот, кого мы искали на небе, а он оказался на земле. Если мы хотим узнать о здоровье, состоянии местных жителей, то...

Кобейсин отшагнул назад. Ведь за все это время не было видно в окрестностях ни единой живой души, так откуда вдруг объявился этот несчастный?! Кто-то неуклюже побежал к чабану. Вскоре, запыханный, он предстал перед чабаном, джигитом с глубоко запавшими глазами, черными растресканными губами.

– Салют!

– Ассаламалейкум!

Кобейсин пришел в себя. Пусть у подъехавшего джигита почерневшие, растресканные губы, однако этот пастух не похож на безвольного трусливого размазну, у которого при виде русского глаза лезут из орбит. Поздоровался он уверенно. Напоминает уже обвыкшегося, своего в доску парня, не раз угощавшегося с дастархана космонавта, живым и здоровым вернувшегося с орбиты на землю. По виду не растерян, нисколько не заискивает, дескать, оказался в окружении незнакомых людей.

– Мы прибыли из Москвы.

– Вижу, вы не похожи на людей с Байконура.

– Все мы люди, – начал свою присказку глава комиссии. – Все мы желаем благополучия Байконуру.

– Конечно, – сказал чабан равнодушно.

– Мы хотим у вас кое-что выяснить.

– Спрашивайте.

– Хочу спросить...

– Извините...– вмешался в разговор один из шустрых и плутоватых. – Давайте сначала познакомимся. Ну а... ради знакомства надо принять на грудь сто граммов.

– Что это? – удивление чабана показалось Кобейсину несколько искусственным. – А-а... это, – без особого желания протянул руку к стакану.– Это не самопал? Завтра голова болеть не будет?

– Нет, водка, самая чистая! Кому придет в голову предложить москвичам самопал?

– Чистая, чистая! – прокашлявшись, подтвердил мэр.

– За знакомство!

– Ладно!

«Эй, бедняга, смотри, не потеряй своих овец! – подумал Кобейсин с теплым чувством, глядя на то, как чабан решительно опрокинул в рот стакан. – Мужик!»

– Как ваше имя?

– Хамит.

– Хамит? «Хамит в погоне за бандитами». Много лет назад вроде бы видел такой фильм.

– Сколько лет пасете овец?

– Пес его знает, кто считал годы!

– Наливайте. За здоровье нашего друга Хамита!

Пастух и на этот раз не отказался. Выпил и крикнул. После того как выпил, безразличным взглядом обвел окрестности:

– Ну, что хотите, что вам нужно?

– Только без вранья.

– Если мое вранье сгодится вам...

- Повлиял ли на вас гептил, голова не болит, перед глазами не чернеет?
- Упаси боже!
- Стоите ли на учете в больнице?
- Тошноту не испытываете?
- Болячки на коже не появляются?
- Упаси боже!
- Врачебные осмотры проходите?
- А зачем мне это, я же целый день в степи.
- Целый день в степи говорите, а когда в степи, не чувствуете плохой запах?
- Спазмы, тошноты не бывает?
- Упаси боже!
- Баранину едите?
- С прошлого года сколько баранов зарезали?
- Искусственное осеменение овец до сих пор проводите?
- Вы имеете в виду СЖК?
- Да, именно это.

– Ну так бы и спросили! Мы не употребляем мясо СЖК. Приплод таких овец сдаем на мясокомбинат. Из них делают колбасу, которую предлагают таким гостям, как вы. А мы едим только природное... то есть мясо молоди, полученной от здоровых овец, чью случку наблюдаем собственными глазами.

Кобейсин подался вперед. Он сразу понял, что у чабана своенравный характер.

- Ну, есть у вас что-то еще, раз затащили сюда?
- Как здоровье у людей, живущих здесь?
- И-и, не говорите!

Начальник Кобейсина мгновенно оживился и поднял еще два или три тоста.

- Если вы закончили опрос, мне надо идти, – сказал Хамит.

По его виду чувствовалось, что он не против еще выпить. Глядя на него, не скажешь, что он опрокинул в себя неплохую порцию. К этому времени некоторые москвичи уже захмелели.

– Ну, а мы станем искать казаха, заболевшего от испарений гептила, – откровенно сказал глава комиссии. – Вот вам, если нужно, живой пример! Молодец, Хамит!

- Не сдавайся! Не сгибайся! – загалдели со всех сторон.

- Сколько у вас детей?

- Достаточно!

- Все же.

- Казахи считают скот, но не детей.

- Сколько у вас жен?

- К чему это?

- Нужно, нужно, поэтому и спрашиваем.

– Нашли о чем спрашивать, делать вам нечего, – губы Хамита дрогнули в подобии слабой улыбки. – Все, закончили, или есть еще что-то?

- Есть еще...

- Последний вопрос.

- Спрашивай.

- Сколько раз в неделю посещаете мавзолей Коркута?

– Мавзолей отсюда далеко. Иначе можно было бы каждый день бывать. Оттого, что далеко, наверное, принимаем иногда по сто граммов. Быть рядом с Коркут-ата и пить водку... нет, даже не заикайтесь об этом, не говорите!

- Говорят, от мавзолея идут биотоки, это правда?

– Эй, вы о чем... вы что, а?! О, отца твоего! Я с вами по-человечески говорю, а вы так! – вдруг вспыхнул Хамит. Он вскочил, запрыгнул в седло. Поднятая копытами пыль повисла в воздухе.

– Поспешили, заторопились вы, а кое-что не было сказано, – сказал глава комиссии, поднимая грузно опущенную голову. – Но что теперь делать, поздно, пеняйте на себя. Поручаю вам следующее. Каждый из вас должен поймать по мышке. Чтобы живая была. Как ловить будете, это меня не касается. Нужно по одной мышке увезем их в Москву. Для проверки в лаборатории. «Это поручение относится и к вам», – как бы говорил взгляд мэра, исподлобья уставившегося на Кобейсина, стоявшего в стороне.

А за ловлей мышей он не заметил, как задники туфель из толстой кожи натерли ему пятки.

Перед самым рассветом глаза у него сомкнулись, и он уснул. Проснулся в шальном испуге. Сразу принялся шарить – искать рядом скатанное покрывало. Затем, вскочив, стал спешно одеваться:

– Как это, 113-й состав до сих пор не ушел? Кто будет отвечать за то, что он отстал от графика?

– Найдется человек, который будет отвечать.

Аккербез с удивлением смотрела на Кобейсина, не понимая его действий. Непохоже, что он нарочно это делает.

– Если есть пиала шубата...

– Оу, куда вы пойдете среди поздней ночи?

– Как куда? В депо! Депо!

Аккербез преградила ему путь. Нескрываемое удивление было написано на ее лице:

– Странный же вы, – сказала немного погодя. – Где это депо, а где вы? – она подошла и ласково погладила его по спине. Пальцами пощупала лоб. Затем иронически усмехнулась: – Вы сильно устали, вам нужно отдохнуть. Нужно отдохнуть, поняли?!

Кобейсин, схватившись за голову, сел на ближний стул.

По заведенному порядку все столпились вокруг спускаемого аппарата и помогли космонавтам спуститься на землю. Это были заученные действия, раз и навсегда установленные еще со времен Гагарина. Безвестная точка Н. на территории Бетпакадалы всегда готова принять космонавтов. Как только открылся люк аппарата, два или три человека в белых халатах подбежали, чтобы оказать первую медицинскую помощь. Они измерили давление, проверили сердцебиение. Слава богу, космонавты чувствовали себя неплохо. Остальные члены международного экипажа остались на орбите, чтобы продолжить исследования. На Землю вернулись двое. Ясно, что человек, столько времени находившийся в невесомости, не может сразу вернуться к обычной жизни. Считай, что это только начало церемонии, в Москве начнется главное, им еще долго не дадут ходить по земле своими ногами, будут передавать их с рук на руки. Славословия, чествования. Результаты их научных исследований будут месяцами, а то и годами проверяться в самых авторитетных, известных на весь мир своими достижениями учреждениях. А затем то, что прошло проверку и было признано полезным, будет передано во внедрение. Сейчас вся наука связана с космосом. Продукт, на котором есть знак «проверено в космосе», без востребования не останется. Если ты попытаешься подсчитать количество результативных работ,

проведенных по каждой отрасли, у тебя в глазах потемнеет и закружится голова. С одной стороны, не хочется верить в это, с другой – попробуй не поверить. Два или три джигита берут пухлый алюминиевый контейнер, прикрепленный к спускаемому аппарату, заносят в кабину вертолета. Все богатство внутри него. Что и говорить об остальном, если из космоса изучается даже качество питьевой воды, уровень солености, минеральный состав, польза или вред человеческому организму. Есть ли право у таких, как Кобейсин, задать им вопрос: «Эй, открыв тайны космоса, почему пользу от этого получаете только вы сами?» Вся досада остается втуне, копится, копится в душе, собирается горьким комом, подкатывает к горлу, сдавливая голос. «Берите, берите, и Нобелевскую премию, и все остальное, пакуйте, прячьте в кошель, одно только вызывает зависть... хотя бы на йоту должно же быть у вас чувство справедливости!» – он и сам не заметил, как забились в голове, как заученная, все та же мысль. «Сейчас на матушке-земле немало космодромов. Однако им далеко до Байконура, находящегося в центре Земли. Если бы нашли что-нибудь получше, вы и на день не остались бы в Байконуре. И не успокоились бы, пока не покинули бы треклятый Торетам. С нашей стороны есть недовольные. Оказывается, благодаря космодрому Байконур успешно делаются научные открытия, признаваемые всем миром, значит, совестно должно быть нам, должны знать меру своим претензиям, дескать, чего вам стоит включить хотя бы одного нашего человека к вашим исследовательским коллективам. Ладно, не выдвигайте его на Нобелевскую премию, одно то, что он в одном караване с вами, – это уже большое достижение».

Приняли ли хотя бы раз к сведению москвичи бесполезное ворчание Кобейсина? Ведь каждая минута на счету. Как ни в чем ни бывало, оставив на память в Бетпаке-дале ненужный железный хлам, моментально хватают то, что попало им в руки, забирают в свои вертолеты и уносятся коршунами. Они даже не замечают Кобейсина, явившегося встречать вернувшихся космонавтов в качестве представителя местной власти. На худой конец считают его одним из многих казахов, путающихся под ногами. Пусть ходит себе. Жалко, что ли, им Казахстан для казахов?

– Порядок, всё в норме, – сказала старшая медсестра в белом платке с кисеей, записав в журнал последнее заключение.

– Что это мы стоим, давайте приступать к делу, – рослый генерал пригласил собравшихся к двум космонавтам, сидящим в креслах возле спускаемого аппарата.

– Кто есть из зарубежных журналистов?

– Мы.

– Пожалуй, это вы из информационного центра Австрии?

– Можете считать, что так.

– Ну, тогда мы должны поздравить вас, ваши герои благополучно вернулись на землю.

– Земля – это общее понятие. Скажите точнее – на Байконур, – бросил реплику Кобейсин, нарочито задевая его. Здесь не было ни одного человека, который считался с ним как заместителем мэра. Почувствовав это, Кобейсин принял на себя роль одного из многих журналистов. – Надо всё называть своими именами.

– Хорошо, пусть будет по-вашему. Вы тоже не даете себя в обиду, если можете, – сразу же согласился генерал. Глядя на толпу, поднял обе руки: – Вам дается десять-пятнадцать минут. Специальную пресс-конференцию, возможно, организуем, когда будем в Караганде. Нет, так не получится, не хочу быть обманщиком перед вами. Нет времени на заминку, сразу же улетаем в Москву. Родственники австрийского космонавта собрались там. Государственная делегация сидит как на иголках, мол, когда увидим нашего героя. Поэтому вы должны понять нас правильно.

– Первый вопрос.

– Спрашивайте.

– Как выглядит земной шар из космоса?

– Ну и ну, что за вопрос такой, на этот вопрос ответили тридцать-сорок лет назад. Если будете так делать, космонавты устанут от вас, – Кобейсин отвернулся в сторону. «Болтовня все это!» – подумал он.

– Правильно вы сказали, на такой вопрос был дан ответ тридцать-сорок лет назад, – сказал генерал.

Винт вертолета, предназначенного для космонавтов, медленно провернулся. Машина нетерпеливо подрагивала, словно аргамак, рвущийся в бег. Собравшиеся засуетились. Генерал в жесте безвыходности почесал затылок. Даже если они не из-за рубежа, а с неба спустились бы, подобно ангелам, нужно вызволять космонавтов из «плена» журналистов, пусть даже придется расталкивать их для этого. Для этого достаточно одного его приказа. Одного жесткого приказа. И тогда дорога с этого места разделится надвое. Они отправятся в Москву, Кобейсин – на Байконур. Он вручил подарки с Байконура. Это и было главное его дело. К тому же охотников за подарками всегда мало. Предлагай – не предлагай – им все равно. От этого ничего не изменится. Напротив, сам дойдешь до белого каления, изнервничаешься. Всегда было так, встречающих космонавтов обычно – целые толпы. Кто знает, какой черт подзужил на этот раз мэра закрытого города. «Кобейсин Самырсакович, прошу вас, на этот раз сами съездите, а у меня невпроворот дел с документами», – сослался он на свою занятость. И хотя Кобейсин догадывался, в чем дело, артачиться он не стал. Два-три часа уйдет на дорогу туда, два-три часа на дорогу обратно. Непохоже, что его ожидает такая ужасная поездка, как тот раз в вездеходе, когда висел на поручнях. Полетит на вертолете и вернется. Не особенно горит он желанием увидеть членов международного экипажа. Подготовленные, как по нотам, пресс-конференции давно ему надоели. Как только слышит заученные вопросы, вся его душа поднимается на дыбы. Опасался он, что приедет без настроения и без особого впечатления уедет.

Вдруг... Эй, что это за столпотворение? Военные забегали туда и сюда. Растерянные, они не знали, на что решиться, или нужно срочно размещать дорогих гостей, «опустившихся с космоса», в вертолете, или еще подождать. Портативные рации, прикрепленные к поясам, надсаживались в хрипе и настойчивых вопросах, передавая голоса тех, кто находился за центральным пультом: «Где вы, где вы находитесь?» Ну, если ты считаешь себя крутым, попробуй ответить. Для того чтобы ответить им, надо кое на кого оглянуться, спросить кое о чем. А если ошибешься, то доводов, чтобы свалить тебя потом в яму, всегда достаточно. И не надейся, что сказанные тобой слова сами собой рассеются в воздухе. Думай, как бы головой не пришлось отвечать за опрометчиво сказанные слова. Однако переполоху конца не видать. Напротив, кажется, он усиливался, истошные крики генерала слышались то с одной стороны, то с другой. Вряд ли людям нравилось, что такой важный чин в пух и прах разорялся в пустынном краю. Похоже, само это вело к тому, что его авторитет пошатнулся.

Ойпырмай, что случилось? Как бы ни кипел, исходя желчью, недавно, но когда наступил критический момент... как-то встрепенулся он, то ли вспомнив, что сам – заместитель мэра, то ли невольно пожалев генерала. Как ни крути, в конце концов, отвечают они за общее дело. Думая бессознательно о том, что горячие пожелания торетамовцев, часто посещающих мавзолей Коркут-ата, дабы вознести молитвы во имя жизни и здоровья взлетевших в космос с Байконура, не должны пропасть втуне, Кобейсин подошел к взбудораженной толпе. У Кобейсина был особый документ, который давал ему право прохода в любую зону. Во всем Байконуре он имелся у

двух или трех человек. В свое время он был торжественно вручен москвичами. Военные плечом к плечу стояли плотным оцеплением. И мышка не проскочила бы между ними. К тому же, кто знает, получили ли они непреклонный приказ, на их лицах не было и следа от прежней приязни, как бы говорившей: находимся мы в степи на дружеской земле. Не говоря уже об этом, в таких обстоятельствах военные даже между собой не могли обменяться мнением, ни словами, ни жестом. Стояли суровые, замкнутые, всем видом как бы говоря: не отделяйся от толпы, эта ситуация вряд ли позволяет тебе такое. А что ему было делать, вытащил из кармана свою карточку-пропуск на красном шнуре, повесил на шею. Как вовремя! Сейчас же время такое, когда бумага значит больше, чем гуманизм самого человека! Кто станет теперь толкать Кобейсина в грудь? Похоже, сам генерал, увидев это, смутился. Не этот ли джигит, стоя среди журналистов, демонстрировал свой характер? Уж не упрямец ли из числа недовольных? Он, за ним кто-то другой, – глянули зорко, потом еще раз. Да, он самый. Однако, судя по пропуску, он, оказывается, из своих. Или степные казахи все похожи друг на друга.

– Что это за ужас, кто видел такое?! – сказал генерал, повысив тон, словно чтобы лучше Кобейсин услышал, и взмахнул обеими руками. – Посмотрите на упрямство австрийского космонавта! А что делать, ведь всех нас задерживает он. Ладно, черт с ней, с задержкой, но ведь роняет мало-мальски наш авторитет. Или подчеркивает тем самым, что заплатил за полет двадцать миллионов долларов, дескать, обязаны перед ним?! Но ведь они полностью освоены. И что теперь нужно этому герою? Сам толком говорить не может. А пока пройдет полную адаптацию на земле, столько времени пройдет. На худой конец, прошел бы как-нибудь её.

– А что он говорит, – мол, ничего не успел сделать на орбите, возвращайте мне деньги? – Кобейсину хотелось проявить осведомленность. – Сколько он был в космосе?

– Три недели.

– Немало.

– Но ведь наши парни годами кружат вокруг Земли?

– Это, должно быть, связано с выносливостью организма.

– А что, кто-то силой толкал его в космос, мол, «летите, летите!» Не он, так нашелся бы кто-нибудь другой.

– Или мозги у него тронулись?

– Похоже на это, во всяком случае здоровый человек так не делает.

Благодаря своему пропуску Кобейсин шаг за шагом продвигался вперед. Какой-то хмурый военный недовольно покосился на него: «Если этот позор завтра будет известен всему миру, кто будет считаться с нами как с великой космической державой? Мы должны усилить меры предосторожности!» Видимо, его военный чин был значителен, глядя неприязненно на старшую медсестру, он подозвал ее к себе: «С вами мы в Москве поговорим! – налитый злобой голос стал слышнее. – Все хорошо, говорите, что хорошо?! Я ничего не понимаю в медицине, но знаю диагноз этого сволоча. А вы... болтаете, что придет в голову».

– Если знаете, почему не скажете?! – кто-то за спиной, видимо, поддерживал медсестру, ее нисколько не смутил грозный вид военного. – Тоже мне, нашлись знатоки!

– Не стоит заниматься волокитой, и слепому ясно, что этот непутевый сошел с ума. Чем твердить «все хорошо», никому не показывая, надо было сделать укол от шизофрении.

– Я не обладаю такими полномочиями, у меня не две головы. В положениях Космического альянса так не написано.

– Смотрите-ка на самонадеянность, зачем тебе две головы, и одной много.

Слово это оказало воздействие прямо влетевшей пули. Красивое, с розовым румянцем лицо медсестры сразу заледенело. Длинные ресницы застыли, а потом задрожали. К чему ей теперь тратить время на перепалку, округлые полные бедра ее колыхнулись, утопив подошвы туфель в грунт, она повернулась и заспешила прочь.

– Все они сумасшедшие! – сказал военный, пораженный выходкой медсестры – Нет среди вас ни одного здорового человека, за этот ваш труд, в Москве, небось, готовится благодарственная грамота.

Нет, уже не осоловелые, как недавно, космонавты, словно птенцы, вылупившиеся из яйца, напрягли плечи, задвигались. Они радостно поглядывали на солнце, перемигивались, делая знак большим пальцем руки, обменивались шутками. «Все осталось позади, рады всему, что предстоит», – говорили они друг другу мимикой. По прямой связи успели переговорить с родственниками в Москве. Скажи-ка, как это, ни с того ни с сего, вдребезги разлетелся рутинный порядок дел! Те, кто сохранял контроль над собой и ситуацией, скучковались и принялись обсуждать «за закрытыми дверями» требования австрийца. Но мнения согласных и не согласных разделились, напоминая бурный дождевой грязевой поток. Одни напирали, уповая на силу и власть, не посчитав бред австрийца и за укус мухи, дескать, надо скорее покинуть это место. К тому же торопила Москва, мол, давайте скорее! Другие призывали к разуму: «Пусть это не останется небывалой тайной для людей. К чему спешить. В конце концов, живыми и здоровыми вернулись на землю. Давайте выполним требования гостя, то, что мы считаем невозможным, вполне может быть в наших силах!»

Совещание «за закрытыми дверями» приняло предложение вторых. Решили, собравшись вместе, выслушать еще раз «бред» австрийского космонавта. Но, то ли «виновный космонавт» утомился, желая говорить на открытом воздухе, то ли, «пожадничав», надыхался чистого ароматного воздуха Бетпакадалы, или, быть может, отдался во власть сомнений, во всяком случае, откинув голову направо, он выглядел задремавшим. В таких ситуациях любое движение может стать решающим. Вокруг царила тишина. Заглушили двигатели и вертолетов. Все затаили дыхание, словно в ожидании решения, которое должно быть вынесено здесь, в Бетпакадале.

Несмотря на то, что была обижена замечаниями, полученными от военного чина, медсестра проявила сноровку. Она подошла к австрийскому космонавту и мягкими ладонями начала похлопывать по его щекам. Больше поглаживала, нежели шлепала. Живой, оказывается, герой, живой. Он с трудом сосредоточил на одной точке взгляд бегающих туда и сюда зрачков, словно качающихся на весах. Открыл глаза и снова закрыл. Похоже, он начал понимать, что вся эта шумиха связана именно с ним. Некое подобие слабой улыбки появилось на его бескровном лице. Напрягая силы, попытался сесть прямее.

– Вы нас задерживаете, – сказал генерал, сразу посчитав его виноватым. – Скажите о ваших желаниях, мы все хотим услышать. Можно отложить это и на завтра, когда вы придете в себя, окрепнете. Куда денется космодром Байконур, сколько лет стоит он себе, мрачный, столько и будет стоять, отчужденный. Лучше бы приехали потом с семьей, от души погуляли бы, повеселились, не так ли?

«Мрачный... Что вам сделал Байконур, за какое место укусил? Человек же должен отдавать отчет своим словам!» Но Кобейсину не хотелось цепляться из-за каких-то случайных слов.

– Ну, мы слушаем вас.

Австрийский космонавт начал что-то бормотать на своем языке. Никто, конечно, не понимал его. И голос был у него неразборчивый, сдавленный.

– Где переводчик?

– Здесь.

– Ну, тогда переводы каждое слово полностью и понятно. У тебя ответственность тоже немалая. Возможно, останешься в истории.

Переводчик – молодой парень заметил на лице генерала нечто вроде иронической усмешки.

– Это правильно, – сказал австрийский космонавт, озираясь вокруг ищущим взглядом. – Постараюсь мысль свою довести на родном языке. Немного говорю на русском языке, но мне удобнее говорить на родном языке. Я – счастливый человек, ибо вознес родной язык в космос и вернулся.

– К чему такое предисловие?! Ладно, продолжайте, – генерал принялся вытирать очки.

– Что, что сказали, хотите что-то спросить?

– Поторапливайтесь, вы же попросили, чтобы все мы собрались, дабы выслушать вас. К тому же вы задержали отправку.

– Потерпите немножко, – космонавт опять расправил плечи. – Это впечатление, не знаю, как довести до вас то впечатление, которое получил в космосе. Я благодарен судьбе за то, что стал свидетелем этого, а также за то, что вы доверились мне. В космосе я услышал удивительную музыку.

– Что, какая еще музыка?!

– Раньше в космосе никто такие звуки не слышал. В космосе никакие звуки не слышны. Говори, не говори – один результат, однако какое-то чудо совершенно ясно доносило до моего слуха ту самую музыку. Я ее впервые услышал, когда был недалеко от Торетама. То ли утренняя молитва в мечети, то ли макамы Корана, во всяком случае чудный звук, понижающий в сердце. Сейчас я не в силах объяснить, какую силу давала мне эта музыка в космосе, как она поддерживала меня. Глядя на карту, я выяснил ее источник. Мне говорили, что в этом районе есть мавзолей Коркута, великого Коркута. Я очень сожалею, что перед полетом в космос не посетил мавзолей. Или великий предок счел правильным, что я так сделал, что держался подальше от суетных речей. Дескать, поддержку его таким образом. И вот благодаря поддержке и помощи Коркут-ата мы благополучно вернулись на землю. Поэтому хочу спросить, если для этого вам нужны деньги, я готов дать их, сколько будет нужно. Настоятельно прошу вас, отвезите меня к мавзолею. Больше никуда мне не нужно ехать.

– Что?! – вскричал генерал. – Нам только этого теперь не хватало! Говорил же я, говорил, что свихнулся он, срочно нужно везти его в больницу.

Кобейсин и сам не заметил, как оказался впереди всей толпы. Подняв обе руки вверх, он опустился на колени. Не в силах объяснить причину сильнейшей радости, обуявшей его, словно жена родила ему сына, глядя на людей, он заливался счастливым смехом. Смеялся и смеялся. Из глаз даже полились слезы.

– Вы... вы же слышите, что сказал этот космонавт?! Ради бога, прошу вас не забывать этот день никогда! О, святой, всемогущий Коркут-ата, тысячу поклонов твоему духу! Сильнее земного притяжения свет твоей славы! К чему после этого тратить слова? Одно только прошу вас, умоляю, никогда не забывайте, чему вы стали свидетелями только сейчас. Не забывайте!

– Вот тебе и на! Сказал же, что все тут рехнулись, – высокий военный чин, недоумевая, дескать, провалиться мне сквозь землю, если я что-то понимаю, пожав плечом, повернулся к генералу.

Кобейсин же схватил портативную рацию:

– Алло, Евгений Ильич!

– Да, мэр города слушает.

– Слушай, слушайте, и у вас хватает лукавства на всякого простака. Я вас прошу, чтобы никогда не забывали про этот день!

– Эй, ты здоров? Ну-ка, не спеши, не кипятись, возьми себя в руки и объясни, в чем дело.

– Поверите ли в это, не знаю, как объяснить вам. Такой день выпадает на нашу долю нечасто, даже очень даже редко. Ну вот, слушайте, международный экипаж, только что вернувшийся с космоса, направляется к мавзолею Коркута. Слышите? Сейчас направляемся туда. Не забудьте усилить меры безопасности, надо полить водой землю вокруг мавзолея, подмести двор. Никогда не забывайте, что сегодняшний день – звездный день Торетама!..

13

Нога Аккербез зацепилась за что-то, и она едва не упала. Вот тебе и на! «Нет, это невозможно, такого быть не может!» – подумала она. Ведь в одном углу шкафа хранились полмешка муки. Правда это или нет, кто знает, в год, когда Аккербез стала невесткой, старший брат Кобейсина Ебейсин завел обычай нахваливать ее: «Айналайын, никто в этих краях не печет бауырсаки лучше, чем ты!» И тогда перед свояченицами она чувствовала себя так, будто достала до неба макушкой. И на этот раз она решила испечь целую гору белых баурсаков, так, чтобы завалить ими дастархан. О Боже, она обшарила и этот и другой угол шкафа. Кому понадобилась мука, спокойно хранившаяся в углу? Или, опасаясь, что заплесневеет, домработница вынесла во двор. Скорее всего, это оплошность с ее стороны. Торопливо вытерла руки о фартук и неожиданно для себя ругнулась: «Ведь сначала надо было посоветоваться с человеком!» Да, давно уже не пахло в этом доме печеным хлебом. Где теперь то время, когда она по пятницам пекла лепешки, чтобы во имя Бога раздать соседским детям. Ей стало не по себе. Муки нет, к чему теперь хлопотать, искать подсолнечное масло. Будто ложка, тонущая в каше, привыкла она к готовой пище, нехорошо это.

Эй ты, бережливая, разве время станет ждать, пока Аккербез начнет раскачиваться? Рассвело, считай – наступил закат. И она сказала себе, что не готова встречать гостей. К тому же это не простые гости. С чего надо начинать? Фу-у, чтобы пес тебя съел..., все те же слова возвращаются на ум. Если бы знала, с чего начинать, не стояла бы сейчас, разинув рот. Дома ничего нет, в доме заместителя мэра пусто. Даже говорить об этом неудобно. Упорно ища, вороша вещи, нашла телефонный справочник. Занялась поисками тех двух солдат, которые носили ей продукты из магазина, что на первом этаже гостиницы «Космос». Что с ней, или с утра с левой ноги встала, что ничего не удастся сегодня ей? Мавзолей Коркута... Да, действительно, уже порядком не была она в мавзолее. Эх, обманчивая жизнь. Переехав в закрытый город, Аккербез что, достала макушкой до неба, что не нашла времени хотя бы раз побывать в мавзолее Коркута? С этого дня, с этого дня она...

– Что вам нужно? – спросил дневальный в трубку.

– Я ваша женгей, Аккербез.

– Да, да, говорите, слушаю вас, вижу...

– Что видите? Что это вы, а? Разве можно так шутить? – пораженная Аккербез посмотрела на небо, потом на землю. Что хотел сказать солдат словом «вижу», чтоб пусто ему было? Какое имеет он право так шутить с Аккербез? Если, действи-

тельно, он правду говорит... Если кто-то со стороны с наслаждением наблюдает за ней, видит все, то, считай, она приехала. Не может быть большего подвоха, чем это. Эй, некому стукнуть тебя по макушке, ведь, словно свет клином сошелся на этом, не давала Кобейсину покоя, все уши прожужжала, пока они не переехали в закрытый город. Оказывается... она все же хотела, чтобы другие видели, знали, как они живут в городе, как наслаждаются комфортом. Апырай, хотя бы краем глаза глянуть на их шпионскую аппаратуру, пусть даже последний день проводит она в закрытом городе, но с каким удовольствием растоптала бы эту штуку.

– Видите так видите, воля ваша, – сказала она немного потускневшим голосом, – сегодня приезжает из Астаны мой родной деверь.

– Ну...

– Ойбай, что это за «ну», или вы издеваетесь надо мной? – Аккербез разозлилась не на шутку. – Хотела посоветоваться с вами, дескать, свои ребята.

Внезапно она вспомнила, как заботливо угощала солдат чаем в прошлый раз.

– Что хотите от нас, говорите?

– Хочу сказать то, что вы и сами хорошо знаете, – нужно достойно встретить гостя.

– Хватит ли для этого волос на голове? Даже если весь магазин с потрохами принести.

– Из Астаны едет родной брат Кобейсина. Специально к нам в гости.

– Понятно.

– Что понятно? Ничего вы не поняли, не лучше ли мне самой пойти в магазин?

Сама выберу, что нужно на стол.

– Нельзя это.

– Когда мы сами хотим, почему сразу нельзя?

– По правилам военного режима, вам самим туда нельзя. Нам тоже хочется, когда придет время, вовремя поехать домой. Родители ждут не дождутся. Сколько поместится в руках, принесем, остальное донесем потом.

– Вот это хорошо! – Аккербез не смогла скрыть радости. – Буду ждать с терпением.

Она нещадно отругала Кобейсина. А все было утром, когда он пил чай; глядя по обыкновению в газету, он сказал каким-то обыденным, неприметным голосом: «Ебекен хочет заглянуть на космодром».

Поначалу и Аккербез не придавала этому значения. Хлопоча как обычно, глядя, целуя, поправляя на них одежду, проводила старших детей в школу. Кобейсин по своей привычке, глядя в газету, пил чай мелкими глотками. Она была все такая же спокойная, в мыслях как будто отсутствовала.

– Ты сейчас что-то сказал?

– ?

– Кобейсин, Кобейсин-ау, посмотри на меня! Кто такой Ебекен, какой Ебекен? – подошла к нему, мягким движением убрала газету. – Если я не ослышалась...

– Нет, не ослышалась, все правильно. Мой старший брат Ебейсин едет на космодром. Он же депутат, выбранный по нашему округу, наверное, главная его цель – встретиться с избирателями.

– Вот черт! – Аккербез ущипнула его за щеку. – Ты, ты вот таким образом закопаешь человека живьем в землю. И не заметишь!

– Оу, что случилось, из-за чего обижаться? Разве в первый раз Ебейсин навещает Байконур?! Приедет и уедет.

– Ой-хой, приедет и уедет! А что если он пожелает навесить дом родного брата, Кобейсина, побывать в его семье?

– Это правда, что я его родной брат. Это не скрыть ни от Бога, ни от людей.

– А я кто ему?

– Если не ошибаюсь, будешь родной невесткой...

– Кажется, не ошибся. И как, по-твоему, эта родная невестка должна встретить родного деверя?

– Как обычно.

– Как это так – обычно?

– Думаешь, будет расслаживаться? Попьет чай, отщипнет хлеба и распрощается.

– А если не распрощается...

– Ну, отведаст, что бог пошлет.

Аккербез едва не упала от таких слов. Лицо ее то бледнело, то краснело.

– Ты, оказывается, хочешь отыграться на мне, пустив прахом по ветру мою честь и достоинство?

– Хватит, прекрати, дай, в конце концов, нормально допить чай, – Кобейсин, конечно, заметил, что разговор зашел в русло, невыгодное для него, однако он не в силах был остановить и успокоить Аккербез. Не дожидаясь, пока уберут дастархан, он встал и вышел.

Спустя недолгое время пришли два солдата, держа в руках пять или шесть корзинок с продуктами. Чего только в них не было, наверное, не хватало только птичьего молока. Если они угодят сегодня Аккербез женгей, считай, день для них удался. Холодильник забили до отказа. «Неужели все это ради одного человека», – с усмешкой поглядывали они на Аккербез. Аккербез постепенно успокаивалась. Теперь она могла накрыть богатый дастархан. Сейчас она напечет пышных баурсаков, сварит побольше казы и карта. Вряд ли гость будет один. Найдутся сопровождающие и здесь. Смотри-ка, как повезло ей, одним выстрелом убьет она двух зайцев. Как усидит дома ее брат Сагыныш, услышав, что ее деверь направляется сюда. Они же друзья – не разлей вода. С утра пораньше, добравшись из Талдыкуртана в Кызылорду, высматривает, небось, Ебейсина, как полную луну. А Аккербез не раз была готова взмолиться богу: «Оу, Сагыныш-ага, пора своими глазами взглянуть, что и мы стали не хуже других людей, есть у нас дом, можем мы по-людски принять гостей!»

А что ей скрывать, она удачливая жена заместителя мэра города. И глазом не успели моргнуть, как прошел год с тех пор, как Кобейсин начал работать заместителем мэра закрытого города. Разве можно сравнивать небольшой дом, сколоченный из шпал, в Торетаме с этим огромным коттеджем? И зажили они несравненно лучше. Пусть посмотрит собственными глазами брат, как припеваючи живет родная сестренка. «Нет, дорогая, спасибо за приглашение. Очередь же Ебейсина. Пусть сначала погостит у вас Ебейсин, а мы потом, успеем еще», – брат уступал дорогу другу, будто товарняк, пропускающий скорый поезд. Заглядывал ли он хотя бы раз в Торетам? И вот, посмотри-ка, как подоспел удобный случай.

– Говорите, из Астаны, депутат?! – спросил старший из солдат, сдвинув пилотку набекрень.

– Да, чему удивляетесь, или этот дом недостойный, чтобы принять депутата? – Аккербез расправила занемевшую поясницу.

– Все равно.

– Что «все равно»?

– Мы же знаем, какими гостями умеют они быть.

– Если ты такой знаток, то знай, что этот человек не станет хулить нас, во-вторых, он наш близкий родственник, в-третьих...

– Если можно, побольше об этом, а то все время говорите как о прошедшем.

– Что, неужто я ни на что уже не годна, сейчас я мигом накрою стол.

– При виде этого добра как бы вашего деверя-депутата не стошнило и он не выскочил на улицу.

– Что ты говоришь?!

– А говорю вот о чем, все эти продукты из супермаркета давно надоели таким людям. Послушайте меня, я скажу, что им нужно.

– Хорошо, слушаю.

– Поезжайте в казахские аулы Торетама, купите вручную отбитое просо, талкан. Не тратьте время и силы на варку плохо просоленного, затвердевшего мяса из морозильника.

– Вот черт!

– Если поняли меня, делайте это. Сейчас вдоль реки в камышах много жирных фазанов. Кобейсин-ага, наверное, все еще в авторитете среди железнодорожников. Мы так думаем.

В разговор вмешался второй солдат:

– Пусть пошлет на охоту одного или двух железнодорожников.

– Конечно, они сделают все, что им скажут. Однако если Кобейсин меня послушается. Вы же сами сказали, что не знаете, какой характер у Кобейсин-ага. Нет, не знаете его. И откуда вы придумали про фазанов с берегов Сырдарьи? Ох эта молодежь сегодняшняя, одни умники!

После этого у Аккербез словно отбили охоту к кухонным хлопотам. Стала странно инертной, будто из нее вытянули прежние силы и энергию. Подошла к окну и указательным пальцем сняла слабый налет изморози на окне. Солдаты потихоньку вышли на улицу.

14

Сегодня стало модно проводить встречи выдающихся людей со всех сторон света в Байконуре. И тогда, хотел он этого или нет, обязательно давали слово Кобейсину как заместителю мэра закрытого города и как представителю местного народа. И если он, пользуясь этим, стал бы говорить о всяких мелочах, то что выиграл бы от этого? И тогда он вынужден был говорить о серьезных проблемах, которые до него никто не озвучивал. Конечно, он не искал новых тем на космодроме, иначе нажил бы себе проблем. Кобейсину хватало тем, связанных с мавзолеем Коркута. Требовало большого умения правдиво сказать об этом, привлечь внимание людей к теме. А когда получалось это у него, ключице носом слушатели, пропускающие мимо ушей новость что, вдруг вздрагивали, будто пробудившись, и заинтригованно тянулись вперед. Эх, как умел сказать Кобейсин о том, что космодром устроен на святой земле! Как слушали они, открыв рты и разомлев, когда Кобейсин начинал повествовать, складно привлекая истории и легенды. Когда он рассказывал о том, что торетамовцы – по-особому сотворенные люди на земле, в его глазах начинал сверкать огонь, а лицо – светиться от редкого вдохновения. Ну-ка, докажите... а что доказывать, ведь величие бывает простым на вид. Любое достижение цивилизации – достояние каждого человека на земле. И эти достижения сегодня связаны с космосом, трудно представить без космоса любое новаторство. Ради мирового достижения очередной космонавт начинает энергично готовиться к полету в космос. Торетамовцам нет никакого дела до его миллионов на банковском счету, они не смотрят на его внешность, национальное происхождение. Он – человек! И этим все сказано. С этим человеком взлетает в космос и мавзолей Коркута. Если дух Коркут-ата обнаружит в его душе малейший изъян, то все – он ни за что не пропустит его в божественное

небо. Скажешь, пусть великий предок закроет глаза на такие мелочи, однако так не получится, не получится. Узнайте, что влияние биотоков, излучаемых мавзолеем Коркут-ата, гораздо сильнее земного притяжения. Что вы хотите от торетамовцев в таких обстоятельствах? А вот послушайте... Хорошо известно, что ракета взлетает со стартовой площадки рано утром. Самые сознательные из торетамовцев в таких ситуациях, прервав свой сон, поднимаются спозаранку, совершают обряд омовения, очищения, затем начинают молить дух Коркут-ата чтобы этот человек был им прощен, если имеет грехи. Еще неизвестно, каким научным термином можно обозначить такое явление, возможно, через пять веков будет известно. А может, еще раньше... Одно совершенно ясно, если дух Коркут-ата не благосклонен, никакое начинание не будет успешным.

Кобейсин нарочито завершал свое выступление таким загадочным намеком. Слушатели в зале оставались в раздвоенных чувствах: с одной стороны, нельзя заявить, что это ложь, однако не скажешь же о том, что здесь есть какая-то магия, волшебство. А самое главное заключалось в том, что он доводил до их сведения, что торетамовцы – не простые люди. И пусть они путаются в своих полах, спотыкаются на каждом шагу, однако же говорят от имени всего человечества. Признайте же от всего сердца дух Коркут-ата, давший каждому право вот так говорить! Вы спросите, что вытворяют иногда торетамовцы, имеющие право от имени всего человечества просить прощения у духа Коркут-ата? И сказать-то совестно. Как один, все они эфенди. Затеяли полемику, мол, чье имя дадим стартовой площадке №1. О несчастные, им невдомек, что руководители закрытого города изошрены в хитростях. Нежданно-негаданно предлагают они, дескать, почему не хотите дать имя знаменитого казаха стартовой площадке №1. Так хотят они показаться хорошими. Подбросив огонь для спора на пустом месте, они пользуются передышкой для проведения своих тайных замыслов. Чье же имя достойно стартовой площадки №1? И сразу поднимаются в атаку активисты то одного, то другого жуза. Если посмотреть, то как не найтись достойному из тех, кто жил когда-то, или из ныне живущих.

Спор выплеснулся за пределы города, района, дошел до областного центра. Прибыли два молодых джигита, якобы для проверки заявлений. Мэр закрытого города сказал им: «Проблемами местных жителей занимается этот человек», и представил им Кобейсина. Решаются такие дела, и решение находится быстро. Заявления, поступающие из смешанных школ, вопросы выделения квартир учителям казахского языка, разрешение более широкого доступа местному народу в больницы закрытого города... попробуйте сосчитать все это. Большинство дел мелкие, не запоминающиеся. Как только Кобейсин уходил с работы, они сразу им забывались.

Но вот это начинание было не похоже ни на один из них. Разница между ними как между небом и землей. К тому же автор этого проекта и организатор сам Кобейсин. Ни один человек не может оспаривать это. Кажется, только теперь стал проглядывать результат. От радости сердце готово птицей взмыть в небеса, внезапно обернуться и орлом. И вот таким образом оно озирает с небес пространство между космодромом Байконур и мавзолеем Коркут-ата. Хочет оно каждый квадратный метр земли облучить с неба благостным светом, чтобы каждая пядь тверди была покрыта алыми благоухающими цветами. Он сам написал проект парка отдыха казахского этноаула и сам же узаконил его в мэрии. Блеклое ровное пространство между космодромом и мавзолеем Коркута было включено в атласную карту Всемирной туристической организации. Да, эта точка на мировом атласе должна быть довольной не только Кобейсином, но и даже семьей Кобейсина.

То ли благодаря демократии, или решению самого времени, сейчас на ближних воротах космодрома уже нет того прежнего черного замка. Поэтому любой, кто пришел из местных песков, может беспрепятственно походить по местам, где некогда оставили следы Королев и Гагарин. Можешь свободно дойти до стартовой площадки №1, ну а дальше – пока запретная зона. Снаряжение космонавтов, их одежда, макеты кораблей, слова, произнесенные на орбите, документальные фильмы, снятые о них, первые следы человека на луне, росписи космонавтов, побывавших на орбите в качестве туристов, мнения о Байконуре... – всего не перечислишь. И ни кому не надоедает. А до этого глазам предстают картины белых казахских домов, выстроившихся в ряд, словно гуси. Это белые шестиканатные, восьмиканатные, двенадцатиканатные казахские юрты со всем нарядным убранством. Очаги возле домов, кузнечные мехи с раскаленным железом, мастера ремесел могут по вашему желанию тут же изготовить инкрустированные серьги или браслеты. К тому же и цены не запредельные. Байга, состязания иноходцев, кыз куу... борьба палуанов. Все национальные традиции здесь нашли искусное применение.

Шумный этноаул почти достигает пределов мавзолея Коркута. Окрестности мавзолея полностью обновлены. Здесь воздвигнуты архитектурные ансамбли, соответствующие духу времени. С восточной стороны доносятся звуки кобыза. И всем известно, что в мавзолей нельзя входить, не совершив омовения, обряда очищения. Для этого не нужно вывешивать объявление с текстом. Это понятие впиталось в плоть и кровь местных людей, к тому же Кобейсин придумал новый способ его обновления. Это пока проект. И завтра, с восходом солнца, он приступит к его осуществлению. Полный макет пространства между космодромом и мавзолеем, прошедший экспертизу многих специалистов, в кабинете Кобейсина. Макет занимает большую часть кабинета. Макеты строений, украшенные диодовыми подсветками, привлекают внимание красно-зелеными огоньками. Особенно если внезапно включить в темноте. Казахский этноаул, расположенный на Великом Шелковом пути, предстает перед глазами воочию. Смета составлена. Финансовые расчеты множество раз проверялись. Первые переводы денег уже поступили на счет. И дураку понятно, что если этноаул со всем убранством вступит в строй, весь район сразу же подтянется, изменится к лучшему. Представители всемирной туристической организации не стали скрывать своей заинтересованности. Пока дают знать, что весьма впечатлены найденной гармонией между вчерашним и сегодняшним. В воздухе уже чудится звон хороших монет. Слов не хватает описать внутреннюю согласованность компонентов проекта. Посмотрите на устремленность к небу обоих комплексов. В их очертаниях угадывается некая сила, зовущая человека к новому мышлению.

Ансамбль космодрома и мавзолея – научный кластер с еще не раскрытым и не исследованным потенциалом. Человек, впервые перешагивающий порог космодрома, переживает высокие, прежде неизведанные ощущения... Он даже испытывает состояние легкой эйфории. И с вознесенного уголка небесного мира смотрит на землю. И если вам нужно, Земля – всего лишь одинокая точка в космосе. А сколько людей, живя краткий срок на этой маленькой точке, находится в состоянии жестокой войны? Земля – крохотная точка, а сколько людей на ней? Большинство только и делает, что неустанно пинает и пихает ногами эту землю, словно мстит невесте за что. В чем вина этой земли, разве только в том, что она безропотно поддерживает и носит на себе этих людей. А ведь в космосе есть множество планет, которые во много раз массивнее и больше Земли. И что не хватает несчастному человеку в его мимолетной, сосчитанной жизни на Земле? Можно ли полностью очистить земную твердь от таких пороков, как ненасытность

алчность, зависть, беспредел? Эй, подумай, мало ли в космосе планет, которые с завистью смотрят на Землю? Кто знает, какими сигналами они обмениваются между собой. Разве будет не достаточно, если, решив, что скотство переполнило Землю, спросив себя, какие меры надо применить к зазнавшимся людям, кто-нибудь из них лишь слегка толкнет нашу планету?! Поднимется невиданная буря, разбухнет мировой потоп, доводя людей до отчаяния. Берегитесь, берегитесь! Не становитесь друг другу врагами. Кобыз Коркут-ата своей музыкой будто неустанно посылает по земле предупреждения, волна за волной, словно бьет и бьет степными колоколами. Заунывный звук кобыза мавзолея Коркут-ата. Сначала он проникает во все клеточки твоего тела, щемя и будоража, заставляя трепетать все твои жилы, подчиняя некой колдовской силе, а потом уносит в безвестность. Протяжная, спокойная, без единого недостатка. То ли вы, размягченные, уснули, будто укачанные на бесике-качалке. Словно позабыв обо всем, ни о чем не думая, вытянув руки и ноги, не зная, есть ли вы или нет, канули вы в мире безвестности и беззаботности. Мелодия кобыза обнимает все ваше тело, лелеет, словно весенний ветерок. Будто проникая неким скальпелем в глубину тела, сотрясающим и раздвигающим переплетение шестидесяти двух жил, где между кожей и плотью залег гнойник с кровью, чтобы рассечь его. И все уголки вашего тела, подмышки, складки полны музыки, сами поют, разливаясь степной мелодией. Ничего не осталось в вас: обида на кого-то, не вымещенное мстительное чувство, злость... Вы стали будто чистая белая бумага. Или уподобились легчайшему белому пуху. Чистота, эй, человек, это что за чистота, таившаяся неведомо где? Ты чистый человек! Без единого черного пятнышка. Загадка! Есть ли где-либо рай на земле? Если есть, то где? Эй, пусть заветной мечтой круглоголовых будет этот рай. Да, оказывается, рай есть. Эг-ге-гей, кто же войдет в самый центр этого рая?

Музыка, проливаемая трехгранным кобызом, очищает от джиннов и шайтанов не только тебя, но и Великую степь. Стоит только немного утихнуть мелодии, как потемки словно снова надвигаются... Он и сам почувствовал, что слишком размечтался под влиянием музыки. Как будто достиг чего-то такого, к чему давно стремился, хотел же он, чтобы казахские аулы вокруг закрытого города сами выправили свою жизнь, особенно – чтобы не зависели от космодрома и свободно жили сами по себе, чтобы на лицах земляков светились радостные улыбки. Да, великий творец, сделай так, чтобы такие дни стали поближе к нам!

Как только Кобейсин приблизился к широкому столу, полностью занятому макетом, плечи его расправились, голова поднялась. И он сразу забыл про дневную усталость, про то, что кого-то отругал, что под сердцем кололо, ныло и болело.

Телефон завершал.

– Кобейсин, оу, Кобейсин?! – задыхаясь, зачастила Аккербез, будто завидев врага.

– Вы не ошиблись, Кобейсин вас слушает.

– Ты все еще шутики шутишь, в то время, когда взмыленные люди света не взвидели от хлопот.

– Что, что случилось?! Все живы и здоровы?

– Все нормально. Все же ты вот что сделай, срочно отправь двух железнодорожников на берега реки ловить фазанов. Они послушают тебя?

– Фазанов? Какие это фазаны в самые зимние морозы?!

– Это меня не касается. Не задирай нос, что большой чиновник, спустись с небес на землю! Деверь Ебейсин не каждый день приезжает к нам в гости. Надо принять его по-человечески. Покажем ему, что мы тоже кое-что можем. Слушаешь меня?

– ?

Мэр, словно сомневаясь в честности секретарши, вызвал к себе двух или трех доверенных джигитов. Они появились подобно ловким марионеткам, соединенным нитями, скорым шагом один за другим зашли в просторный кабинет. Они были решительные в движениях, глаза торопливо бегали по сторонам. Они нетерпеливо ожидали распоряжений хозяина. Секретарша, а что ей было делать, пытаясь не допустить в кабинет ввалившихся непрошенных гостей, сделала слабую попытку встать на пути молодых людей. Один из них, здоровяк, не отреагировав на ее действия, будто это был укус мухи, оттеснил ее и закрыл за собой дверь. Из кабинета некоторое время доносился бурчащий голос.

Мэр усмехнулся. Затем сдвинув густые брови, надул большой рот, так что он стал похож на бурдюк со складками:

– Я не понимаю этот народ. Мы носимся, дрожим от холода, боясь заморозить тепловые сети на таком лютном морозе. А кому-то нужна забава!..

Вдруг его лицо прояснилось:

– Жизнь такая штука, надо быть готовым ко всему. Причина, из-за чего я вызвал вас к себе, – в последнее время появилась такая напасть, чреватая для нас, что секреты закрытого города моментально просачиваются вовне. Не знаю, кто распускает слухи, но я это не высосал из пальца. Если не верите, сами проверьте. Что будет, если там, наверху, узнают об этом? В один день с нами покончат, – он ткнул пальцем на изображение Кремля с левой стороны от себя на стене. Двумя-тремя словами сформулировал поручение, сказав, что вчера в Торетах приехал депутат, выбранный по этому округу, рядом с ним два или три спутника, он устроился в закрытой гостинице на берегу реки, и добавил, понизив голос: – Еще раз предупреждаю, будьте осторожны со словами. Если пойдет донос, то только из этой среды. В следующий раз такая подлость без наказания не останется. Для дорогих гостей организуем на два или три часа охоту на волков на просторах Бетпакдалы. Зачем им наша сауна?

Тотчас вызвал секретаршу.

– После обеда меня на работе не будет. Занят срочным делом. Если только из Москвы не позвонят, меня ни с кем не соединяйте. Понятно?

– Понятно.

– Идите, свободны.

И до этого не раз обдумывал это. Конечно, какие бы доводы ни приводил мэр закрытого города, ни один человек не посмеет возразить ему. Напротив, понаехавшие гости сами окажутся в неловком положении. Будут мяться, заискивать, будто виноваты в чем-то. Кто пойдет против Москвы? Влияние Москвы еще сильно. Тем не менее, не в силах пренебречь отношениями, он вел себя сдержанно. И как заметил, Ебейсин тоже оказался понимающим, умным джигитом. Старался держаться подальше от всякой мелочи, трескотни. Разве нашли бы они общий язык, если бы без конца названивал бы по телефону, оказывая давление на него, мол: «должен я выполнить поручения избирателей, не могу унижаться перед каким-то русским». Что и говорить о прозорливости Ебейсина, умеющего во всем проявить чуткость и осторожность. Его винить трудно, если вся суть в том, что он позиционирует себя патриотом родной земли, разве не заявился бы сюда, засучив рукава, колотя кулаком в грудь. До каких пор будет хвататься за трубку без конца верещащего телефона мэр закрытого города? И у него есть характер, и голос, и гордость... За ним Москва. Из-за пустяка может пройти трещина в дружеских отношениях двух народов. Ебейсин, надо полагать, больше внимания уделял этой теме. Ну а его дела, связанные с жизнью аулов, закончатся

завтра или послезавтра. Какая польза щелкать курком фитильного ружья, чей запал отсырел, и еще задирать ствол?

Ебейсин – азамат! И этому хватает доказательств. Ни разу не видел, чтобы он задира л нос, мол, я – депутат. Что бы ты делал, если бы он стал показывать характер, мол, я приехал на родную землю, вези меня туда, вези меня сюда? Что бы ты делал, если бы он потребовал, вези меня к тому человеку, надо ему отдать салема, вези меня к другому человеку, чтобы уважить его. Даже если пришлось бы закрыть мэрию на один день, все вышло бы так, как захотел бы депутат Ебейсин всем пришлось бы приплясывать перед ним. И ему самому пришлось бы на своих двоих рысать рядом с депутатом. Есть ли у него возможность не делать это? Прося у Москвы деньги, протягиваешь ведь руку, но кому понравится твое попрошайничество? Как бы учтиво ни делал это, все равно кто-то хмурит брови. Если в другое время можно забыть об этом, именно в этой ситуации он ясно помнит, что в Байконуре сосуществуют две власти. Порой звучит серьезный упрек, мол, что делает местная власть, свиней подковывает? А в острие этой критики попадает хмурый, набывчившийся мэр. И вот таким образом ты получаешь ярлык: «не работающий мэр». Ладно, его уши уже привыкли к этому. Такая критика говорилась до него, будет говориться и после. Разве жизнь закончится на этом? А самое плохое, когда, не слушая тебя, как бы выносят приговор: «он ни на что не способен!», – что на это скажешь? Пропади пропадом – припечатают, ни больше ни меньше, это все равно что раскаленным железом выжгли тавро на твоём бедре. Так что света невзвидишь от боли. И ты, вздрагивая всем нутром, думаешь, что они не видели Торетам в его знойные испепеляющие дни, или в черные холода малоснежного декабря, когда твой плевок замерзает, не долетев до земли, нет, они не хотят видеть это. И приходит в голову мысль уйти, куда глаза глядят. К чему мучиться? Сядешь в скорый поезд и отправишься куда-нибудь в леса России. И исчезнешь, как иголка в стоге сена. Ни одна живая душа не догадается, где канул ты. Быть может, утонул где-то в реке, или сгинул под поездом, или пропал в Бетпакдале...

Говорить обо всем этом легко. Ну а в решающий момент легко ли отдать богу душу в этих краях? Даже в могиле не дадут спокойно лежать. Думаешь ты, что затеряешься в густых сосновых лесах и сгинешь с глаз долой. А из этого что-то выйдет? В наши дни есть много способов скрыться деловому человеку, в один прекрасный день садится в самолет со всей семьей и исчезает за рубежом. Порой с ищейкой не найдешь человека, который, забрав деньги вкладчиков, кидается в бега. Работники органов юстиции ищут там и сям, а потом, сославшись на усталость, в сердцах машут рукой. Ну, а мэру закрытого города такое счастье и не снилось... Это же просто мысли, извивающиеся, словно кишка, а так, кто собирается бежать из Торетама? Просто уязвляет до глубины души мысль, что в мирные времена не смог отвоевать для себя хотя бы толику свободы. Если ты скроешься со всеми секретами закрытого города, тобой займется не кто-нибудь, а все государство. И не успокоятся, пока не найдут труп. А найдя, не станут вздыхать облегченно, мол: «Ух, наконец, нашли, пусть теперь лежит тихо, бедняга!» и, положив в гроб, не отдадут родственникам. Много раз будут проводить экспертизу, проверят ДНК.

Да ладно, ведь мэр закрытого города тоже человек, сотворенный из живой плоти и крови. Если работа не идет, огорчается, переживает, а когда невроз пробирает до самых печенок, не знает, куда девать себя. Особенно по ночам донимает беспокойство. В огромной шестикомнатной квартире он один, как перст. Сон не идет на глаза, и одному есть тоже не хочется. Прохаживается по квартире туда и сюда. Посмотрит телевизор. Прослушает до конца новости по российским и казахстанским телеканалам. Завтра ждет работа, порой со всех сторон налетают иностранные

журналисты. CNN, BBC, EURONEWS... И отступить некуда. Отчего-то считая тебя обязанным, они ведут себя так, будто являются пупом земли, вопросы задают в атакующем темпе, прямо в лоб. И о чем только не спрашивают, дошлые! Конечно, и мэр знает про свои границы. Он исхитряется увильнуть от некоторых вопросов, пропуская их мимо ушей.

Тем не менее нервы не выдерживают. Он сидит с надменным видом, хотя на самом деле накален так, что готов взорваться. Досадует, не зная, куда девать руки. Если бы были свои журналисты, вызывающе откинулся бы на спинку кресла, мол ну-ка, «какое вам дело до моих личных дел». А эти все мастаки. Как бы то ни было, ловят на слове, припирают к стенке мэра, умело увертывающегося и забивающего их потоком бесконечных слов: «Семья ваша в Москве, а вы здесь... Вы один... до каких пор собираетесь жить в одиночестве?!»

И он ощущает себя сырдарьинской дыней «куляби», перезрелой, готовой треснуть пополам. Нет, еще рано обнаруживать свою слабость. Держи себя в руках, сохраняй разум. Поднимает воротник рубашки, встряхивается всем телом. Приводит какие-то доводы. А когда припрут к стенке, не стесняется лжи, вранье так и льется из него. Жена, любимая супруга... «известный специалист в области биологии, как она бросит научно-исследовательский институт в Москве и с чем приедет в Торетам?» Ах! Таким способом простой работник гостиницы «Россия» внезапно превращается в «известного научного специалиста». Однако оценит ли кто такую доброту мэра? Чтобы обелить себя, он еще сильнее возвышает авторитет жены. И сам доволен своими артистическими способностями. Иногда, бывая в Москве, вспоминая шутки своих казахских друзей, хочется проучить ему свою женщину пинками, схватить за волосы, волочить, бить. Но что поделаешь... А если коварные вопросы следуют, загоняя в угол, он начинает ссылаться на «болезнь» единственной дочери. В крайнем случае, она далеко отсюда. А на самом деле это мука мученическая. Что хорошего в том, когда называешь «больной» дочь, радующуюся жизни, бегающую, быть может, с развевающимися косичками? И глаза затуманиваются. «Что за гордыня у этой стервы, а? Можно ли сказать, что те, кто живут в Торетаме, влчат существование? О, мерзавка!» Припоминая слова жены, он сжимает кулаки. «Не смогу переносить экологию Торетам!» А что, Евгений Ильич тогда по-особому одарен божьей милостью? Не умер же до сих пор, бродит себе по белу свету. До боли скучает по Москве. А тот, кто бесплодно тоскует, чего он достигнет? Наверное, сам виноват во всем. Все брехня! Эх! Когда речь идет о женах, куда нам до казахов! И что за черт такой в них сидит, дорогой мой, – жена не смеет смотреть мужу в глаза, не то что перечить, и лишнего движения не может сделать. Жертвы экологических бедствий, сами хилые коротышки, мэру и до плеча не достают ростом, а держат жен своих в ежовых рукавицах. Вы думаете, они умоляют кого-то, как он: «Люблю, умираю, не могу, хотя бы на время отпуска покажись в Торетаме»? Те одним движением бровей дают знать о своем решении. Вот и рожают казашки одного за другим, и успевают все делать по дому. Ох-хо-хой, как не поклониться до земли такому порядку?! Как не быть рабом такой жене?!

Вернувшись с работы, сразу звонит в Москву. Чуть ли не на коленях просит прощения у единственной дочери: «Как, доченька, солнышко мое, не болеешь, как твое здоровье?...» А что знает ребенок об обстоятельствах? Заканчивает свои слова одним и тем же: «Все хорошо!» И мэр чувствует себя так, словно гора свалилась с плеч. «Эх, в гробу видел я такую жизнь!» Задергивает шторы на всех окнах. И, закусив хрустящим соленым огурцом, опрокидывает в себя бутылку водки. Да, кстати, «и это жизнь?» Ад! Чистилище! И вот мучаясь, тягая ляжку, он слышит в свой адрес: «Не способен к делу». Посылайте тогда способных к делу в Торетам! Поменяемся

местами. Меня отзовите в Москву!.. Слова, одни только красивые слова, которым нет ни конца ни края. Те, кто управляют местным бюджетом, все – болтуны. Зная, что две власти сосуществуют вместе, поддерживая друг друга, когда речь заходит о бюджете, пятаются назад. Не хотят идти вперед. «Что, Москва смотрит на наши крохотные деньги, которых не хватит на одну закуску. Ведь валюты, вырученной только от одного коммерческого пуска, должно хватить, чтобы весь Торетам завалить золотом! Вы, наверное, уже полностью потеряли совесть!»

Мэр взрывается в гневной вспышке. «Чем меня живьем жарить, почему не говорите это самим москвичам, если вы такие смелые?» Сколько раз мы становились свидетелями бесполезных действий обеих властей. Правильно говорят, что оводу, попавшему меж двух быков, суждена гибель. Как он обратится к Москве со словами: «У местного бюджета нет денег». Их разящий ответ готов сразу: «Зачем мы держим мэра, не способного к работе», – каково это услышать? Он пятается назад. И держит язык за зубами. Улучив удобный момент, советуется с Ебейсином. С тех пор как приехал сюда, он освоил столько секретов обольщения и проникновения в душу нужного человека. Когда нужно поприветствовать человека, отдать ему салем, мэру в этом нет равных. И сам удивляется своему мастерству. А потом оправдывается, мол: «Нет, не перегнул палку, чему научили, то и возвращаю вам». В такие минуты он забрасывает руки за голову и, откинувшись на спинку кресла, предается блаженному отдыху. К Ебейсину он отправится позже, все дела разложит по полочкам. Эй, ведь у Ебейсина руки длиннее, чем у них. Если не направит все средства на будущее торетамовцев, то куда еще направит? К тому же он не спрашивает у Евгения Ильича, с кем советоваться по этой проблеме. А потом, хотя и не текут деньги бурным потоком, тем не менее потихоньку капают и капают. «Лягушка помочится, отлей в озеро». После чего и Москва теплее смотрит в эту сторону.

Поэтому, когда Ебейсин едет в Торетам, разумно ли мэру покоиться в непробудном сне? Ебейсин и на этот раз, совершая неофициальную поездку, поступает по-человечески. Куда денется мэр закрытого города, если депутат скажет: «Часто ездить нет никакой возможности. Хочу встретиться с избирателями, выслушать их пожелания, просьбы и наставления». На улице набирает силу мороз. Не пройдешь и ста метров против ветра. Свалит порывом. В школах начальные классы не учатся. Железнодорожники на станции Торетам особенно не переживают. Кожа у них толстая и закаленная, привыкшая к сильным холодам. Это городские люди чуть что – зябнут, и на пядь не высунут нос на улицу. Если в таких обстоятельствах он попросит собрать народ, что делать, депутату не откажешь. Если пошлет машину по домам, человек сто избирателей собрать сможет. Ой, что и говорить, широкие жесты у этого азамата, Ебейсина!

Джигиты не подвели. Как будто нажимали кнопку за кнопкой, к заранее запланированному делу и не придерешься. Вертолет приземлился прямо рядом с гостиницей. Гостиница, скрытая среди густых зарослей камыша на берегу Сырдарьи, далека от глаз посторонних. Без разрешения ни один человек и не сунется сюда. Эй, ведь у мэра голова работает как надо. Только где те, что должны видеть это. Самых уважаемых гостей из Москвы тоже устраивает в этой гостинице и отсюда их провожает. Некоторые даже не понимают, куда прибывают и где живут. Так и не поняв, отбывают отсюда. Он порывался начать строительство подземной дороги, связывающей с космодромом. Однако его остановила нехватка денежных средств. К тому же неожиданно в голову пришла одна нехорошая мысль. Конечно, что может сравниться с использованием подземной дороги? Ни одна живая душа не знала бы, кто приезжает в Байконур и отбывает отсюда. А если такой барыш не окажется в руках, то к кому станут цепляться «местные демократы»? Никогда

он не забудет, как в прошлый раз, перегородив трассу, они устроили митинг. Все хорошо, однако пока сдадут подземную дорогу, пролетит год или два. Кто знает, не имеет надежды только шайтан. Вдруг, если ему повезет, дела пойдут в гору, – он окажется в самой Москве.

Винты вертолета, вмещающего пять или шесть человек, не останавливаясь, слабо крутились, и аппарат опять взмыл из чащи. От ревущего гула заложило уши. Кое-кто из гостей уже навеселе, кое-кто уже пьяньенький. Из-под ворот пальто так и парит распаленным телом. Подталкивая друг друга, делают знаки мимикой. И никому в голову не приходит, что на улице черная стужа. «Где вы были до сих пор? Мы вас ждали. Мы, мы вас ждали... и кое-что в горло не пошло», – проорал в самое ухо Евгению Ильичу кто-то из гостей. Мэр прыснул. Он показал большой палец: «Похоже, без меня вы не скучали!» «Разве работа закончится, мы тоже без дела не ходим. Когда Ебекен, Ебейсин Сарымсакович приехал собственной персоной, как мы можем быть в стороне. К тому же он каждый день не навещает нас. Если вы понимаете, а вы понимаете, разве найдется такой человек, как Ебейсин Сарымсакович? – ответил он, а тот прокричал еще сильнее: «Хотя бы на час, было бы очень хорошо, если бы вы были с нами!»

Мэр оглянулся по сторонам. Затем жестом показал на эмблему города в виде красной звезды, прикрепленную к борту вертолета: «Поручения... наказ за наказом, продохнуть невозможно, голову не можем поднять. Иначе что может быть лучше, чем час провести с вами». А когда рев мотора достиг кульминации, будто немой, показал на пальцах, объясняя обстоятельства. «О'кей, нет никаких обид! Если не ссылаться на Москву, вы разве прислушаетесь к нашим словам?!»

Те, кто смотрел в маленькие круглые оконца вертолета, уже немного протрезвели. Когда смотришь с высоты, некоторые пусковые площадки космодрома становятся видны, как на ладони. Вертолет углубился во внутреннее пространство Бетпакадалы. Вся видимая равнина была покрыта белым пушистым снегом. Хорошо, если в такой холод встретится волк. Автоматы были заряжены. Дальнобойная винтовка-шестизарядка стоит в углу. Над домами казахских аулов, выстроившихся вдоль железной дороги, косо курились дымы из кирпичных труб. «Лишь бы это был дым мира и довольства!» – подумал Ебейсин. Откуда было знать избирателям, что депутат кружит на вертолете над их крышами. Если бы знали, уже зашевелились бы. Не дать знать о себе... нет, об этом лучше не думать. Даже если они заявят: «Эти проклятые нас кинули – привезли из Екибастуза плохой уголь, смешанный с песком, он не горит, а коптит», – он же возмутится. И в самом деле, карагандинский каменный уголь дает хороший жар и прямой дым столбом. Две полосы железной дороги двумя ножами рассекали великую степь, окутанную белым одеялом.

Накренившись на бок, вертолет направился в северную сторону космодрома. Тень вертолета, опрокинувшего своим ревом тишину пустыни, безостановочно, юрко мчится вперед. Нет, немного ранее пошумливавшие люди притихли. Плотнo до самого воротника застегнули свои пальто. Кто-то, видимо, надеясь согреться, постукивал ботинками о ботинки. Мало-помалу в кабине становилось все холоднее и холоднее. В воздухе так и чудился мечущийся, не знающий, кого бы задеть, вопрос, мол, кто это нарушил наше чудесное застолье в тепленьком местечке. «Охотиться на волков, – надо же придумать такое!» И никому в голову не приходит, что все в Байконуре, волки в том числе, – стреляные воробьи. Они не дадут стрелять в себя. К чему тогда это шатание? Если так захотелось поохотиться, не лучше ли было в камышах выслеживать фазанов? Однако они недавно только полакомились мясом фазанов, сваренных на пару.

Воцарившееся уныние нарушил сам мэр. Он подмигнул сидевшим рядом джигитам, намекая на одно обстоятельство, дескать: «так можно околеть от холода, взяли что-нибудь для сугреву на дорогу?» Видимо, они ждали только этого жеста. Они выволокли в центр кабины железный ящик и мигом соорудили дастархан. Пластмассовые стаканы, чтобы им пусто было, на доньшко не поставишь, и к тому же, видать, нутро истомилось, горький вкус иностранной водки не чувствовался. Она шла легко. К тому же что скажешь под рев мотора? Кто знает, показалась бы водка вкуснее под тост? Тем не менее, вскоре кровь побежала в жилах быстрее.

Кто-то из гостей, шевеля губами, вытягивая свободную руку, силясь похлопать Ебейсина по спине, мол: «За ваше здоровье, Ебеке!» Это же известное дело. Опрокинул в горло и не поморщился. Как тут мэру остаться в стороне? К тому же немного виноват перед Ебейсином. Сказал: «За ваше здоровье» и опрокинул одним махом. Третья пошла легко, даже сплясать захотелось. Сидевшие впереди не хотели наливать. Сам наполнил стакан. Пошатываясь, встал с места. Чтобы ей пропасть, известно, что это не мед. Пару раз вздохнув, с трудом выпил. Вытер рукавом капли, пролившиеся с углов рта, а потом, будто совершил геройский поступок, чмокнул Ебейсина в щеку. Ебейсин досадливо поморщился, затем выставил оба локтя, загораживаясь ими от мэра. На лице так и читалось: «Прекратите это своеволие!»

– Волк! Вон там, видите волка?! – джигиты мэра похватали ружья.

Сразу были взяты в прицел матерый волк, волчица и три волчонка. Бывавшие и не в таких переделках волки не сразу кинулись в бегство. Они почувствовали, что вертолет пока снижаться не будет. «Куда им еще бежать?» – подумал Ебейсин. Он и сам не заметил, как азартно потер ладонями. Вертолет пошел на снижение. Под неистовый рев окрестности стали заволакиваться снежной порошей и туманом. Матерый, видимо, ждал этого момента. Он вдруг задрал голову и, подталкивая волчицу и волчат мощной грудью, погнал их в сторону низины под склоном холма, густо заросшего жынгылом. Похоже, он был готов принять смерть на себя. Видимо, в низине под холмом была нора, волчица с волчатами как скрылась в зарослях, так и канула с глаз долой. Матерого несколько не испугал неистовый вой и рев двигателя, смешавшего небо и землю, он пригнул голову к земле и как-то отрешенно зарысил вперед. «Если нагрязнула к тебе смерть, как спасешься от такого дракона?»

– Надо валить матерого, – сказал кто-то.

– Огромный, как телок, – сказал другой.

– Видать, с каких-то пор сделал себе питанием скот местного народа. Многих, наверное, заставил лить кровавые слезы, – добавил третий.

Один за другим защелкали затворы ружей.

– Ебекен, пусть первым выстрелит Ебекен! Уважим гостя, не наваливайтесь со всех сторон!

Однако никто не слушал мэра. Осмелевший волк вел себя как бы развязно. Взметая черную почву вперемешку с песком и снегом, вертолет летел над землей на высоте всего нескольких метров. И Ебейсин ясно разглядел налитые кровью глаза зверя и ощеренную пасть. Да, верно говорили спутники, этот зверюга, если заставил плакать многих бедняг округи, так, наверное, и было. Загривок у него налитой, весь в буграх. Как будто говоря: если суждено мне умирать, к чему подставлять под пулю сердце, задрав ноги кверху, матерый кувыркнулся в снегу, опрокинувшись на спину.

– Стреляйте, стреляйте, Ебеке! Пусть, по крайней мере, не зря мерзли мы на холоде!

– Сдерем шкуру, посолим, высушим и отправим за вами в Астану. Пусть лежит шкура под ногами ваших внуков, теплая-теплая.

Ебейсин взвел затвор шестизарядки. Приклад крепко упер в предплечье. Взял прицел, нет нужды мозолить глаза. Нажмешь на курок и все дела. Но что это? Ебейсину мерещились налитые кровью глаза волка, которые в упор смотрели и целились ему в грудь дулами винтовки. Кинувшись в бега, разве не проявил он несравненное мужество, уводя смерть от волчицы и волчат? Если двуногим нужен пример великого мужества, вот он!.. «Почему мы зло ищем только в среде хищников, а?! Почему мы слепо следуем только избитым шаблонам? Сколько еще тайн волчьей жизни не понято нами. После этой встречи захочется ли волку еще раз кинуться на человека с разинутой пастью? Кто-нибудь думал об этом? Ладно, если я что-то понимаю, если мы отпустим волка живым и здоровым, он не только к человеку, но даже и к скоту не подойдет». Какая-то загадочная сила словно шептала ему это на ухо. Ебейсин, похлопывая по колену, натертому о железный пол, встал.

– Давайте отпустим на этот раз, проверим его. Тем более, не последний раз приезжаем в Байконур. Если будет досаждать людям, в следующий раз положим его.

– Полетели, не будем стрелять! – сказал он летчикам.

Люди были поражены. Особенно был рассержен Сыгыныш, его друг, приехавший из Талдыкургана:

– Если замешкался, будто ребенок, если есть слабина, надо было автомат отдать нам.

– Да ладно, в следующий раз.

– Да, в следующий раз волчара будет ждать нас на этом месте.

– Эй, водку еще не прикончили? В горле пересохло, дайте мне плотнуть, – депутат с удовольствием расхохотался, потирая ладонями.

Вертолет круто развернулся и, летя низко над землей, понесся над камышами в сторону гостиницы.

16

– Не будет ли от вас какого-то поручения нам, вашим избирателям? – как бы вымаливая, еще раз спросил мэра на прощание. – Если будет в наших силах, мы ничего не пожалеем для вас.

– Ну, тогда так, – сказал Ебейсин, положив на плечо мэра тяжеленную руку. – Пусть только два-три человека знают об этом поручении, даже жене не говорите.

«Если бы у меня была жена, разве я не пригласил бы вас домой». Мэр сначала испугался, не скажет ли: «Отправьте меня в космос как туриста». А когда депутат сказал: «Это не такое трудное дело, чтобы рисковать головой», – то успокоился: «Кто знает, когда вы сказали, что об этом должны знать всего два-три человека...».

– Как идут дела с этноаулом?

– Вся ответственность по этноаулу возложена на Кобейсина. Сейчас этот азамат очень серьезно настроен. И днем и ночью думает только об этом ауле, о его жизни. Как только потеплеет, приступит к строительству. Поскольку это дело нашей чести, мы не станем откладывать в долгий ящик. Ну и как мы?

Ебейсин не ожидал этого вопроса. Сначала он растерялся, но потом справился с замешательством. «Что вы хотите сказать?» Он украдкой исподлобья взглянул на мэра, на его самодовольный вид, распрямленные плечи, впрямь как будто что-то такое свершил. Непонятно, понравилось ему это или не понравилось.

– Правильно, даст бог, благодаря этому этноаулу слава о вас прогремит везде.

– Пусть ваши слова сбудутся! – сказал он на чистейшем казахском языке. Тем самым он хотел, наверное, показать, что в Байконуре он зря времени не теряет.

– Где вы научились казахскому языку?

– Как где? Было бы желание. Вы говорите, а я кое-что знаю об истории казахских родов и племен Младшего жуза, живущих здесь.

– А сами из какого рода будете?

– Об этом я не подумал. Когда приедете в следующий раз... Или посоветуете?

– Этот вопрос не решить простым советом.

– Мужчина от своего долга не откажется.

– Мавзолей Коркута посещаете?

– Хочется, конечно, но побаиваюсь, ведь я не мусульманин, как бы меня не прогнали оттуда.

– Ведь мэру закрытого города дорога везде открыта.

– Кто знает, ведь эта дорога не считается ни с должностью, ни с положением.

Вдруг пихнут в грудь, мол: «Иди отсюда!» Тогда, тебе, ошалевшему, мечтой покажутся даже эти дни.

– Зная обо всем этом, почему вы до сих пор не сделали себе обрезание? Придется и это поручить местным людям, – Ебейсин, запрокинув голову, громко захохотал. – За то, что одного неверного сделал мусульманином, мои шансы тоже выросли бы. Это же богоугодное дело! Кто знает, что нас ждет в том мире после смерти.

– Кажется мне, что в ад вы не попадете.

– Пусть сбудутся ваши слова, мед вам в уста.

На этот раз Евгений Ильич почувствовал, что может рассчитывать на более тесные отношения с Ебейсином:

– Человечность, которую вы проявили в вертолете, спасет вас от многого. А я, поверьте, переживал по поводу того, как провезти через таможенную шкуру только что освежеванного волка.

– Оказывается, я избавил вас от лишних хлопот.

– Можно сказать и так. Проезжая туда и сюда, будете приглядывать за своим волком.

– Ну, это уже чересчур. Не могу вам обещать этого.

Мэр был рад, что легко нашел общий язык с депутатом. А если бы он расхаживал, важничая, поглядывая свысока, мол, попробуй разгадать мою душу. Или ему оказалось по душе, что мэр сделал своим заместителем его родного брата? Как бы ты ни уверял, что, дескать: «Прошел по результатам конкурса», казахи, собаку съевшие на таких делах, останутся же при своем мнении. Ведя себя так, как будто ни при чем, найдут ниточку в любом деле. А что ты скажешь про некоторых из них, которые, умело состряпав свое дело, потом подходят к тебе и с невинным видом спрашивают тебя, мол, как это так получилось? При этом держат руку на твоём пульсе. А сами делают вид, что наивные, ни о чем не ведают. Начинают с наводящих вопросов, издали подходят. Одно хорошо, Ебейсин еще ничего не спрашивал о Кобейсине. Если бы он спросил, хотя бы немного соблюдая корректность: «Ну как, справляется с работой, есть способности?», Евгений Ильич бы совершенно искренне все рассказал бы. «Причина того, что сегодня не присоединил Кобейсина к нам, заключается в том, что хотел избежать лишних разговоров». Конечно, он не забыл о том, что и его авторитет от этого вырастет. На этот раз разговор о Кобейсине останется темой за семью печатями. А на самом деле, кто поверит в то, что Ебейсин не приложил руку к результатам конкурса?

– Не простудитесь.

– Холод родной земли костей не ломит, даже греет.

– Пах, опять попали в точку! – мэр просто обрадовался. Покачал своей крупной головой: – За одно это можно было бы поднять тост.

– Успеем еще.

– Наше дело – просто напомнить.

– Спасибо за напоминание! Когда придет время, в долгу не останусь.

– О чем вы говорите!

– Теперь об одном маленьком деле. Там, где площадка между этноаулом и мавзолеем, выделите мне небольшой участок земли. Вот и доверил вам свое заветное желание Сагыныш...

– Этот Сагыныш, с одной стороны, мой самый близкий друг. Вместе учились, вместе росли в молодости. С другой стороны, божьей милостью мой сват.

– Как это?

– Невестка, та, которая в доме Кобейсина, родная сестренка Сагыныша.

– Вы говорите об Аккербез, ойпырмай, мы, оказывается, многого не знаем. Внутри вашего брата цепенеет еще какой замок. Я ведь совсем недавно узнал, что вы родные братья.

– Это разглашать ни к чему. Кобейсин правильно делает. Если все будет хорошо, мой сват Сагыныш хочет понемногу начать бизнес в этих краях. Рядом с большой дорогой, недалеко от мавзолея хочет открыть ресторан. Если все пойдет, как надо, не забудет и нас. Как говорится, крышка казана находится сверху. Документы на землю будут оформлены на других людей. Некто вроде Мыркыбаева, Койшыбаева, Туебаева. Ну, мы поедем...

– Счастливой дороги, чтобы удача сопутствовала вам.

Ебейсин и мэр на прощание обнялись. Черный лоснящийся джип, не вязнувший в снегу, рванул с места и помчался по прямой дороге с правой стороны от Байконура.

Перевод Аслана Жаксылыкова.

